

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Тальская Ольга Дмитриевна

**Среднеазиатская политика Российской империи
в творческом наследии М.А. Терентьева (1837-1909)**

5.5.1. – История и теория политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доц. Андерсон К.М.

Москва 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	18
§1. Историко-политический контекст присоединения Российской империей Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.	18
§2. Основные этапы жизни и творчества М.А. Терентьева	37
§3. Творческое наследие М.А. Терентьева в современном научном дискурсе.....	51
Выводы главы.....	65
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ТЕРЕНТЬЕВА	68
§1. Национально-территориальная специфика Средней Азии в трудах М.А. Терентьева.....	68
§2. Особенности культурной политики Российской империи в Средней Азии.....	90
§3. М.А. Терентьев о геополитическом противоборстве Российской империи и Великобритании в Средней Азии.....	109
Выводы главы.....	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
ЛИТЕРАТУРА	144

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Средняя Азия – стратегическое направление геополитических интересов России, особенно в условиях кризиса сотрудничества со странами Европы и США. Важность эффективного взаимодействия с Азией растет, однако существуют проблемы, решение которых невозможно без учета исторического контекста.

Значение последствий присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX века весьма велико, так как сегодня и в России, и в странах Средней Азии (как и на всем постсоветском пространстве) стоит вопрос о необходимости сотрудничества и интеграции, налаживания новых форм взаимодействия.

Изучение современных тенденций и процессов политического, экономического, культурного, религиозного и иного сотрудничества России и государств Средней Азии требует обращения к анализу исторических обстоятельств, что в свою очередь, предполагает изучение малоисследованных, но важных для восстановления общей картины работ отечественных деятелей, государственных и военных, бывших непосредственными участниками процесса присоединения Средней Азии. Их донесения, дневники, мемуары и публицистические сочинения образуют остов исторической памяти.

Так, одним из полузабытых сегодня, но важных исторических лиц является Михаил Африканович Терентьев (1837–1909), военный востоковед и историк, лингвист, юрист, большую часть своей карьеры служивший в Средней Азии на управляющих и судебных военных должностях и вышедший в отставку в чине генерал-лейтенанта.

М.А. Терентьев не являлся теоретиком или пропагандистом, обосновывающим в своих работах интересы Российской империи в регионе. Прежде всего он был непосредственным участником и проводником российской политики в Средней Азии, обобщившим свои представления и впечатления о процессах интеграции среднеазиатских территорий в состав Российской

империи. Анализ его работ позволяет продемонстрировать историко-политический взгляд «изнутри».

Используя современные источники и труды М.А. Терентьева, можно получить возможность не только исследовать среднеазиатскую политику Российской империи, но и реконструировать основные идейно-политические комплексы, на которых эта политика основывалась и которыми руководствовались как российское правительство, так и непосредственные исполнители этой политики – военные и государственные чиновники. Это позволяет выделить историческое знание не только о фактах, но и об отношении к вопросу присоединения Средней Азии в российском обществе того времени. В частности, в работах М.А. Терентьева получают обоснование концептуальные основания политики Российской империи в регионе, то, как имперская идеология становится важным фактором противодействия угрозам того времени, как она легитимизируется в глазах военного сословия и как осуществляется на прикладном уровне.

Отметим вариативность названий рассматриваемого региона. В XIX в. российские географы считали, что «Центральная Азия» – регион к востоку от Памира. «Русский Туркестан» отражал административные, а не географические реалии, т.к. охватывал постоянно меняющуюся территорию русских владений в регионе. В рамках проводимого исследования был выбран для использования термин «Средняя Азия», позволяющий не допустить терминологической путаницы: М.А. Терентьев в своих работах использует именно этот термин.

Характеристика источников и степени научной разработанности темы исследования. Оценки деятельности и личности М.А. Терентьева в современной историографии значительно разнятся. В данной работе эти оценки впервые систематизируются и анализируются. Основой этого процесса является анализ источников, в том числе архивных материалов Российского государственного военно-исторического архива. Использовались материалы фон-

да 409 – «Послужные списки офицеров»¹, что было необходимо для получения достоверных данных о наградах М.А. Терентьева.

М.А. Терентьев создал целый ряд важных с политической точки зрения работ по освоению Туркестанского края, часть которых была подготовлена им по поручению генерала К.П. Кауфмана. Он очень подробно описал весь ход присоединения новых территорий, основываясь на архивных документах Туркестанского генерал-губернаторства. М.А. Терентьев учел выводы английских исследователей, стремившихся создать образ «опасной Российской империи», и дал обоснование российской политики с позиции геополитической обстановки и пересечения политических интересов Великобритании и Российской империи. В качестве основных источников в данной работе используются труды М.А. Терентьева: «История завоеваний Средней Азии» в трех томах, «Россия и Англия в борьбе за рынки», «Россия и Англия в Средней Азии», «Статистические очерки Средне-Азиатской Российской империи», «Взятие Карса 6 ноября»².

Кроме того, в диссертации уделяется внимание лингвистическим работам М.А. Терентьева, таким как «Русская азбука для школ в Средней Азии», «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке», «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская», «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская», «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики»³. Это

¹ Послужной список Военного Судьи Виленского Военно-Окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // Российский государственный военно-исторический архив, Фонд 409, опись 1, дело 4/9/15, заголовок дела п/с 67–803.

² *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018; *Терентьев М.А.* Российская империя и Англия в борьбе за рынки. СПб.: П. Меркурьев, 1876; *Терентьев М.А.* Российская империя и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875; *Терентьев М.А.* Статистические очерки Средне-Азиатской Российской империи. СПб.: Типография императорской академии наук, 1874; *Терентьев М.* Взятие Карса 6 ноября // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к «Всемирной иллюстрации». 1878. № 67. С. 135–136.

³ *Терентьев М.А.* Русская азбука для школ в Средней Азии. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875; *Терентьев М.А.* Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875; *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская,

обусловлено тем, что М.А. Терентьев объяснял важное практическое значение своих лингвистических трудов с точки зрения эффективного ведения военной деятельности и распространения европейской цивилизации в мире.

К числу источников данного исследования можно отнести также работы русских путешественников и ученых XIX – начала XX вв., которые помогают оценить исторический и идейно-теоретический контекст ситуации в Средней Азии XIX в. Нужно отметить труды выдающегося востоковеда В.В. Григорьева. Прежде чем занять пост заведующего кафедрой в Петербургском университете, он служил начальником пограничной экспедиции в Оренбургском крае и знал о происходящих там событиях. В его трудах обосновывается «цивилизаторская миссия» русского народа⁴. В ряду востоковедов невозможно не упомянуть В.В. Бартольда, анализ трудов которого помогает понять культурно-исторические аспекты изучения региона⁵. Богатую источниковую базу представляют мемуары участников экспедиций и членов Русского географического общества. Они достаточно объективно отражают происходившие в то время события. Так, его член П.И. Небольсин с середины XIX века собирал сведения о торговле с ханствами⁶. Н.В. Ханыков написал немало заметок о поездках в Среднюю Азию⁷. Он возглавлял экспедицию в Хорасан в 1858 г.

Что касается *историографии*, то изучением вопроса присоединения Средней Азии к Российской империи занимались многие исследователи, историки, политологи, другие ученые и специалисты. Среди советских историков, занимавшихся изучением Средней Азии, необходимо отметить Н.А.

киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875; *Терентьев М.А.* Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1876; *Терентьев М.А.* Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавк., 1912.

⁴ *Григорьев В.В.* Россия и Азия. М.: Вече, 2020.

⁵ *Бартольд В.В.* Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020.

⁶ *Небольсин П. И.* Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом. СПб.: П. Меркурьев, 1856.

⁷ *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1843.

Халфина, который был одним из видных ученых, изучавших имперскую политику в Средней Азии. В своих работах он исследовал предпосылки политики Российской империи в регионе, ее экономическую составляющую⁸. Также необходимо упомянуть труды Г.А. Хидоятова, П.П. Иванова, Г.А. Ахмеджанова, О.Р. Айрапетова, Г.К. Рустамова⁹.

В литературе выделяется целый пласт работ, в которых интересы Российской империи в регионе рассматриваются с точки зрения геополитики. Столкновение геополитических интересов Британской и Российской империй в Средней Азии действительно заслуживает особого внимания. Многие исследователи сходятся во мнении, что так называемая «Большая игра» была преимущественно экономическим соревнованием двух держав. Однако существенную роль сыграл и геополитический фактор. Исключительно этому вопросу посвящены труды М.Н. Анненкова, Л.Г. Бондаревской, А.И. Звавича, М.Т. Кожекиной, И.Е. Федоровой, в которых рассматриваются геополитические интересы Российской и Британской империй¹⁰. К современным авторам,

⁸ *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1960; *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: САГУ, 1957; *Халфин Н.А.* Дж. Н. Керзон в российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 106–115; *Халфин Н.А.* Лорд Керзон идеолог и политик британского империализма // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 20–40; Миссии из Индии в Россию во второй половине XIX века. М.: Восточная литература, 1963; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к Российской империи (60-90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965; *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начале XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959; *Халфин Н.А.* Российская империя и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.). М.: Восточная литература, 1975; *Халфин Н.А.* Российская империя и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.

⁹*Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-е-70-е гг.). Ташкент: Фан, 1969; *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI середина XIX вв.). Москва: Издательство восточной литературы. 1958; *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи, 1801-1914. М.: Европа, 2006; *Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К.* Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX первой половине XX вв. Ташкент: Фан, 1999.

¹⁰*Анненков М.Н.* Ахалтекинский оазис и пути в Индию. СПб.: Штаб Петербургского военного округа, 1881; *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1968; *Бондаревская Л.Г.* Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // Российская империя на рубеже XIX–XX вв. / ред. А.Г. Голиков, А.П. Карелин. М.: Росспэн, 1999. С. 325–335; *Зва-*

затрагивающим этот вопрос в своих исследованиях, можно отнести Д.В. Васильева, который в ряде работ рассмотрел роль и место Афганистана в «Большой игре» Российской империи¹¹ и Е.Ю. Сергеева, предложившего новую концепцию взаимоотношений Российской империи и Британии в среднеазиатском регионе. Последним была собрана обширная источниковая база, включены в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы. Его концепция двусторонних отношений Российской империи и Англии в XIX веке помимо экономических и политических предпосылок, включает также анализ социокультурных и цивилизационных мотивов¹².

Особый пласт — работы, раскрывающие административные и религиозные аспекты политики России в Средней Азии. Здесь выделяется коллективная работа, выполненная на факультете мировой политики Московского университета, под руководством профессора Ф. М. Мухаметшина, основное внимание в которой уделено роли религии в среднеазиатских ханствах и у казахов в период вхождения региона в состав Российской империи и форми-

вич А.И. Русско-английские отношения в 1909–1914 гг. // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1961. Т. 105. Вып. 6. С. 73–103; *Кожеекина М.Т., Федорова И.Е.* Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М.: Наука, 1989.

¹¹ *Васильев Д.В.* Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2(42). С. 140–154; *Васильев Д.В.* Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт второй: Посольство Н. Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3(43). С. 69–85; *Васильев Д.В.* Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт третий: Война эмира Шир-Али // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4(44). С. 183–201.

¹² *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012; *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка Российской империи в борьбе с Японией, 1904–1905 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92; *Сергеев Е.Ю.* Имперские военные элиты Российской империи и Великобритании в конце XIX – начале XX вв.: опыт сравнительного анализа. / Российская империя и Британия. Связи и взаимные представления. XIX–XX века / ред. А.Б. Давидсон. М., Наука, 2006. Вып. 4. С. 228–247; *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX - начале XX вв. / Российская империя и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., ПРИ РАН, 1996. С. 166–174; *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998.

рованию исламской политики новой власти¹³. Различные аспекты религиозных отношений в Средней Азии в имперский период раскрывает в своих работах историк Д.Ю. Арапов¹⁴. Проблеме религиозного фактора в политике Российской империи уделяется внимание в работах В.Ю. Зорина¹⁵, Т.В. Котюковой¹⁶, В.П. Литвинова¹⁷, М.М. Мчедловой¹⁸, и др. Административные аспекты присоединения Центральной Азии, особенности внутренней политики Российской империи в этом регионе всесторонне рассмотрены в работах Д.В. Васильева¹⁹ и И.В. Волкова²⁰. Труды этих авторов существенно облегчили выполнение задач диссертационной работы.

Очень важными для настоящего исследования представляются работы, посвященные жизни и творчеству М.А. Терентьева. Так, современник М.А. Терентьева В.А. Соболевский в труде «Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование» первым в историографии упомянул

¹³ Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века / [Ф. М. Мухаметшин и др.]. М.: Издательство Московского университета, 2013.

¹⁴ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001.

¹⁵ Зорин В.Ю. Мусульмане Российской империи: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире. 2016. Том 12, № 2. С. 117–126.

¹⁶ Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. С. 78–98.

¹⁷ Литвинов В.П. Ислам в царской России: паломничество мусульман Средней Азии: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2022. 204 с.

¹⁸ Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11, № 1. С. 93–103.

¹⁹ Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2018; Васильев Д.В. Центральная-Азиатский регион Российской Империи: общность внутренней политики через идентичность законодательной практики // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 147–156; Васильев Д.В. Россия в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: влияние целей и характера присоединения на систему управления // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России. Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 600–614.

²⁰ Волков И.В. Судебная политика царской власти в Русском Туркестане // Власть. 2020. №2. С. 243–249; Волков И.В. Эволюция административного управления в Русском Туркестане (1897-1917 гг.) // Проблемы истории общества, государства и права. 2019. №7. С. 75–91.

труды М.А. Терентьева. Он писал, что М.А. Терентьев служил примером талантливых сотрудников военно-судебного ведомства, что по мнению В.А. Соболевского было редкостью²¹.

В наши дни С.Н. Брежнева в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук описала деятельность и идеи М.А. Терентьева в «процессе присоединения Туркестанского края»²². П.В. Цыганков исследовал истоки азиатской геополитики Российской империи на материалах труда М.А. Терентьева «Российская империя и Англий в Средней Азии»²³. Ш. Мухамедина опиралась на труды М.А. Терентьева для обоснования тезиса о значительном отличии имперской политики Российской империи и Англии²⁴. А.Н. Алёшин описал и проанализировал биографию М.А. Терентьева в контексте генеалогических изысканий. А.М. Дубовиков обосновал положение о том, что статистические данные, приводимые М.А. Терентьевым в его трудах, имеют важное значение в рамках исторического анализа, а также подчеркнул значимость самих терентьевских трудов как важнейшего источника информации о присоединении Средней Азии²⁵. Ж. Кундакбаева анализирует труды М.А. Терентьева и критически отзывается о его прогнозах²⁶. В.В. Олейник описывает важность просветительской культурной деятельности М.А. Терентьева в вопросах оказания политического и соци-

²¹ *Соболевский, В. А.* Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1882. С. 45.

²² *Брежнева С.Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к Российской империи: Вторая половина XIX в. Начало XXI в. Дисс. ... д-р. истор. наук: 07.00.09. / Москва, 2005.

²³ *Цыганков П.В.* М.А. Терентьев и его труд «Российская империя и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики Российской империи (вторая половина XIX в.) // Омский научный вестник. Исторические науки, 2010, № 4 (89). С. 28–31.

²⁴ *Мухамедина Ш.* Центральная Азия и Казахстан: исторический «ренессанс» или социальный заказ? // Диалог со временем, 2015, № 53. С. 119–138.

²⁵ *Дубовиков А.М.* Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, 2017, № 1 (21). С. 74–94.

²⁶ *Кундакбаева Ж.* М.А. Терентьев. История завоевания средней Азии // Вопросы истории, 2019, № 4. С. 159–163.

ального воздействия на примере его работы в органах военной юстиции²⁷. К. Сонгвунг и Ч. Сечжин подчеркивают важность трудов М.А. Терентьева с военно-политической точки зрения²⁸. Интересной и информативной представляется также вступительная статья Г.А. Бордюгова, А.Г. Макарова и Б.В. Соколова к изданию «Истории завоевания Средней Азии» 2018 г.²⁹

Деятельность М.А. Терентьева и его труды также исследовались зарубежными авторами. Г.О. Теллах в диссертации на соискание ученой степени доктора философии доказывает важность трудов М.А. Терентьева в качестве источника фактической и идеологической информации о процессе присоединения Российской империей Средней Азии³⁰. С. Бекер также обращается к М.А. Терентьеву как к надежному источнику достоверной информации³¹. П. Хопкиром обосновывает противоположную оценку действий и трудов М.А. Терентьева, негативно отзываясь о нем, считая, что его работы носили англофобский характер и негативно отзываясь о М.А. Терентьеве³². М. Йетишгин рассматривает рассуждения М.А. Терентьева о необходимости продвижения Российской империи к индийским территориям Великобритании³³. А. Шаукенова анализирует развитие политической и законодательной системы Казахстана, обращаясь к творчеству М.А. Терентьева в рамках этого анализа³⁴. А.М. Абдилдабекова

²⁷ Олейник В.В. «Кое-что сделавший на поприще литературы» (избранные персоналии военной юстиции Виленского военного округа конца XIX начала XX века) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: Исследования по новой и новейшей истории, 2020, №4. С. 87–98.

²⁸ Сонгвунг К., Сечжин Ч. Поход Бековича-Черкасского на Хиву и продвижение Российской империи в Среднюю Азию в XVIIIв. // Вопросы истории, 2020, № 7. С. 165-170.

²⁹ Бордюгов Г.А., Макаров А.Г., Соколов Б.В. Вступительная статья к «Истории завоевания Средней Азии» / Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 5–22.

³⁰ Tealakh G.O. The Russian Advance in Central Asia and the British Response 1834-1885. A Thesis Submitted in Fulfilment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy. Durham: University of Durham, 1991.

³¹ Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva, 1865-1924. London, New York: RoutledgeCurzon, 2004.

³² Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London: John Murray, 2006.

³³ Yetisgin M. The Anglo-Russian Rivalry, Russia's Annexation of Merv and the Consequences of the Annexation on Turkmens // bilig, 2007, № 40. Pp. 141-165.

³⁴ Shaukenov A. Changes in the Political and Legal System of Kazakhstan in the Process of its Incorporation into the Russian Empire from the Second Half of the 18th Century to the End of the 19th Century // Asian and African Studies, 2013, V. 22, № 2. Pp. 279-301.

изучает труды и деятельность М.А. Терентьева с «национальной» точки зрения, противоположной имперской точке зрения самого М.А. Терентьева³⁵.

Таким образом, даже краткий историографический обзор показывает наличие большого количества различных оценок и мнений по поводу как политики Российской империи в Средней Азии, так и творчества М.А. Терентьева, описавшего этот процесс. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости определения роли и места М.А. Терентьева в истории политики и общественной мысли России на основе тщательного политико-текстологического анализа его трудов и изучения исторического контекста их создания. При этом, как показывает современная историография, в работах политологов труды М.А. Терентьева не рассматриваются, проводимое исследование является первым подобного рода. Несмотря на внимание к указанным проблемам, в научных работах по данной тематике имеются лакуны и недостаточно изученные сюжеты, что требует посвящения этим проблемам специального историко-политологического исследования. Все это обусловило выбор объекта, предмета, постановку цели и задач диссертационной работы.

Объект исследования. Творческое наследие М.А. Терентьева.

Предмет исследования. Концепции, идеи, и интерпретации политической практики присоединения Средней Азии к Российской империи в трудах М.А. Терентьева.

Цель работы – реконструировать комплекс представлений М.А. Терентьева об особенностях интеграции Средней Азии в состав Российской империи.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) дать историко-политическую характеристику процесса присоединения Средней Азии к Российской империи в конце XIX – начале XX вв. как контекста формирования взглядов Терентьева;

³⁵Abdildabekova A.M. Joining of the Kazakh lands to the Russian empire: historiographical review XIX early XX century // Хабаршы. Тарихсериясы, 2018, № 4 (91). Pp. 59–66.

- 2) выделить основные этапы биографии Терентьева, оказавшие влияние на его политическое мировоззрение;
- 3) оценить значимость концепции Терентьева с исторической и политологической точки зрения;
- 4) выявить в трудах М.А. Терентьева его трактовку национально-территориальной специфики Средней Азии;
- 5) свести воедино разрозненные работы Терентьева о мерах по осуществлению Россией культурной политики в Средней Азии;
- 6) охарактеризовать позицию М.А. Терентьева по поводу геополитического противоборства Российской империи и Великобритании в Средней Азии.

Хронологические рамки исследования охватывают период, начиная с первой половины XIX в. до конца первого десятилетия XX в. Нижняя граница – январь 1837 г., время рождения М.А. Терентьева. Верхняя – начало XX века до смерти М.А. Терентьева в марте 1909 г.

Теоретико-методологической основой исследования выступили общенаучные методы, описательный, историко-хронологический, системный и сравнительный подходы. Основным в исследовании стал метод политико-текстологического анализа, ориентированный на тщательное изучение текстов М.А. Терентьева и контекста их создания. Кроме метода анализа документов, использовались и приемы биографического анализа для выявления того, как обстоятельства жизни М.А. Терентьева повлияли на его взгляды, а также метод историко-философской реконструкции, позволивший интерпретировать исследуемые явления, процессы и идеи в их совокупности.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые в политической науке проведено специализированное исследование творческого наследия М.А. Терентьева, основанное на изучении его биографии, исторического контекста и содержания исторических, публицистических и лингвистических трудов. В частности, научная новизна выражается:

- в выявлении особенностей процесса присоединения Средней Азии к Российской империей в конце XIX – начале XX вв., оказавших влияние на взгляды М.А. Терентьева;
- в выделении этапов и событий биографии Терентьева, оказавших влияние на формирование его политических взглядов;
- в оценке сочинений М.А. Терентьева как исторического источника, сообщаемого фактические данные о деятельности русских войск в XIX в., и как политологического трактата, определяющего суть и основные направления политики России в Средней Азии;
- в выявлении в работах М.А. Терентьева его оценки национально-территориальной специфики Средней Азии на примере отношения местных элит и населения региона к России;
- в систематизации взглядов М.А. Терентьева по поводу проведения Россией в Средней Азии мероприятий по интеграции местного населения в культурное пространство России;
- в выявлении рекомендаций М.А. Терентьева о стратегии поведения России в геополитическом противостоянии с Великобританией в Средней Азии (о т.н. «Большой игре»).

Положения, выносимые на защиту:

1. На формирование политических взглядов М.А. Терентьева оказали влияние политическая среда (интеграция в Российскую империю государств Средней Азии), социальная и культурная среда (принадлежность к числу «туркестанских генералов»), определенным образом интерпретировавших внутреннюю и внешнюю политику России), а также события из собственной биографии мыслителя, предопределившие его мировоззрение.
2. Двойственность оценок работ М.А. Терентьева в современном научном дискурсе объясняется различной интерпретацией исследователями фактической информации, сообщаемой мыслителем в своих работах, и тех оценок, которые Терентьев дает политике России в Средней Азии в целом. Исследователи безоговорочно признают ценность работ Терентьева как

источника сведений о среднеазиатской политике России XIX в., но по-разному относятся к тезису мыслителя о добровольном вхождении среднеазиатских народов в состав империи и к сформулированному Терентьевым перечню средств сохранения Петербургом своей власти на новых территориях.

3. Анализ произведений М.А. позволяет выделить его отношение к национально-территориальной специфике Средней Азии. По мнению мыслителя, она заключается в лояльности российскому императору местного населения, руководствующегося религиозными и традиционными ценностями и, одновременно, в потребительском отношении к России местных элит, использующих империю как источник собственного обогащения. Для предотвращения актов предательства со стороны среднеазиатской знати М.А. Терентьев разработал систему рекомендаций по управлению Средней Азией.
4. Предложенные М.А. Терентьевым мероприятия по осуществлению Россией культурной политики в Средней Азии представляли резкий контраст с деятельностью в регионе Британской империи и предполагали создание системы образования местного населения на русском языке, а также обучение российских управленцев и военнослужащих местным языкам. По заключению М.А. Терентьева, успешная реализация языковой политики позволит интегрировать местное население в культурное пространство России.
5. Изучение работ М.А. Терентьева позволяет реконструировать его взгляды по поводу противоборства в Средней Азии Российской и Британской империй. Анализируя геополитическое столкновение двух держав (т.н. «Большую игру»), мыслитель рекомендовал сочетать в отношениях с Лондоном стратегии противоборства и сотрудничества. Возможность сотрудничества объяснялось общей цивилизационной миссией империй по распространению в Азии европейской культуры. Противоборство тракто-

вались как неизбежность, обусловленная разными национальными интересами двух стран.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно расширяет предметное поле истории социально-политической мысли России и вводит в научный оборот новые, ранее в своей совокупности не изученные источники. Его результаты могут использоваться в рамках учебных курсов по истории политики и политической мысли в вузах, а также использоваться в дальнейших научных исследованиях по данной и смежным научным тематикам.

Апробация результатов исследования. Всего автором опубликовано 96 научных работ. Из них, основные положения диссертационного исследования были изложены в 14 научных публикациях, включая монографию и 7 статей в журналах, индексируемых в международных базах и входящих в ядро РИНЦ, а также входящих в Дополнительный список рецензируемых научных изданий для публикации научных результатов диссертаций, утвержденный Ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (список АК МГУ). Положения и выводы диссертации были представлены автором в выступлениях на 23 форумах и конференциях, таких как Международная научно-практическая конференция «Национальная идентичность и патриотизм в государствах в условиях международных кризисов» (2022); Всероссийская научно-практическая конференция X Карповские чтения (2022); «Лекторий факультета политологии» в рамках XVII Всероссийского фестиваля науки «NAUKA 0+» (2022); Круглый стол «Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии» (2022); Международная научная конференция «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (2011, 2013, 2015); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Православие и русская литература. Вузовский и школьный аспект изучения» (2012); Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2019, 2020); Международная конференция молодых ученых и специалистов «Clio».

Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); Международная научная конференция «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления» (2016).

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Историко-политический контекст присоединения Российской империей Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.³⁶

В контексте заявленного исследования важно понимание того, что вкладывалось в термин «Средняя Азия» в XIX–XX вв. Географическая, топографическая и топонимическая сложность вопроса требует пристального внимания. В научной и справочной литературе нет единого географического обозначения Средней Азии.

Истинные причины многовариантности названий Средней Азии кроются в истории региона XIX–XX вв., когда появились новые сферы политического влияния, что привело к возникновению таких терминов, как «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Русский Туркестан».

В XIX в. российские географы считали, что под Центральной Азией необходимо понимать регион к востоку от Памира. Исследователи топонимики полагают эти труды причиной того, что в российской географии Центральная Азия определяется как территория на востоке от Памира³⁷.

³⁶ При написании этого параграфа диссертации использованы следующие статьи автора: *Тальская О.Д.* К вопросу об идеологическом обосновании колониальной политики // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «С1ю-2011». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 14–17, *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в Средней Азии. Конец XIX – начало XX вв. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов «С1ю-2012». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 232–234, *Тальская О.Д.* Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания. 2017. №2. С. 341–348.

³⁷ *Алексеева Н.Н., Иванова И.С.* Средняя или Центральная Азия? // География, 2003, № 28. [электронный ресурс] URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> [дата доступа: 01.11.2021].

Топоним «Средняя Азия» встречается в работах Л.Ф. Костенко; А.А. Семенова³⁸. Во время «Большой игры» – противостояния Российской империи и Британии – был популярен термин «Средний Восток», введенный Дж. Н. Керзоном³⁹. Значение «Средний» относилось к «Среднему Востоку» в геополитическом смысле. Оно включало такие территории, как Кашгария, Хива, Бухара, Туркестан, Коканд, Восточный Иран, Афганистан и Памир. В свою очередь, термин «Central Asia» имел другую коннотацию и включал земли от Закавказья до Тибета⁴⁰. Таким образом, в самом термине «Средний Восток» отражалось его срединное положение по отношению к владениям Британской и Российской империй.

Помимо вышеупомянутых топонимов, существовало также географическое название «Туркестан»⁴¹, но его употребление, как замечают географы Алексеева Н.Н. и Иванова Н.С., обладало рядом неточностей. Так, ни народы Бадахшана, ни часть таджиков, говорящая на персидском, не принадлежала к тюркам⁴². Выделяли Западный и Восточный Туркестан. Ранее они назывались Великой и Малой Бухарией (по названию столицы узбекского ханства Бухары). С завоеванием этих земель и образованием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. земли начали также называть Русским Туркестаном. Стоит заметить, что этот термин использовался лишь в отношении границ генерал-губернаторства, которые постоянно менялись. В связи с этим термин «Русский Туркестан» имел лишь административное значение. В рамках проводимого исследования был выбран для использования термин «Средняя

³⁸ См.: Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Издание А.Ф. Бабунова, 1871; Семенов А.А. Средняя Азия. М.: Типография О. Л. Сомовой, 1899.

³⁹ Джордж Натаниэл Керзон публицист, путешественник и государственный деятель. Вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), лидер палаты лордов (1916–1925), лорд-председатель Совета (1916–1919, 1924).

⁴⁰ Allen N.B. Asia. Boston; New York: Johnson publishing house, 1916. P. 15.

⁴¹ Начали использовать этот термин на рубеже XVIII XIX веков. В оборот ввели англичане.

⁴² Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? // География, 2003, № 28. [электронный ресурс] URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> [дата доступа: 01.11.2021].

Азия», позволяющий не допустить терминологической путаницы: М.А. Терентьев в своих работах использует именно этот термин.

После революции 1917 г. ситуация изменилась. Изменились и наименования. В 1924 г. после появления Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР территория стала называться Советским Туркестаном, затем были образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская АССР, Кара-Киргизская автономная область, Каракалпакская автономная область. Интересен тот факт, что в 1925 г. была переименована Киргизская АССР. Ее новое название – Казахская АССР. Именно эта область в 1936 г. стала союзной республикой в составе СССР. После политико-административных реформ 1930-х гг. в оборот вошло устойчивое словосочетание «Средняя Азия и Казахстан»⁴³.

Кратко опишем историю присоединения азиатских территорий к Российской империи. В 1822 г. Александр I издал указ о введении «Устава о сибирских киргизах», который ликвидировал местное самоуправление в жузах казахов. В 1873 г. было подчинено Хивинское ханство. В 1876 г. было ликвидировано Кокандское ханство. С 1871 по 1881 гг. активно проходил процесс присоединения Восточного Туркестана к Российской империи. В 1884 г. Россия заняла значительные территории Туркмении. В 1887 г. между Российской империей и Великобританией было заключено соглашение о демаркации границ Афганистана, а в 1895 г. страны разделили сферы влияния на Памире.

Рассматривая специфику региона, необходимо отметить, что Средняя Азия – это сложный по этническому составу, традициям и религиозным ценностям регион⁴⁴. Важно отметить тот факт, что изучением среднеазиатских территорий, а также быта и традиций народов, проживающих на этих территориях, занимались в основном арабские историки. Сохранилось не так мно-

⁴³ Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? // География, 2003, № 28. [электронный ресурс] URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> [дата доступа: 01.11.2021].

⁴⁴ См.: Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе: Ирфон, 1989.

го сведений о некоторых периодах существования протогосударственных объединений в этом регионе. «Изучение истории турок и вообще среднеазиатских народов затрудняется еще крайне неравномерным освещением отдельных периодов. Если мы о каком-либо периоде и какой-либо стране для известного периода располагаем сравнительно подробными сведениями, то о том, какую жизнь вели тот же народ или та же страна раньше или после, часто приходится довольствоваться несколькими словами в каком-нибудь одном источнике», – отмечал историк, создатель русской востоковедческой исторической школы, академик В.В. Бартольд⁴⁵.

Одной из черт природных условий Средней Азии, оказавшей огромное влияние на ход ее истории, было наличие Великой степи. С этой чертой связан процесс формирования кочевничества, которое возникает в начале I тысячелетия до н.э. там, где это было единственной возможностью приспособления к окружающей среде. Кочевники в основном занимались скотоводством. «Переход кочевников к земледелию совершается везде только под давлением экономической необходимости; такая необходимость больше всего проявлялась в Восточном Туркестане, где почти нет пастбищ, и почти все неорошаемое и не отведенное под пашни пространство представляет песчаную пустыню, одинаково непригодную для скотоводства, как и для земледелия», – так писал Бартольд об условиях жизни на территории Средней Азии⁴⁶.

Говоря о политико-экономических традициях этих народов, П.П. Иванов замечает, что «нередко были случаи, когда знать отдельных узбекских племен, желая укрепить свой авторитет и вместе с тем власть над соседями, приглашала к себе правителем того или иного представителя потомства Чингиз-хана. Такого рода правителей – чингизидов, обычно называвшихся султанами в степях среди узбеков было довольно много»⁴⁷. Эта сила кров-

⁴⁵ Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020. С. 3.

⁴⁶ Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020. С. 26.

⁴⁷ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI середина XIX вв.). Москва: Издательство восточной литературы. 1958. С. 23.

ного авторитета у степных народов говорила о преобладании самых архаичных форм жизни, однако это мнение неоднозначно. Так, М.А. Терентьев описывал множество случаев, когда назначенные или одобренные Российской империей местные правители, обладающие «нужной» родословной, вызывали неодобрение местного населения⁴⁸.

В XIX в. В Среднюю Азию отправлялись различные экспедиции. Русское географическое общество исследовало регион и с научной точки зрения – изучались почва, климатические условия, Аральское море, разрабатывались дорожные карты; также собирались данные о социально-экономическом устройстве ханств, анализировались бытовые отношения. Очевидно, что подобные экспедиции преследовали не только научно-исследовательские, но и геополитические цели, в связи с чем, сведения, которые получали в результате таких поездок, учитывались русским правительством.

П.И. Небольсин, член Русского географического общества, после поездки в Оренбург в 1850 г. создал проект экономического сотрудничества и взаимодействия Российской империи и стран региона⁴⁹.

Обстановка в Средней Азии была беспокойной, наблюдались постоянные стычки между ханствами и городами. Эти обстоятельства, недовольство рабским положением, экономическая зависимость от Российской империи вынуждали некоторых из них просить покровительства у Российской империи. Так, к примеру, в 1847 г. русское подданство приняли роды старшего жуза казахов, после чего в регионе началось строительство новых городов – в 1854 г. был основан город Верный (ныне Алма-Ата). Применение Российской империей так культурной политики как инструмента воздействия продолжалось до полного присоединения всех среднеазиатских земель к Российской империи, напоминая покорение Сибири.

⁴⁸ См., например: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018. Т.1. С. 87.

⁴⁹ См.: *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 15.

Порядок и форма управления Средней Азией создавались поэтапно. В 1865 г. было издано Временное положение об управлении Туркестанской областью. В нем формулировались основные принципы проведения внутренней политики – осуществление общего надзора за местным населением, невмешательство во внутренние дела, правовые, земельные и религиозные отношения. В июле 1867 г. для обсуждения проблемы административного устройства присоединенных территорий был создан специальный комитет, который возглавил Д.А. Милютин, тогда же было принято решение о создании новой административной единицы – Туркестанского генерал-губернаторства. Столицей стал Ташкент, а возглавил край генерал К.П. Кауфман. Особенность управления в этом регионе заключалась в том, что вся полнота власти принадлежала военной администрации, тогда как в других областях Российской империи политика управления проводилась через Министерство внутренних дел⁵⁰.

При генерал-губернаторе состояли также его помощник и особый комитет из военных и гражданских чиновников края. Органом исполнительной власти являлась канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства. Состояла она из трех отделений. Первое занималось вопросами управления и личным составом; второе ведало земельными вопросами, делами строительства, связи, учебы; за третьим отделением была закреплена финансовая политика, а также наблюдение за иностранными подданными. Дипломатический отдел канцелярии был на особом положении. В его задачи входило решение вопросов, связанных с протекторатом над Хивой и Бухарой. В 1899 г. он был заменен представительством Министерства иностранных дел⁵¹. Генерал-губернаторство было поделено на волости и уезды, но власть все же концентрировалась в руках военной администрации. Во главе областей стояли военные губернаторы и областные правления, уезды возглавляли уездные начальники. Эта система управления, в отличие

⁵⁰ См.: *Небренчин С.М.* Исторический опыт работы Русской армии с населением мусульманского востока в XIX–XX столетиях // *Вестн. Моск. Гос. Лингвист. Ун-та; Сер. Общественные науки.* 2016. № 2 (767). С.131-150.

⁵¹ См.: *История Узбекской ССР в четырех томах, Т.2.* / Под ред. Толстова С.П. и др. Ташкент: Фан, 1968. С. 56

от иных систем управления колониальных держав, отличалась гибкостью и напоминала скорее отношения между центром и провинцией, нежели чем между метрополией и колонией.

С юридической точки зрения вопросы территориального разделения региона Средней Азии в Российской империи регламентировались Приложением к Своду законов Российской империи. Вопросы непосредственного управления регионом находились в ведении генерал-губернаторов, которым вменялось в обязанности создание и регулирование порядка управления, решение судебных вопросов, а также проведение конфессиональной политики. В 1910 г. был принят закон «О круге ведомства Мирowych Судей в Бухарском Ханстве, Самаркандского Окружного Суда и Российского Политического Агента в Бухаре по возникающим в пределах Бухарского Ханства судебным делам»⁵². Нужно отметить, что правовому регулированию вопросов в Средней Азии отводилось куда большее место, нежели чем идеологическому обоснованию действий, что говорит о сугубо прагматической политике российского правительства.

Российское государство в анализируемый период было империей. Существует множество различных трактовок термина «империя», но научного консенсуса нет. В связи с этим в нашей работе используется следующее определение термина «империя»: империя – это государство с иерархической связью между центром и периферией, неоднородной политической и экономической системой, территориально-географической рассредоточенностью и проживанием на ее территории различных народностей. При этом очень важно уточнить, что империями считаются только те государства, в которых существуют зависимые территории, где центральная власть империи устанавливает особый режим политического и экономического управления. Несмотря на наличие большого числа общих черт у империй, исторически каж-

⁵²Цит. по: *Любимов А.П.* Политико-правовой анализ присоединения Средней Азии к Российской Империи // *Международный правовой курьер*. Электронное сетевое издание. URL: <http://inter-legal.ru/politiko-pravovoj-analiz-prisoedine> [дата доступа: 04.05.2021].

дая из них оказывалась уникальной и требующей отдельного детального процесса изучения⁵³.

Политика Российской империи в регионе Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. неразрывно связана с историческими закономерностями и пройденным российским государством путем. Для России как империи важнейшим аспектом внешней политики было присоединение новых территорий. Эти территории далеко не всегда были заселены народами, в позитивном ключе воспринимающими российское присутствие на их исконных территориях. Более того, культуры этих народов были разнообразны и часто непонятны российской стороне. Разница в культурах и вероисповеданиях создавала фундамент для многочисленных конфликтов и непонимания того, почему конкретная политика не приносит предполагаемых результатов. В конце XIX в. Российская империя столкнулась с такой ситуацией в Средней Азии, и началась сложная работа по поиску необходимого подхода к интеграции региона в империю.

Для понимания условий, в которых Российская империя осуществляла политику присоединения Средней Азии, необходимо провести небольшой анализ особенностей империй как форм государства. Период эффективного существования и функционирования империй ограничен. Их упадок и распад – вопрос времени, а его логика и весь процесс закономерен: «На протяжении истории одной из острейших проблем центральной власти оставалось комплектование административных должностей лояльными и послушными чиновниками. Эти «полевые» служащие постоянно демонстрировали склонность к самостоятельным действиям, бросая имперскую государственность на произвол судьбы. И хотя подобные поползновения не всегда препятствовали мобилизации ресурсов и координации шагов, необходимых

⁵³ См. подр.: *Тальская О.Д.* Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 2. С. 341–347.

для обеспечения защиты государства и общественных работ, они заметно затрудняли совместные действия»⁵⁴.

Безусловно, тактическое руководство на местах и контроль за исполнением функций – важная задача любой политической системы, но не стоит забывать, что уникальность империй всегда была не только в разветвленной структуре управления, но и в идейной солидарности всех элементов этой структуры.

Процесс присоединения Средней Азии Российской империей был сопряжен со сложными геополитическими процессами, связанными не только с противостоянием России, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Одним из важных аспектов, усложнявших продвижение политики Российской империи в регионе, было соперничество с Британской империей. Взаимодействие двух империй было многогранным и неоднозначным, в связи с чем получило название «Большая игра».

В регионах Восточной и Средней Азии Российская империя столкнулась с колониальными амбициями Британской империи. Геополитическая битва в результате столкновения интересов двух мировых империй привела к тому, что в регионе возникла сложная и противоречивая система как противоборства, так и сотрудничества. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, сложившаяся ситуация была ближе к соперничеству, чем к войне, страны стремились получить господство над регионом⁵⁵.

Усилия в Средней Азии Российской империи не ограничивались внешней политикой, однако в контексте имперской системы для благополучия внутренней политики необходимо было прежде всего покорение новых территорий. В этом контексте «Большая Игра», соперничество с Великобрита-

⁵⁴ Kaufman H. The Collapse of Ancient States and Civilizations as an Organizational Problem // eds: Yoffee N., Cowgill G.L., The Collapse of Ancient States and Civilizations. Tucson: University of Arizona Press, 1988. pp. 228-229.

⁵⁵ См.: Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 62.

нией, оказалась положительным фактором, т.к. создавала возможность усиления влияния Российской империи в Средней Азии⁵⁶.

При этом реализация политики Российской империи в регионе была связана с преодолением множества вызовов и сложностей. Идеологическая политика проводилась без достаточного обоснования, ведь главная идея заключалась в том, что монарх вправе устанавливать свои порядки в своей империи, которые не требуют дополнительного пояснения. В случае с национальным вопросом проблема идеологического обоснования заключалась в подтверждении мощи Российского государства⁵⁷. П.Б. Струве писал следующее: «Всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия. Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно «внешней» мощью»⁵⁸. Таким образом, идея собирания национальных окраин, а также применение разных методов управления объясняется задачей сохранения сильной державы во главе с монархом.

Присоединение Средней Азии к Российской империи имело огромное значение, и прежде всего, в торговой сфере, где ханства для Российской империи становились более важными торговыми партнерами, чем европейские страны, с рынков которого российские товары постепенно вытеснялись. Интерес купеческих слоев возрастал день ото дня. Бурное промышленное развитие Российской империи продолжало требовать новых рынков сбыта. В министерства финансов и иностранных дел подавались петиции и докладные

⁵⁶ См. подр.: *Андерсон, К.М., Тальская, О.Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета, 2019, № 2. С. 22–30.

⁵⁷ *Тальская, О.Д.* Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник Российской нации. 2017. №6. С. 63–75.

⁵⁸ *Струве П.Б.* Великая Россия // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М. 2004. С. 210.

записки с ходатайствами о «создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»⁵⁹.

Процесс присоединения Средней Азии к Российской империи к концу XIX в. позволил Российской империи установить контроль над среднеазиатским регионом. Уже находясь в статусе сюзерена Бухары и Хивы, Российская империя приблизилась к границам британской колонии в Индии. Противостояние Российской империи и Англии оказалось тесно связанным с их политикой и амбициями в регионе. Попытки укрепить свое положение в Средней Азии и обезопасить свои владения привели к возникновению сложной и неоднозначной системы соперничества и сотрудничества, в рамках которой использовались дипломатические комбинации, в которые вовлекались как страны региона, так и другие заинтересованные государства. Сложная система этих комбинаций напоминала форму игры или соревнования, победа в котором предполагала контроль над обширными территориями. Именно неоднозначность этой системы взаимодействия, характер соперничества, а не прямого военного конфликта, привел к тому, что это явление получило название «Большая игра».

С геополитической точки зрения экспансия Российской империи в Туркестане обосновывалась необходимостью защиты географических границ Российской империи. Полагалось, что важной целью было расширение территорий до естественных непреодолимых рубежей, таких как водоемы, пустыни и горы. Кроме того, кочующие народы Средней Азии осуществляли набеги на русские земли. Считалось, что эффективным методом борьбы с этой проблемой было бы приведение этих народов к российскому подданству и принуждение их к российским законам. Одним из представителей данного направления мысли был М.А. Терентьев.

Политика Российской империи интересна следующим. Запад видел себя в качестве двигателя цивилизации, что делало Азию «придатком», терри-

⁵⁹ *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 92.

торией колониального владения. Российская империя в этом контексте обладала уникальным положением на стыке Европы и Азии, в связи с чем могла увидеть особую сторону межкультурного взаимодействия, а именно обратное воздействие Азии на Европу.

Одними из первых в русской культуре это отметили в середине XIX века С.С. Уваров и С.П. Шевырев. «Уваров и Шевырев показали как общее влияние Востока и Азии на европейскую культуру, так и частные примеры культурного влияния... При наличии единых нравственно-этических ценностей мировая культура не становится единообразной, наоборот, данные истины позволяют культуре того или иного народа раскрыться в полном многоцветии. Более того, сочетание этих истин и народных особенностей могут дать наивысший расцвет и подъем»⁶⁰. Так описывается концепция, согласно которой и «Восток», и «Запад» влияют друг на друга в процессе взаимодействия. Более того, такое взаимодействие показывается как желательное и позволяющее взаимодействующим культурам эффективно развиваться.

В свое время В.И. Вернадский отмечал, что «Российская империя по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская. Мы являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только вглубь европейского, но и вглубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой, и мне кажется, что название «Восточная Европа», которое почти совпадает с понятием «Европейская Российская империя», далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство в общем сонме европейских стран...»⁶¹. В этом контексте он обращает внимание на Азию: «Для нас, – писал В.И. Вернадский, – Сибирь, Кавказ, Туркестан – не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского государства. Она может быть

⁶⁰ Горохов А.А. Идея единства мировой культуры в русской консервативной социально-политической мысли XIX века // Вестник российской нации. 2012. №1. С. 100–101.

⁶¹ Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 63–64.

основана на равноправии всех русских граждан»⁶². В его представлении Российская империя с цивилизационной точки зрения может создавать условия для равноправного сосуществования различных вопросов, тем самым положив конец национализму⁶³. Несмотря на такое оптимистичное и патриотичное описание задач российской цивилизации В.И. Вернадским, необходимо отметить, что в рассматриваемый период Россия была именно империей и проводила соответствующую политику.

В XVIII–XIX вв. в Российской империи произошел ряд административно-территориальных реформ, которые характеризовались как изменениями в области местного самоуправления, так и территориальным приращением. В тот временной период одной из серьезных проблем была трудность в классификации конкретного статуса окраин⁶⁴. С уверенностью можно говорить о том, что существовали такие «колонии», как Туркестанское генерал-губернаторство, а также территории с широкой автономией, но невозможно говорить о существовании градации, закреплённой в рамках официальных документов. «Административное деление в Российской империи было общим и специальным. Общее устанавливалось для целей общегосударственного управления, специальное – для отдельных ведомств»⁶⁵.

В тот период управление окраинами было хаотичным и связанным с большим числом постоянно изменяющихся переменных. В дополнение к тому, что статус окраин не был закреплён, проводилась постоянная смена назначаемого руководства окраин, реформирование механизмов управления. Часто это было обусловлено тем, что существовавшие порядки не подходили для данной области, а должностные лица не справлялись с поставленными

⁶² Вернадский В.И. Очерки и речи. М.: Наука, 1922. С. 152.

⁶³ См.: Козиков И.А. Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский о цивилизационных особенностях Российской империи // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2016. № 6. С. 123–131.

⁶⁴ См.: Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2(18). С. 22.

⁶⁵ Наумова Н.И. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. С. 335.

задачами, и именно это вносило путаницу и хаос в систему регионального управления Российской империи.

Н.Г. Карнишина пишет по этому поводу: «Высокий удельный вес территорий с иноязычным населением, зачастую имевшим значительные культурные особенности и политико-государственные традиции, требовал постоянной модификации действующих приемов управления и создания их новых форм. С другой стороны, национальные окраины являлись частью общеимперского механизма и не могли не подвергаться воздействию всех влиявших на государство как внутривполитических, так и внешнеполитических факторов»⁶⁶. Очевидно, что была необходима эффективная унификация порядка решения административных вопросов, но этому мешали особенности регионов в совокупности с противодействием коренных населений и силой традиций и исторических укладов в регионе. Это особенно проявляется в 1860-1870-х гг., в период реформ.

Присоединение к Российской империи обширных территорий Средней Азии не подразумевало в качестве обязательного условия устранения существовавших региональных обычаев и порядков. В связи с этим возникает вопрос, вызвано ли это слабостью российской политики того времени или невозможностью эффективного изменения местных порядков?

Вообще, так называемый «национальный вопрос» в Российской империи на протяжении столетий был сложной проблемой, эффективно и полностью разрешить ее не удавалось. «Неизмеримое и древнее русское ядро со всех сторон обложилось “окраинами”. И “окраинный вопрос” в Российской империи есть один из самых темных и неясных в путях своих и в существе своем. Он труден для правительства, мучителен для населения. Не знают, как поступать в нем русские, закинутые службою на окраину, и русские внутри

⁶⁶ Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2(18). С. 22.

Российской империи»⁶⁷, – писал В.В. Розанов, обобщая все сложности, вызванные в Российской империи национальными проблемами.

Тем не менее, можно однозначно утверждать, что в Российской империи проводилась политика веротерпимости. В качестве прямой наследницы Византии – Восточно-римской империи, Россия обоснованно позиционировала себя как центр если не христианского, то православного мира. Политика насильственного насаждения православной веры в течение XVIII в. уступает в XIX в. место созданию льгот для новообращенных, а также наложению определенных ограничений на некрещенных жителей империи. Несмотря на эти административные меры по продвижению православия, в целом конфессиональная политика отличалась терпимостью к региональным верованиям, что, несомненно, облегчало процесс расширения империи⁶⁸. В этой связи показательна фискальная политика в отношении исламских институтов региона. Как отмечает историк В.П. Литвинов, описывая особенности религиозных практик мусульман в Туркестане, «в Средней Азии сложилась система, при которой «святые места» существовали не только за счет пожертвований паломников, но и за счет значительного вакуфного имущества, которое традиционно не облагалось налогами»⁶⁹.

Проблемы регламентации положения мусульманского духовенства в Российской империи были разнообразны. Это было вызвано тем, что на разных мусульманских территориях Российской империи существовали собственные обычаи и традиции. Такое положение дел сохранялось до XX в. Иными словами, мусульманские территории в составе Российской империи требовали особо-

⁶⁷ *Розанов В.В.* Национальное назначение // *Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост., вступ. ст. и примеч. С. М. Сергеева.* М.: Издат. группа Скимень: Издат. дом Пренса, 2004. С. 104.

⁶⁸ См.: *Иванова, М.И., Аристова, К.Г.* Веротерпимость в Российской империи: точка отсчета становления и развития // *Религия и Общество - 13. Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко.* Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. С. 31–34.

⁶⁹ *Литвинов В.П.* Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865–1917 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2020. №4. С. 786.

го подхода. «По общему экспертному мнению, мусульманская проблема в Российской империи (в дореволюционной Российской империи, в СССР и в современной, постсоветской Российской Федерации) всегда была актуальной и требовала своего конкретно-исторического подхода. Государственная власть в Российской империи всегда отдавала себе отчет, что игнорирование исламского фактора в выработке и проведении внутренней и внешней политики чревато тяжелыми последствиями», – пишет исследователь В. Ю. Зорин⁷⁰. Как справедливо отмечено, этот вопрос требовал особого рассмотрения, поэтому необходимо было учитывать специфику столь разных мусульманских регионов.

В XI т. «Уставов духовных дел иностранных исповеданий» Свода законов Российской империи существовал отдельный раздел: книга шестая «Об управлении духовных дел магометан», полностью посвященный мусульманам, и определявший их положение для каждой отдельной области⁷¹. Так, авторитет Оренбургского магометанского духовного собрания был весомым в вопросе религиозно-культурной жизни мусульман всей империи. В Закавказье и Средней Азии принципы организации положения мусульман носили характер относительного невмешательства властей. Как отмечают современные исследователи: «На территории Кавказского региона предоставив духовенству законом право рассмотрения даже некоторых гражданских дел – семейных и наследственных по правилам шариата и сообщив тем самым ему влиятельное положение, правительство приняло на себя обязанность дать мусульманскому духовенству такое устройство, которое обеспечило бы как правильную организацию и отношения между собой разных степеней мусульманской духовной иерархии, так и нравственную состоятельность и благонадежность каждого из ее членов, так как в среде мусульманского духовенства постоянно имели место, ускользая от правильного надзора, личности,

⁷⁰ Зорин В.Ю. Мусульмане Российской империи: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире. 2016. Том 12, № 2. С. 120.

⁷¹ См.: Свод законов Российской империи. Изд. 3-е. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857. Ст. 1140–1258.

поддерживавшие и разжигавшие в массе дух неповиновения и вторгавшиеся в духовное управление народом»⁷².

В проекте «об устройстве управления духовными делами мусульман в Туркестане» говорилось следующее: «Таким образом, установилось невмешательство в духовные дела мусульман Туркестана учрежденных в Российской империи высших мусульманских духовных органов, но, в то же время, не было организовано и надзора за этими делами со стороны русской администрации, за исключением опыта организации управления мусульманскими духовными делами особой комиссией, созванной генерал-лейтенантом Черняевым в 1884 г. Однако эта комиссия, в состав коей были назначены исключительно магометане, руководствуясь в своей деятельности не общегосударственными интересами, а шариатом, лишь приспособила к туркестанским мусульманам Положение об управлении духовными делами мусульман Закавказья, притом в еще более мусульманском духе»⁷³.

Можно утверждать, что правительству России было необходимо транслировать идеалы и достоинства имперской модели на всю разнородную территорию империи, в связи с чем возникала необходимость активного продвижения идеологии, согласно которой Российская империя сплавивала народы. «Образ Российской империи как особого цивилизационного пространства, где окраины лояльны центру не только как центру власти, но и как центру цивилизационного притяжения, – отмечает А.И. Миллер, – безусловно, существовал как идеал в умах имперской элиты. Часто используемый в то время термин «сближение» далеко не всегда означал русификацию в националистическом смысле, то есть ассимиляцию и внедрение русской нацио-

⁷² Аранов Д.Ю., Васильев Д.В. Проекты устройства духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г.// Исторический архив, 2005. № 1. [электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Proekt_duch_del_mus/frametext.htm [дата доступа: 04.05.2021].

⁷³ Цит. по: Аранов Д.Ю., Васильев Д.В. Проекты устройства духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г.// Исторический архив, 2005. № 1. [электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Proekt_duch_del_mus/frametext.htm [дата доступа: 04.05.2021].

нальной идентичности»⁷⁴. Поддержка региональных элит была необходимым условием эффективного управления в описанных условиях.

Как уже отмечалось, в Туркестане характерной особенностью управления на начальном этапе присоединения было то, что власть принадлежала военным, тогда как в других российских губерниях она сосредотачивалась в руках Министерства внутренних дел. Это было обусловлено непосредственной близостью с Ираном, Афганистаном и еще не завоеванными территориями. С образованием же Туркестанского генерал-губернаторства главой края стал генерал-губернатор, которого назначал сам император. В руках главы края была сосредоточена вся административная и военная власть. Основными органами управления были военные губернаторы, которых назначал и снимал с должности военный министр и генерал-губернатор. Туркестанское генерал-губернаторство делилось на области, а они в свою очередь на уезды и волости. Такое деление было свойственно всем губерниям Российской империи. После ряда мер и введения новых положений об управлении краем, административная система стала больше походить на общероссийскую, однако, как отмечалось выше, для местного населения были сохранены традиционные учреждения, что позволяет говорить о широкой культурной автономии в крае. Кроме того, существовала военно-народная система управления в генерал-губернаторстве, которую по некоторым пунктам можно было считать либеральнее и прогрессивнее остальных, существовавших на территории Российской империи. Следует отметить тот факт, что местное население этой национальной окраины не призывалось в армию. Система военно-народного управления подразумевало, что все гражданское управление находилась в руках военных, а сельское население управляется аульными старшинами и волостными руководителями. Большим преимуществом данной системы было то, что коренное население региона управлялось не по законам империи, а по местным обычаям, что способствовало плавной интеграции новых территорий.

⁷⁴ *Миллер А.И.* Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // *Российская империя и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. XX в.* М.: ИВИ РАН. 2004. С. 146.

Реформировать систему управления в Туркестане и приблизить ее к общеимперскому образцу попытались в 1908 г. Тогда рассматривался вопрос о наделении генерал-губернатора полномочиями наместника края. Все дальнейшие инициативы преобразования в области управления по каким-либо причинам не реализовывались. В конечном счете Государственная Дума не приняла ни одно из положений, и ситуация в регионе коренным образом не менялась вплоть до 1917 г., когда уже все дальнейшие изменения начали носить революционный характер.

Таким образом историко-политический контекст присоединения Российской империей Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. сводился к тому, что, во-первых, ситуация в регионе была нестабильной и характеризовалась стычками между ханствами и городами. Многие города оказывались в экономической зависимости от России и искали ее покровительства. Во-вторых, для России как империи важнейшим аспектом внешней политики было присоединение новых территорий. Разница в культурах и вероисповеданиях создавала фундамент для многочисленных конфликтов и непонимания того, почему конкретная политика не приносит предполагаемых результатов. В конце XIX в. Российская империя столкнулась с такой ситуацией в Средней Азии, в-третьих, процесс присоединения Средней Азии Российской империей был сопряжен со сложными геополитическими процессами, связанными не только с противостоянием России, Бухарского эмирата и Хивинского ханства, но и с российским соперничеством с Британской империей за влияние в Средней Азии. Наконец, с геополитической точки зрения экспансия Российской империи в Туркестане обосновывалась необходимостью защиты географических границ Российской империи. Полагалось, что важной целью было расширение территорий до естественных непреодолимых рубежей, таких как водоемы, пустыни и горы. Кроме того, кочующие народы Средней Азии осуществляли набеги на русские земли. Считалось, что эффективным методом борьбы с этой проблемой было бы приведение этих народов к российскому подданству и принуждение их к российским законам.

Значительная часть истории распространения российского влияния в регионе в XIX–XX вв. была запечатлена в трудах Михаила Африкановича Терентьева, российского военного управленца.

§2. Основные этапы жизни и творчества М.А. Терентьева⁷⁵

В каждом национальном регионе Российской империи существовали свои схемы управления, соответствующие общероссийским законам, но среднеазиатская окраина нуждалась в особом подходе как к управлению, так и к контролю за этим управлением. Эти вопросы решались с большим трудом в связи с разнообразием территориальных, социальных, экономических, политических, исторических, конфессиональных, культурных и других особенностей и проблем. Одним из свидетелей сложного пути Российской империи в Средней Азии был Михаил Африканович Терентьев, имевший самое прямое отношение к реализации политики Российской империи в регионе. В своих исторических работах он описывает процесс осуществления этой политики и многочисленные проблемы, с которыми столкнулась Российская империя. Терентьев выступает представителем в определенном смысле уникального сословия военных управленцев, работавших в Средней Азии, и своего рода голосом этой социальной страты.

Для того, чтобы оценить вклад Терентьева в анализ среднеазиатской политики Российской империи, необходимо проследить историко-биографический контекст становления, основные вехи его личной и профессиональной судьбы, а также условия и обстоятельства, повлиявшие на него.

Первый период жизни М.А. Терентьева (1837-1855) не представляет большого научного интереса, однако позволяет говорить о том, что именно

⁷⁵ При написании данного параграфа использованы следующие статьи автора: *Тальская О.Д.* Эволюция идеологического прикрытия колониальной политики // SCHOLA-2011. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.287 – 289.

на этом этапе начала формироваться его военная карьера. Основным фактором влияния было его дворянское происхождение и семейная традиция военной службы.

Михаил Африканович Терентьев родился 8 января 1837 г. в Воронежской губернии. Его отцом был Африкан Яковлевич Терентьев (1807–1862), дворянин Воронежской губернии. Он служил морским офицером (1830–1835 гг.), однако после завершения военной карьеры обосновался в родовом имении. После службы во флоте лейтенант А.Я. Терентьев стал учителем математики и штатным смотрителем в Вилькомирском уездном училище (1837–1839 гг.) Ковенской губернии⁷⁶. После этого его назначили Острогжским окружным начальником Министерства государственного имущества (1839–1840 гг.). А.Я. Терентьев печатался в городской периодике Воронежа и Москвы по сельскохозяйственным, этнографическим и историко-культурным темам (см., например, «Некоторые черты из повседневной жизни помещиков Бирюченского уезда прошлого и настоящего времени» («Воронежская беседа на 1861-й год», Санкт-Петербург, 1861), являлся действительным членом Московского общества сельского хозяйства, Воронежского отделения комитета акклиматизации животных и растений, что объясняет его труды по этой тематике. Поместье Терентьевых находилось в Бирюченском уезде Воронежской области⁷⁷.

Гораздо меньше информации дошло до нас о матери М.А. Терентьева. Точно установлено, что ее звали Екатериной Васильевной, однако ее родословная неизвестна. Ее девичья фамилия неизвестна. В 1842 г. она приобрела имение на хуторе Лиман в Бирючесвском уезде Воронежской области и была в документах названа коллежской ассессоршей, т.е. супругой коллежского ассесора, чин которого давал право на дворянство⁷⁸.

⁷⁶ См.: Дело о назначении лейтенанта А.Н. Терентьева смотрителем Вилькомирского уездного училища Ковенской губернии. 1836 г. // Российский государственный исторический архив, дело 321.

⁷⁷ Некролог А.Я. Терентьева // Воронежские Губернские Ведомости. Часть неофициальная. 1862, 26 мая, № 21. С. 231.

⁷⁸ Некролог А.Я. Терентьева // Воронежские Губернские Ведомости. Часть неофициальная. 1862, 26 мая, № 21. С. 231.

М.А. Терентьев не был единственным ребенком в семье. У Африкана Яковлевича и Екатерины Васильевны было восемь детей: Павел, Михаил, Василий, Владимир, Анатолий, Зинаида, Евгения и Валерия. Младший брат М.А. Терентьева, Владимир Африканович Терентьев, родился в 1840 г. Он пошел по стопам отца и поступил на службу в военно-морской флот. Его карьера оказалась достаточно успешной, и он достиг звания контр-адмирала (1901): учился в Морском кадетском корпусе Санкт-Петербурга, службу проходил преимущественно на Дальнем Востоке (с 1856 г.), командовал шхуной «Тунгуз» (1872), канонерской лодкой «Горноста́й» (1873-1878), вошел в число исследователей Дальнего Востока, заведывал арктической подготовкой Сибирского флотского экипажа (1878-1884), стал одним из учредителей (1884) Общества изучения Амурского края, представителем морского судоходного общества «Добровольный флот» во Владивостоке (1884-1908), преподавал во Владивостокском Александровском мореходном училище дальнего плавания (1908-1910).

Еще один брат, Василий Африканович Терентьев (1839 – после 1900) дослужился до коллежского регистратора, был канцелярским чиновником Воронежского уездного съезда, помощником архивариуса Воронежского губернского правления. Третий брат, Анатолий Африканович Терентьев (1842 – припл. 1912) служил поручиком 46-го пехотного Днепровского полка. Был переведен в городок Ярмолинцы на Подолье, недалеко от г. Проскурина (ныне г. Хмельницкий). В то же время и в том же полку нес службу в будущем знаменитый русский прозаик Александр Куприн. Они были знакомы и со временем Куприн сделал Анатолия Африкановича прототипом героя одного из своих произведений. Вышел в отставку А.А. Терентьев в звании штабс-капитана.

Сестра, Валерия Африкановна Терентьева (1850 – ?) вышла замуж за Виктора Руднева и у них родился сын – Вадим Викторович Руднев (1879 – 1940) – общественно-политический деятель, журналист, издатель, член ЦК партии кадетов, член Московского комитета эсеров. О других братьях и сестрах известно только то, что Павел Африканович родился в 1835 г., Зинаида Африкановна – в 1842 г., Евгения Африкановна – в 1843 г.

Начальное образование М. А. Терентьев получил в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, в который поступил в 1848 г. Так как выпуски офицеров из провинциальных кадетских корпусов в то время не производились, их воспитанников для окончания курса переводили в Дворянский полк. Таким образом, М. А. Терентьев, как и многие кадеты III выпуска, в 1853 г. был переведен в Дворянский полк⁷⁹ в Санкт-Петербурге, который весной 1855 г. в честь первого шефа — Великого князя Константина Павловича был переименован в Константиновский кадетский корпус. 18 ноября 1855 г. М.А. Терентьев завершил обучение в корпусе и стал корнетом Чугуевского 11-го уланского полка.

М.А. Терентьев оказался в действующей армии и получил первый профессиональный опыт в конце Крымской войны 1853-1856 гг. Чугуевский 11-й уланский полк направили в Крым в 1856 г. К этому времени, после падения Севастополя в 1855 г., активные боевые действия в регионе практически не осуществлялись. Война носила на этом этапе формальный характер, и полк М.А. Терентьева не принимал активного участия в боевых действиях.

Во второй период (1860–1867) М.А. Терентьев получает образование в престижной в то время Николаевской Академии Генерального штаба, изучает арабский и турецкий языки при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, изобретает несколько приспособлений для целей геодезии и военного дела.

В 1860 г. М.А. Терентьев производится в поручики, а через два года, в 1862 г. поступает в Николаевскую Академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге и оканчивает ее в 1864 г. Николаевская Академия Генерального штаба ранее была известна как Императорская военная академия и обладала большим престижем в Российской империи⁸⁰. Успешное завершение обуче-

⁷⁹ Рыкалов И.И. Историческая записка о Михайловском воронежском кадетском корпусе. С приложением списков воспитанников за 50 лет (1845–1895 г.). Воронеж: Типография В. И. Исаева. 1895. С.14, 16.

⁸⁰ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1882.

ния в академии подразумевало повышение военного чина. Так произошло и в случае М.А. Терентьева – 19 июня 1864 г. он получил звание штабс-капитана.

Этот период жизни М.А. Терентьева является ключевым для понимания его научных трудов и его дальнейшей карьеры. Сразу после окончания Николаевской Академии Генерального штаба он начинает изучать арабский и турецкий языки. Он осваивает их до 1866 г. в учебном отделе восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а позже, с 1873 г. в Военно-юридической академии.

Кроме того, М.А. Терентьев активно занимается изобретательской деятельностью. В 1864 г. он изобрел геодезические инструменты — транспортир-эккер (для откладывания на местности фиксированного угла), а также отражательную буссоль с вращающимися диоптрами (для измерения магнитного азимута)⁸¹. В 1866 г. М.А. Терентьев изобретает нарезную винтовку — игольчатое ружье с полуметаллическим патроном, имеющее непосредственное военное значение. Несмотря на то, что изобретения были высоко оценены специалистами того времени, они не были приняты на вооружение⁸², но сама изобретательская деятельность М.А. Терентьева дала ему важные навыки для точного определения уровня технического оснащения армии того времени.

Окончание учебы в Николаевской Академии Генерального штаба подразумевало поступление на службу в Генеральный штаб. По некоторым данным М.А. Терентьев в 1865 г. поступает на службу в Главное управление Генерального штаба «для письменных работ»⁸³, что во-многом объясняет то, что именно в этот период у него появилась возможность изучать иностранные языки и заниматься изобретательской деятельностью.

⁸¹ ГОСТ 21830-76 Приборы Геодезические. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1986 г.

⁸² Терентьев (Михаил Африканович) // Энциклопедический словарь [издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (С.- Петербург)]: в 86 т. Том XXXII. Тай-Термиты. СПб.: Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 952.

⁸³ Алёшин А.Н. Михаил Африканович Терентьев генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед // Материалы III Всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность», ноябрь 2018 г., М.: Институт Востоковедения РАН. С. 116.

С 1866 г. М.А. Терентьев часто командировается в различные военные округа. Так, в 1866 г. он поступает на службу в штаб Харьковского военного округа, но уже в июне 1867 г. оказывается в Западно-Сибирском военном округе. Вскоре после этого, в сентябре 1867 г., он становится старшим помощником Аулие-атинского уездного начальника после того, как оказывается в распоряжении генерал-губернатора Туркестана — генерал-адъютанта К.П. Кауфмана.

В **третий период (1867–1873)** М.А. Терентьев служит в Туркестане, получает ряд орденов и становится ротмистром. Он издает первую лингвистическую работу: «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом»⁸⁴. Издание в 1867 г. в Санкт-Петербурге «Толмача...» логически лежит в одной плоскости с усилиями М.А. Терентьева по изучению языков. Интересно отметить, что издание имело практическое значение: можно предположить, что эта книга была вкладом М.А. Терентьева в подготовку российских солдат к новой войне с Турцией.

В 1867–1868 гг. М.А. Терентьев участвует в Туркестанских походах 1867 и 1868 гг. В 1869 г. М.А. Терентьев назначается чиновником особых поручений при начальнике Зеравшанского округа, а далее начинается быстрая смена М.А. Терентьевым должностей и округов. В 1870 г. он становится старшим помощником начальника Ходжентского уезда, а в марте 1871 г. – старшим помощником начальника Чимкентского уезда. Но уже в июне 1871 г. М.А. Терентьев был прикомандирован к окружному штабу. Сам факт назначения военного на чиновничьи должности не является чем-то новым для Туркестана того времени, но краткий срок пребывания в каждой должности и в каждом уезде представляет несомненный интерес, особенно учитывая тот факт, что быстрая смена должностей наблюдается в биографии М.А. Терентьева уже не первый раз.

Все занимаемые им в это время должности были приближены к непосредственному начальству, но являлись вспомогательными. Учитывая не слишком высокое воинское звание и хорошее военное образование М.А. Те-

⁸⁴ *Терентьев М.А.* Толмач спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом. СПб.: В. Головин, 1867.

рентьева, такие назначения кажутся логичными. Однако возникает вопрос о причинах, по которым М.А. Терентьев часто менял должности и регионы. Начальники Зеравшанского, Ходжентского и Чимкентского уезда переставали нуждаться в какой-либо помощи М.А. Терентьева уже меньше, чем через год с начала совместной с ним деятельности. Существует три возможных ответа на вопрос о том, почему М.А. Терентьев так часто менял места службы. Первый – начальство каждый раз видело, что таланты М.А. Терентьева тратятся напрасно и, ради общего блага Российской империи, он направлялся в новое место, где мог бы быть более полезен. Это объяснение не отвечает на вопрос, почему его должности оказывались настолько схожими. Второе объяснение может быть извлечено из работ самого М.А. Терентьева. Так, в «Истории завоевания Средней Азии» он высказывает жесткую критику в отношении представителей власти на местах. В связи с этим, можно предположить, что М.А. Терентьев отличался трудным характером и быстро портил отношения со своим руководством. Третье объяснение связано с тем, что, попав в регион в 1867 г. он оказался в распоряжении генерал-губернатора Туркестана, который хотел иметь достоверную информацию о реальном положении дел в различных уездах региона, которую и получал с помощью М.А. Терентьева.

В 1873 г. в составе штаба Туркестанского генерал-губернатора М.А. Терентьев принимал активное участие в разработке плана похода против Хивы. Несмотря на его усилия по разработке плана, в самом походе он не смог принять участие. В 1873 г. М.А. Терентьев вернулся в Санкт-Петербург.

В четвертый период (1873–1880) М.А. Терентьев успешно заканчивает по первому разряду Военно-юридическую академию и становится майором, издает исторические труды «Россия и Англия в Средней Азии» (1875) и «Россия и Англия в борьбе за рынки» (1876). Также он издает целый ряд работ по лингвистике: «Русская азбука для школ Средней Азии» (1875), «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке» (1875), «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (1875), «Хрестоматия турецкая, персидская,

киргизская и узбекская» (1876), «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)» (1877). В этот период М.А. Терентьев принимает участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и получает новые награды.

Летом 1873 г. М.А. Терентьев был командирован в Санкт-Петербург для получения дальнейшего образования в Военно-юридической академии.

Перед возвращением в Санкт-Петербург, М.А. Терентьев в 1873 г. издал в Ташкенте сборник песен «На прощанье с Средней Азией. Новые военные песни»⁸⁵. Этот труд является по-своему уникальным, так как не носит ни политического, ни геополитического, ни исторического, ни лингвистического характера. Название сборника говорит о том, что М.А. Терентьев не предполагал, что вернется в регион. Представляет интерес и то, что М.А. Терентьев, один из авторов плана хивинского похода, не смог принять в нем участие. Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров и Б.В. Соколов считают, что его отъезд в Санкт-Петербург перед самым хивинским походом объясняется возможным конфликтом между М.А. Терентьевым и генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом. Они отмечают, что для офицеров того времени участие в Туркестанских походах было желательным, так как подразумевало быстрый карьерный рост⁸⁶. Тем не менее, тот же К.П. Кауфман, по некоторым сведениям, несмотря на «возможный конфликт», поручил М.А. Терентьеву написание исторического очерка о военных завоеваниях Российской империи в Средней Азии⁸⁷.

В 1875 г. М.А. Терентьев заканчивает Военно-юридическую академию по первому разряду, а это означает, что он проявил успехи в учебе. В связи с этим по завершении учебы он получает звание майора, а также становится капитаном военно-судебного ведомства. Кроме того, он получает второй бриллиантовый перстень. Упомянувшие об этом авторы ссылаются на архивный документ «Послужной список генерал-майора Терентьева М. А. по сост.

⁸⁵ *Терентьев М.А.* На прощанье с Средней Азией. Новые военные песни. Ташкент: Типография военно-народного управления, 1873.

⁸⁶ *Бордюгов Г.А., Макаров А.Г., Соколов Б.В.* Вступительная статья к «Истории завоевания Средней Азии» // *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 5–22.

⁸⁷ См.: там же.

на 6 февраля 1901 г.», однако представленные ими перечни наград М.А. Терентьева значительно отличаются. Более того, они не уточняют, когда и при каких обстоятельствах М.А. Терентьев получил свой первый бриллиантовый перстень⁸⁸. Однозначный ответ на вопрос о том, получал ли М.А. Терентьев бриллиантовый перстень и другие награды позволяют дать архивные данные.

2 февраля 1867 г. М.А. Терентьеву был «пожалован шахом Персидским...за поднесение изобретённых им геодезических инструментов», на что и последовало Высочайшее разрешение, персидским Орденом Льва и Солнца 3-ей степени. 17 апреля 1869 г. М.А. Терентьев получил первый бриллиантовый перстень «за поднесенный им Государю Императору мрамор, замечательный в историческом отношении, и вообще за труды по археологии». 19 марта 1876 г. «за поднесённое его величеству сочинение грамматики и хрестоматии Турецкого, Персидского, Киргизского и Узбекского языков награждён бриллиантовым перстнем» во второй раз. Наконец, 14 декабря 1877 г. «за отличие при поражении 3 октября 1877 г. Турецкой армии на Аладжинских высотах, награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом»⁸⁹.

К этому нужно добавить, что М.А. Терентьев за свои заслуги в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был удостоен орденов св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом в 1877 г. (ранее имел орден 3-й степени), св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом в 1877 г., а также ордена св. Анны 2-й степени в 1878 г.

На основе начатого ранее труда по описанию военной истории Российской империи в Средней Азии, в 1875 г. М.А. Терентьев издает книгу «Россия и Англия в Средней Азии»⁹⁰, а в 1876 г. – «Россия и Англия в борьбе за рынки»⁹¹.

⁸⁸ *Алёшин А.Н.* Михаил Африканович Терентьев генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед // Материалы III Всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность», ноябрь 2018 г., М.: Институт Востоковедения РАН. С. 116.

⁸⁹ Послужной список Военного Судьи Виленского Военно-Окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // Российский государственный исторический архив, Фонд 409, опись 1, дело 4/9/15, заголовок дела п/с 67–803.

⁹⁰ *Терентьев М.А.* Российская империя и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875.

Эти труды описывают в том числе «Большую игру» в Средней Азии, исторически значимый процесс, который будет рассмотрен в ходе данного исследования. Два этих труда получили широкую огласку, а книга «Россия и Англия в Средней Азии» даже была издана в Калькутте на английском языке⁹².

В этот же период М.А. Терентьев издает целый ряд лингвистических работ. «Русская азбука для школ Средней Азии» 1875 г. была предназначена для того, чтобы народы Средней Азии могли эффективно изучать русский язык⁹³. «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке»⁹⁴ достигала того же эффекта, что и «Русская азбука...», но другими методами. По своей сути, «Руководство...» можно считать методическим материалом для преподавателей по эффективному использованию «Русской азбуки...». Кроме того, М.А. Терентьев написал два труда по турецкому, персидскому, киргизскому и узбекскому языкам. В 1875 г. была опубликована «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская»⁹⁵, а в 1876 г. – «Хрестоматия турецкая, персидская, киргизская и узбекская»⁹⁶. Вскоре после этого, в 1877 г. М.А. Терентьев публикует еще одну работу лингвистического характера: «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)»⁹⁷. Выход этого труда был своевременным. Приближалась новая русско-турецкая война, и книга М.А. Терентьева, изданная в Санкт-Петербурге, была незамедлительно отправлена в войска. При подготовке к русско-турецкой войне на Балканах, Терентьеву было

⁹¹ *Терентьев М.А.* Российская империя и Англия в борьбе за рынки. СПб.: П. Меркурьев, 1876.

⁹² *Russia and England in Central Asia.* M. A. Terentyef. St. Petersburg: 1875. Translated from the Russian by F. C. Daukes, B.C.S. Attache to the Foreign Dept. of the Govt. of India. Calcutta: Printed at the Foreign Department press. V. 1-2. 1876.

⁹³ *Терентьев М.А.* Русская азбука для школ в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875.

⁹⁴ *Терентьев М.А.* Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке. СПб.: П. Меркурьев, 1875.

⁹⁵ *Терентьев М.А.* Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Императорская академия науки, 1875.

⁹⁶ *Терентьев М.А.* Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб: Императорская академия науки, 1876.

⁹⁷ *Терентьев М.А.* Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский). СПб.: Военно-учебный комитет Генерального штаба, 1877.

поручено составление армейских разговорников для Балканского театра, что с успехом им было выполнено и в начале 1877 г. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)» был напечатан в Санкт-Петербурге и разослан в войска.

За боевые отличия в войне против турок Терентьев в 1877 г. был награждён орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а в следующем году получил орден Св. Анны 2-й степени.

В 1879 г. в семье М.А. Терентьева, женившегося незадолго до этого на Людмиле Васильевне Солдатенковой, родился сын – Василий.

В пятый период (1880–1902) М.А. Терентьев работает в учреждениях военно-судебной системы.

28 декабря 1880 г. М.А. Терентьев был назначен на должность военного следователя в Виленский военный округ, после чего его карьерный рост стремительно продолжился. В 1881 г. он становится подполковником, а в 1884 г. – полковником. На должности военного следователя М.А. Терентьев работает на протяжении долгого срока. 31 октября 1887 г. его назначили помощником военного прокурора в том же военном округе. В это же время он получает орден св. Владимира 3-й степени. Это был последний орден, который он получил во время службы. 10 апреля 1888 г. М.А. Терентьев становится военным судьей Варшавского военно-окружного суда. В 1894 г. М.А. Терентьеву присвоили звание генерал-майора. Такое продвижение по службе было связано с тем, что сама должность судьи военно-окружного суда была «генеральской». В самом начале М.А. Терентьеву не хватало лишь выслуги лет для ее получения, поэтому он и получил звание генерал-майора лишь в августе 1894 г. В 1895 г. М.А. Терентьев был отправлен в Туркестанский военно-окружной суд, где работал на протяжении 5 лет до 1900 г., когда его перевели в Виленский военно-окружной суд.

В шестой, последний период жизни (1902–1909), М.А. Терентьев, выйдя в отставку в чине генерал-лейтенанта в 1902 г., вплотную занялся ра-

ботой по подготовке к изданию главного труда своей жизни — «Истории завоевания Средней Азии». Первый том фундаментального труда «с картами и планами» вышел в 1903 г., второй и третий тома в 1906 г. — все в санкт-петербургской типолитографии В.В. Комарова⁹⁸. Неофициальный статус отставника позволил М.А. Терентьеву описать процессы, свидетелем которых он был в Средней Азии. К тому же, многие лица, о которых он писал, умерли к моменту публикации. Труд был снабжен большим количеством конкретных статистических данных и иллюстративного материала.

В 1906 г. М.А. Терентьев также издал брошюру «Начало революции в Российской империи 9-го января 1905 года»⁹⁹.

Последний лингвистический труд М.А. Терентьева — «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики» был издан в 1912 г.¹⁰⁰ уже после смерти его автора.

М.А. Терентьев скончался 19 марта 1909 г. после кратковременной болезни и был похоронен на Волковом православном кладбище в Санкт-Петербурге¹⁰¹.

Таким образом, в жизни М.А. Терентьева выделяются шесть этапов или периодов. Биография М.А. Терентьева позволяет утверждать, что он был ярким представителем уникального явления эпохи — страты так называемых «туркестанских генералов». Участники походов в Туркестане работали в особых условиях — на большом удалении от руководящих структур и отсутствия оперативных средств связи. В такой ситуации от руководителей требовалось умение быстро принимать решения без дополнительного согласования. Это приводило к тому, что многие военные в регионе переходили границы тех инструкций, ко-

⁹⁸ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. СПб.: В.В. Комаров, 1903, 1906.

⁹⁹ *Терентьев М.А.* Начало революции в Российской империи 9-го января 1905 года. СПб.: В.В. Комаров, 1906.

¹⁰⁰ *Терентьев М.А.* Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики. Тифлис: : Тип. Канцелярии Наместника Кавк, 1912.

¹⁰¹ *Алёшин А.Н.* Михаил Африканович Терентьев генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед // Материалы III Всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность», ноябрь 2018 г., М.: Институт Востоковедения РАН. С. 115.

торые получали, захватывая больше территорий или продвигаясь дальше, чем следовало. Противники империи в регионе всегда были хуже оснащены и вооружены, и часто менее дисциплинированы, чем российские войска. В результате российские военные походы в регионе осуществлялись небольшими отрядами, составленными из разных родов войск. Часто одерживаемые победы над превосходящими силами противника порождали снисходительное отношение туркестанских генералов к местному населению. Во многом это отношение сходно с отношением к местному населению британских офицеров в Индии: туземные народы воспринимались ими как требующие просвещения, однако предполагалось, что они понимают только язык физической силы и принуждения. Такая ситуация привела к тому, что, участие в туркестанских походах становилось для военных того времени самым простым способом продвижения по службе и получения наград, не подвергая себя чрезмерному риску.

М.А. Терентьев на протяжении восьми лет находился на военной службе в Средней Азии и еще пять лет работал в военно-судебной системе Туркестана. Это подтверждает тезис о том, что он является именно практиком, который мог извлечь из своей непосредственной деятельности теоретические и идеологические положения, нашедшие отражение в его трудах. По уровню образования, военной подготовки и ходу карьеры М.А. Терентьев действительно был «туркестанским генералом», что позволяет использовать его пример для построения суждений о данной социально-профессиональной группе. При этом он был одним из немногих представителей этой страты, которые отличались аналитическим складом ума, писательским талантом и стремлением изложить свой опыт на бумаге. Эти причины позволяют использовать произведения М.А. Терентьева в качестве полноценного исторического источника. У другого известного представителя «туркестанских генералов» М.Г. Черняева¹⁰², послужной список и общий карьерный путь схожи с М.А. Терентьевым, но толь-

¹⁰² См.: *Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А. А. Ширинянца, А. И. Волошина, авт. - сост. Ю. А. Курдин, А. Р. Панов, А. В. Пряников, О. Д. Тальская, А. А. Ширинянц. М.: Издательство Московского университета, 2018.*

ко последний оставил после себя большее количество трудов, что подчеркивает его уникальный статус и необходимость дальнейшего исследования его вклада в историю завоевания Средней Азии.

М.А. Терентьев не только сам являлся распространителем российских идеалов и культурного кода, но его также можно считать выразителем общественных настроений определенной социальной группы, имевшей непосредственное отношение и влияние на процесс присоединения Российской империей территорий Средней Азии. В его работах отразились настроения и интерпретации в общественном сознании политических процессов, связанных со среднеазиатской политикой Российской империи, а также важность и центральное значение миссии Российской империи как благодетеля не только для покоряемых народов, но и для всей Европы. Российская империя, таким образом, позиционировалась в качестве преграды от народов Средней Азии, которых и в Российской империи, и в Европе считали опасными для всей европейской цивилизации.

Дальше нам необходимо будет тщательно рассмотреть вопрос, на какие источники опирался М.А. Терентьев при создании своих трудов. Сейчас же укажем на то, что в его сочинениях в подавляющем большинстве случаев не содержится прямых указаний на то, какими работами он руководствовался при написании своих трудов, но известно, что М.А. Терентьев активно использовал местные архивы. В его произведениях часто встречаются статистические данные, в основном связанные с оснащением войск и крепостей, а также с расходами. В этих случаях он ссылается на документы, к которым имел доступ непосредственно или благодаря работе в архивах. Также он обращается к текстам законов, указов и распоряжений, которые цитирует дословно. Описывая российскую политику в регионе, М.А. Терентьев не пытается использовать какие-либо другие исследования, он интерпретирует конкретные факты и дает им свою оригинальную оценку. Как верно отмечает современный исследователь Д.В. Васильев: «Завоевание новых территорий не стало самой трудной задачей России в Центральной Азии. Гораздо более сложной оказалась задача превращения инокультурной среды в органически

неотъемлемую часть государства»¹⁰³. Именно об этом и писал М.А. Терентьев в своих работах, очень хорошо понимая тот факт, что руководство регионом должно включать не только военные методы. Это обстоятельство сыграло большую роль в формировании подходов и мнений о творческом наследии М.А. Терентьева в современном научном дискурсе.

§3. Творческое наследие М.А. Терентьева в зеркале оценок и мнений¹⁰⁴

Рассмотрев периоды работы и творчества М.А. Терентьева, обратимся к тому, как он воспринимался современниками и как его труды и творчество оценивались после его смерти. Это необходимо для определения места М.А. Терентьева в историографии российских приобретений в Средней Азии и того значения, которое придается его наследию. Кроме того, это позволяет дать свою собственную оценку вклада М.А. Терентьева в историю среднеазиатской российской политики, для чего нужно знать и понимать эволюцию оценок предшественников и коллег, занимающихся схожей исследовательской тематикой.

Личность и идеи М.А. Терентьева неоднозначны. Существуют различные оценки того, насколько труды М.А. Терентьева объективны, насколько они предвзяты, каково истинное значение его работ. Мнения меняются в зависимости от многих факторов, одним из которых является происхождение того или иного автора оценки. Невозможно отрицать, что М.А. Терентьев воспринимался по-разному в России и представителями народов, на чьи земли пришли силы Российской империи. Особое мнение о его взглядах наблюдается в англоязыч-

¹⁰³ *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С.15.

¹⁰⁴ При написании параграфа использованы следующие статьи автора: *Тальская О.Д.* Философия российского империализма на рубеже XIX–XX вв. в трудах М.А. Терентьева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. №3. С. 59–67, *Андерсон К.М., Тальская О.Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2019. №2. С. 22–30. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-2-958>

ных работах, что ожидаемо, так как он писал о конфликте-соревновании Российской империи и Англии в Средней Азии — «Большой игре».

Рассмотрим исследования различных авторов, в которых затрагивается тема значения М.А. Терентьева и его работ в истории политики и мысли.

Научные труды расположены в хронологическом порядке с группировкой по языкам публикации — на русском и английском языках. Такая структура позволяет проследить эволюцию исследовательской мысли и отношения к М.А. Терентьеву в Российской империи и за рубежом. Кроме того, рассматривается география каждой публикации и даются краткие сведения об авторе труда, позволяющие учесть контекст и определить его степень влияния на оценки каждого исследователя.

При жизни М.А. Терентьева лишь один раз его имя было упомянуто в научном исследовании. В.А. Соболевский, российский юрист и современник М.А. Терентьева в своей книге «Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование» заметил: «... В судебном ведомстве служит М.А. Терентьев, кое-что сделавший на поприще литературы»¹⁰⁵. Такое короткое упоминание тем не менее позволяет сделать вывод о том, что труды М.А. Терентьева были известны и оценены при его жизни.

В советский период его труды изучались Н.А. Халфиным. В 1965 г. было опубликовано исследование «Присоединение Средней Азии к России». Автор подчеркивает важность того, что у М.А. Терентьева был доступ к архивным документам того времени: «Вопросы внешней политики царского самодержавия в XIX и начале XX в освещались дореволюционными историками меньше, чем внутривосточные проблемы Российской империи. Это объясняется, в частности, сугубой секретностью документальных материалов. В государственные архивы получали доступ лишь единичные исследователи, пользовавшиеся особым доверием правительства. Но и они могли публиковать свои труды только в том случае, если их точка зрения совпадала

¹⁰⁵ Соболевский, В. А. Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1882. С. 45–46.

с официальной. Так, трехтомная «История завоевания Средней Азии» М. А. Терентьева, ознакомившегося в 70-х годах XIX в. с архивными материалами учреждений Туркестанскою генерал-губернаторства, увидела свет лишь через три десятилетия — в 1906 г., когда первая буржуазно-демократическая революция в России заставила царское правительство допустить на некоторое время цензурные послабления. Такая долгая задержка с выходом книги объясняется тем, что ее автор несколько критически отнесся к действиям царских чиновников и военных деятелей в Средней Азии.»¹⁰⁶

Перейдем к анализу **современных работ**, посвященных творчеству, жизни и деятельности М.А. Терентьева. В качестве первого блока исследований можно выделить работы, написанные в историографическом ключе.

В диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Историография проблемы присоединения Туркестанского края к Российской империи: Вторая половина XIX в. – Начало XXI в.» С.Н. Брежнева характеризует работу М.А. Терентьева как солидный труд, при этом она высказывает точку зрения, что М.А. Терентьев описывал административное управление Российской империи «не критически»¹⁰⁷.

Кратко взгляды М.А. Терентьева упоминаются в работе 2015 г. «Центральная Азия и Казахстан: историографический «ренессанс» или социальный заказ?» Ш. Мухамединой из Уфимского государственного университета экономики и сервиса. Автор исследования, опираясь на труды М.А. Терентьева, доказывает, что отношения Российской империи и Англии к колониям кардинально отличались в том аспекте, что Англия позиционировала себя как друг колонии, но обирала ее, а Российская империя – как недруг, но в итоге относилась к народам этих территорий мягко и дружелюбно¹⁰⁸.

¹⁰⁶ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М.: Издательство восточной литературы, 1965. С. 16–17.

¹⁰⁷ *Брежнева С.Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к Российской империи: Вторая половина XIX в. Начало XXI в. Дисс. ... д-р. истор. наук: 07.00.09.. Москва, 2005. С. 13.

¹⁰⁸ *Мухамедина Ш.* Центральная Азия и Казахстан: исторический «ренессанс» или социальный заказ? // Диалог со временем, 2015. № 53. С. 122.

В русскоязычной статье К. Сонгвунга и Ч. Сечжин, исследователей из Университета Ханъянг (Республика Корея), «Поход Бековича-Черкасского на Хиву и продвижение Российской империи в Среднюю Азию в XVIII в.»¹⁰⁹ также рассматриваются труды М.А. Терентьева. В частности, они пишут о том, что М.А. Терентьев подробно описал и проанализировал с точки зрения военной стратегии поход на Хиву.

Следующая группа работ – биографические труды, посвященные личности М.А. Терентьева.

Уже упоминавшийся ранее А.Н. Алёшин из Одесского национального университета имени И.И. Мечникова в своей статье 2015 г. «Михаил Африканович Терентьев – генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед» подчеркивает важное значение «Истории завоевания Средней Азии». Алёшин считает переиздание этого труда индикатором его важности. Ссылаясь на «организаторов мероприятия», вероятно, подразумевая лиц, запустивших и осуществивших процесс переиздания, он говорит: «История... – самое фундаментальное историческое и научное исследование российской дореволюционной науки о Средней Азии и Казахстане»¹¹⁰. Затем Алёшин демонстрирует собственное отношение к работе М.А. Терентьева, отмечая «подробнейшие исторические сведения», «тонкие наблюдения», «хорошее чувство юмора». Алёшин также называет отношение М.А. Терентьева к преподаванию «поражительным», восхищаясь тем, что М.А. Терентьев считал правильным стремление учителей к тому, чтобы ученики превзошли их. В целом, автор статьи мысли своего прапрадеда оценивает как «глубоко патриотичные и мудрые»¹¹¹.

¹⁰⁹ Сонгвунг К., Сечжин Ч. Поход Бековича-Черкасского на Хиву и продвижение Российской империи в Среднюю Азию в XVIII в. // Вопросы истории, № 7, 2020. С. 165–170.

¹¹⁰ Алёшин А.Н. Михаил Африканович Терентьев генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед // Материалы III Всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность», ноябрь 2018 г., М.: Институт Востоковедения РАН, 2018. С. 116.

¹¹¹ Там же. С. 118.

В работе ««Кое-что сделавший на поприще литературы» (избранные персоналии военной юстиции Виленского военного округа конца XIX – начала XX века)» В.В. Олейник из Военной академии Республики Беларусь в 2020 г. отмечает, что М.А. Терентьев был «военным юристом с образованием военного лингвиста и переводчика»¹¹². На примере М.А. Терентьева Олейник показывает, что органы военной юстиции имели в конце XIX – начале XX вв. в своем составе выдающихся с интеллектуальной точки зрения исследователей, интеллектуальную элиту офицеров Российской империи. Автор исследования указывает на то, что влияние М.А. Терентьева проявилось не только в развитии Виленского военного округа того времени, но и в ежедневном общении с гражданскими лицами. Олейник отмечает, что военные юристы часто приглашались в светские салоны и таким образом оказывали влияние на социум вне своей профессиональной деятельности¹¹³.

Наконец, в третий блок входят работы, в которых непосредственно анализируются взгляды М.А. Терентьева на идеологию, геополитику и процесс присоединения Средней Азии к Российской империи.

В своей работе 2010 г. «М.А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики Российской империи (вторая половина XIX в.)» П.В. Цыганков из Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского называет М.А. Терентьева «выдающимся востоковедом и лингвистом»¹¹⁴. Он положительно отзывается о работе М.А. Терентьева «Россия Англия в Средней Азии», отмечая, что книга «подробнейшим образом» освещает историю Российского Туркестана с 1867 г. и «...вызывает огромный интерес среди исследователей», так как содержит самое полное и точное описание процесса присоединения Российской империи-

¹¹² Олейник В.В. «Кое-что сделавший на поприще литературы» (избранные персоналии военной юстиции Виленского военного округа конца XIX начала XX века) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: Исследования по новой и новейшей истории, № 4, 2020. С. 95.

¹¹³ См.: там же. С. 97.

¹¹⁴ Цыганков П.В. М.А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики Российской империи (вторая половина XIX в.) // Омский научный вестник. Исторические науки. 2010. № 4 (89). С. 28.

ей региона Средней Азии¹¹⁵. Цыганков характеризует источники, использованные М.А. Терентьевым при подготовке книги, и отмечает, что кроме российских документов, включая дипломатическую переписку, им были привлечены иностранные труды и материалы периодических изданий. В связи с этим Цыганков приравнивает книгу М.А. Терентьева к научному исследованию. Наряду с этим Цыганков также признает очевидные политические и геополитические цели работы М.А. Терентьева. В качестве примера в статье описывается ситуация, показывающая отношение М.А. Терентьева к взаимодействию Российской империи и Коканда. По утверждению М.А. Терентьева, генерал-губернатор фон Кауфман старался сохранить мирные и продуктивные отношения с Кокандом, но так считали не все. В качестве иллюстрации он приводит в пример посещение региона в 1873 г. секретарем посольства США Юджином Скайлером, отметившим, что русские купцы массово притесняются властями Коканда, а условия договора не соблюдаются. Цыганков считает, что М.А. Терентьев достаточно убедительно обосновывал в своих работах принцип «защитного империализма», в основе которого лежит обеспечение безопасности границ и торговых связей. Наконец, автор статьи отмечает: взгляды М.А. Терентьева позволяют характеризовать его как одного из деятелей, стоявших у истоков геополитики Российской империи.

В статье «Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами» 2017 г. А.М. Дубовиков из Поволжского государственного университета сервиса называет М.А. Терентьева одним из самых ярких представителей подготовки хивинских походов, талантливым офицером и опытным аналитиком. Дубовиков называет «Статистические очерки Среднеазиатской Российской империи» и «Россию и Англию в Средней Азии» серьезными статистическими трудами¹¹⁶. Проводя сравнительный анализ трудов М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» и М.И. Иванова «Описание

¹¹⁵ См.: там же.

¹¹⁶ Дубовиков А.М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, 2017. № 1 (21). С. 77.

зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг.», Дубовиков находит труды М.А. Терентьева «более детальными»¹¹⁷ и приводит конкретные аргументы. Дубовиков также отмечает в работе М.А. Терентьева важность описания быта местных жителей, их внутренних взаимоотношений и их отношения к русским. По его мнению, М.А. Терентьев «хорошо понимал суть хозяйства номадов», экономических основ степной жизни, доброжелательно относился к трудолюбивым и добросовестным местным жителям. Дубовиков подчеркивает справедливый характер М.А. Терентьева, который не боялся критиковать других российских офицеров, проявляющих большую жестокость, чем это было необходимо для достижения военной цели. В частности, приводится эпизод, когда М.А. Терентьев обвиняет офицера Мансурова в разорении аулов, которые не имели отношения к мятежникам. В статье утверждается, что М.А. Терентьев был противником карательных экспедиций, считая, что от них страдает лишь мирное население, которое после таких мер становится враждебным к Российской империи. В своей статье А.М. Дубовиков, опираясь на текстологический анализ работ М.А. Терентьева и других авторов, описывающих хивинские походы, делает следующий вывод: труды М.А. Терентьева были более фундаментальными, подробными и обоснованными, чем другие, носили научный характер. Он дает положительную оценку личностным качествам М.А. Терентьева, который смело критиковал несправедливость и применение карательных мер¹¹⁸.

В статье Ж. Кундакбаевой «М.А. Терентьев. История завоевания средней Азии» 2019 г. из Казахского национального университета им. Аль Фараби отмечается, что М.А. Терентьев в своих трудах руководствовался монархическими, имперскими принципами, согласно которым завоевание и присоединение территорий – оправданный, естественный процесс, несущий благо народам этих территорий. По оценке автора, М.А. Терентьев стремился к то-

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См.: Дубовиков А.М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казаками // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, 2017. № 1 (21). С. 83 и сл.

му, чтобы учитывать в своих работах все факты, в том числе неблагоприятные для Российской империи, такие как коррупция, жестокое или неуважительное отношение к местным народам, не занижать в официальных отчетах военные потери в своих войсках и повышать численность вражеских войск для того, чтобы преувеличить значимость побед и талант российских полководцев¹¹⁹. М.А. Терентьев часто прибегал к архивным документам в своих работах. Этот факт регулярно подчеркивается исследователями и указывает на то, какие источники М.А. Терентьев использовал в своих исследованиях. Более того, сам факт доступа к архивам давал М.А. Терентьеву уникальный для тех времен уровень доступа к историческим документам. Ж. Кундакбаева пишет, что М.А. Терентьев проявлял определенное стремление к тому, чтобы в позитивном свете показывать российских офицеров средних чинов, которых он называл «строителями империй», и в негативном свете отзывался о замене военных администраторов в регионе на чиновников, которые не были знакомы с особенностями и обычаями региона. Тем не менее, по мнению автора, не всегда аналитические способности М.А. Терентьева приносили нужный результат. Так, автор называет М.А. Терентьева «плохим пророком», описывая то, как М.А. Терентьев ошибся, предположив, что конфликт с Англией станет открытым и военным¹²⁰. Хотя Кундакбаева очень осторожно намекает на то, что не одобряет имперских позиций М.А. Терентьева и больше разделяет национальную точку зрения, она высоко оценивает то внимание, которое М.А. Терентьев уделил быту и повседневной жизни народов Средней Азии. Более того, по ее словам, «сочетанием многих уникальных качеств, которыми обладал М.А. Терентьев, в принципе не может похвастаться ни один из сегодняшних историков»¹²¹. По мнению автора статьи, качество трудов М.А. Терентьева основывалось на таких факторах, как одарен-

¹¹⁹ См.: Кундакбаева Ж. М.А. Терентьев. История завоевания средней Азии // Вопросы истории. 2019, № 4. С.159.

¹²⁰ См.: Кундакбаева Ж. М.А. Терентьев. История завоевания средней Азии // Вопросы истории. 2019, № 4. С. 159–160.

¹²¹ Там же. С.161.

ность, неограниченный доступ к архивам, образованность, владение языками региона, знание быта, а также опыте судебной деятельности. При этом позицию М.А. Терентьева, считавшего покорение Азии процессом привнесения ей цивилизации и дарения народам региона тех же прав и благ, как и жителям Европы, Кундакбаева называет «наивной и внеисторичной»¹²². Это суждение М.А. Терентьева подвергается систематической, последовательной критике. Говоря о лингвистических работах М.А. Терентьева, автор называет его человеком энциклопедического склада ума и отмечает инновационность его подхода к обучению языкам¹²³.

Ж. Кундакбаева выстраивает сложный и неоднозначный образ М.А. Терентьева. С одной стороны, она высоко оценивает его труды, отмечая их фундаментальный, научный характер, положительно отзывается о том, сколько внимания М.А. Терентьев уделял языку и быту региона. С другой, прямо отмечает его аналитические ошибки, критикует его идеализацию политики Российской империи.

В 2018 г. в Москве вышло переиздание «Истории завоевания Средней Азии» со вступительной статьей Г.А. Бордюгова, А.Г. Макарова и Б.В. Соколова. Авторы этой статьи, утверждают, что М.А. Терентьев «...считал Российскую империю лучшим государством на земле...», в контексте чего присоединение Средней Азии к России было для М.А. Терентьева проявлением патриотизма¹²⁴. Они отмечают его энциклопедический ум, изобретательность, таланты к языкам и в сфере лингвистики, понимание быта и характера местных народов, а также то, как ему пригодился практический опыт работы в регионе для написания трудов. Предисловие Г.А. Бордюгова, А.Г. Макарова и Б.В. Соколова можно считать наиболее обширным анализом взглядов и работ М.А. Терентьева. При этом оно лишь суммирует то, что было обнаружено в ходе анализа других работ и не отражает весь спектр мнений.

¹²² См.: там же.

¹²³ Кундакбаева Ж. М.А. Терентьев. История завоевания средней Азии // Вопросы истории. 2019, № 4. С.162.

¹²⁴ См.: Бордюгов Г.А., Макаров А.Г., Соколов Б.В. Вступительная статья к «Истории завоевания Средней Азии» // Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 5.

Перейдем к анализу работ на английском языке. Можно выделить две основные группы англоязычных научных трудов, связанных с личностью или деятельностью М.А. Терентьева. В первую группу войдут работы, посвященные проблематике «Большой игры» и взаимодействия Российской империи и Англии в Средней Азии. Во второй группе работ рассматривается влияние процессов присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи на местное население. Начнем анализ первой группы работ.

В диссертации 1991 г. Г.О. Телах «Русское продвижение в Центральной Азии и Британский ответ в 1834–1885 гг.» (англ. «The Russian Advance in Central Asia and the British Response 1834–1885») из британского Университета Дарем, в частности, отмечает, что «История завоевания Средней Азии» «завораживает»¹²⁵, а сам М.А. Терентьев «был самым авторитетным историком XIX в. в вопросах, связанных с Центральной Азией...Он написал множество бесценных работ об истории региона»¹²⁶. В заключении диссертации Телах пишет «Его труды...отличаются от других трудов своей явной непредвзятостью. Нейтральность его суждений была основной причиной, почему имперские цензоры более четверти века задерживали публикацию его работ»¹²⁷. Далее Телах высказывается об «Истории завоевания Средней Азии»: «Книга относится к лучшим историческим источникам о продвижении Российской империи в Средней Азии», М.А. Терентьев «описывал...отношение жителей региона, как должностных лиц, так и обычных жителей, отмечая очень интересные детали»¹²⁸.

В целом необходимо сделать вывод о том, что во многом труды М.А. Терентьева автором этой диссертации воспринимаются, наверное, с большим уважением, чем в России. Отмечается качество и важность работ М.А. Терентьева, их историческое значение, их точность и непредвзятость, их научный характер. По мнению автора, его труды не публиковались в связи с им-

¹²⁵ *Tealakh G.O. The Russian Advance in Central Asia and the British Response 1834-1885. A Thesis Submitted in Fulfilment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy. Durham: University of Durham, 1991. С. 44.*

¹²⁶ Там же. С. 270.

¹²⁷ Там же. С. 326.

¹²⁸ Там же.

перской цензурой, что вызывает ряд вопросов, т.к. в российской исторической науке принято считать, что долгий срок публикации «Истории завоевания Средней Азии» связан с личным желанием автора, который стремился избежать негативных последствий от возможной прямой критики.

Иное мнение выражается в работе «Большая Игра: на Секретной Службе в Высокой Азии»¹²⁹ (англ. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*) П. Хопкирка, опубликованной в 2006 г. Автор отзывается о труде «Россия и Англия в Средней Азии» как о «в высшей степени англофобном» произведении, критикует обвинения М.А. Терентьевым англичан в том, что они тайно раздавали туркменским племенам винтовки для борьбы с Российской империей¹³⁰, мнение М.А. Терентьева, считавшего, «что Сэр Джон Лоуренс, наместник короля в Индии, был снят с должности из-за того, что не был достаточным русофобом», а индусы тяготятся британским правлением и ждут «врача с севера», намекая на возможность освобождения Индии Российской империей¹³¹.

Анализируя рассуждения М.А. Терентьева о шансах Российской империи освободить Индию от Англии, Хопкирк начинает проявлять эмоции: «<рассуждения М.А. Терентьева> плохо говорят об его умственных способностях»¹³². По его предположению, взгляды М.А. Терентьева были «так популярны в Российской империи, что позволили М.А. Терентьеву опубликовать свои труды несмотря на имперскую цензуру», и еще: и «возможно его труды предназначались только для внутреннего использования, а не для британских глаз»¹³³. Как отмечалось, гипотеза М.А. Терентьева о вооруженном конфликте с Великобританией не подтвердилась, и именно этот аспект муссируется Хопкирком. Работа явно ангажирована, а ее характер далек от

¹²⁹ «Что же касается понятия *Внутренняя* или *Высокая Азия* (*Ineer or High Asia*), то оно употреблялось современниками описываемых событий преимущественно в связи с Восточным Туркестаном и Тибетским нагорьем» (*Сергеев Е.Ю.* Большая Игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012).

¹³⁰ См.: *Hopkirk P.* *The Great Game: On Secret Service in High Asia.* London: John Murray, 2006. С. 22.

¹³¹ См.: там же. С. 23.

¹³² Там же. С. 24.

¹³³ Там же. С. 32.

нейтрального. Особенно интересно суждение Хопкирка о том, что труды М.А. Терентьева «не предназначались для британских глаз», хотя они при жизни автора публиковались в столице Британской Индии – Калькутте.

В работе Хопкирка взгляды М.А. Терентьева описываются предвзято, а критика носит агрессивный характер. Интересен контраст между этой работой и работой Г.О. Телах, обе были опубликованы в Великобритании, но при этом имеют диаметрально противоположный характер.

Перейдем к характеристике следующей категории работ, к работам, в которых поднимается вопрос о влиянии процессов присоединения к Российской империи на местное население Средней Азии. В 2005 г. в Лондоне была издана книга американского профессора из Нью-Джерси С. Беккера, «Протектораты Российской империи в Средней Азии. Бухара и Хива, 1865–1924» (англ. «Russia's Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva, 1865-1924»)¹³⁴. Она интересна тем, что в ней мнения и суждения М.А. Терентьева не обсуждаются, не комментируются, им не дается никаких оценок. Они принимаются как твердый, устоявшийся исторический факт. В работе содержится 118 упоминаний М.А. Терентьева и его трудов. Это подтверждает вывод о том, что в англо-саксонской научной традиции М.А. Терентьев – значимая величина и уважаемый источник информации о Средней Азии.

Следующая работа, которую мы упомянем, была написана в 2013 г. в Казахстане и принадлежит А. Шаукенову из Научно-исследовательского института финансового и налогового права. Ее название – «Изменения в политической и законодательной системе Казахстана в процессе вхождения в Российскую империю со второй половины XVIII века до конца XIX века» (англ. «Changes in the Political and Legal System of Kazakhstan in the Process of its Incorporation into the Russian Empire from the Second Half of the 18th Century to the

¹³⁴ См.: *Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva, 1865-1924. London: Routledge Curzon, 2005.*

End of the 19th Century»)¹³⁵. В статье М.А. Терентьев упоминается пять раз, а стиль повествования в значительной мере напоминает стиль С. Беккера. Вновь мнения и суждения М.А. Терентьева не обсуждаются, не комментируются, им не дается никаких оценок.

В 2018 г. в Казахстане в Казахском национальном университете им. Аль-Фараби вышла еще одна работа, в которой затрагиваются труды М.А. Терентьева – статья А.М. Абдилдабековой «Присоединение казахских земель к Российской империи: историографический обзор XIX – начала XX века» (англ. «Joining of the Kazakh lands to the Russian empire: historiographical review XIX – early XX century»)¹³⁶. Автор в начале статьи критикует имперские взгляды на покорение Средней Азии, сводящиеся к обоснованию российской экспансии в регионе, стремлению к усилению позиции Российской империи. А.М. Абдилдабекова полагает, что М.А. Терентьев и др. авторы-имперцы скрывали факты использования карательных мер против местного населения, оправдывали насилие над местными жителями, а также манипулировали изложением исторических фактов для создания позитивного образа империи. Она также обвиняет М.А. Терентьева в том, что он оскорбительно отзывался о местных жителях, называя их дикарями, малыми народами, «степью»¹³⁷.

В 2007 г. была опубликована работа «Англо-русское соперничество, российская аннексия Мерва и последствия аннексии для туркмен» (англ. «The Anglo-Russian Rivalry, Russia's Annexation of Merv and the Consequences of the Annexation on Turkmens»)¹³⁸. Ее автор – профессор турецкого университета Кахраманмараш Сютчю Имам (Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi) М. Йетишгин. В этой работе М.А. Терентьев упоминается дважды, оба раза в контексте соперничества Российской империи и Великобритании в

¹³⁵Shaukenov A. Changes in the Political and Legal System of Kazakhstan in the Process of its Incorporation into the Russian Empire from the Second Half of the 18th Century to the End of the 19th Century // Asian and African Studies. 2013. V. 22, № 2. Pp. 279-301.

¹³⁶Abdildabekova A.M. Joining of the Kazakh lands to the Russian empire: historiographical review XIX early XX century // Хабаршы. Тарихсериясы, № 4 (91), 2018. Pp. 59–66.

¹³⁷ См.: там же. С. 63.

¹³⁸Yetisgin M. The Anglo-Russian Rivalry, Russia's Annexation of Merv and the Consequences of the Annexation on Turkmens // bilig, № 40, 2007. Pp. 141-165.

Средней Азии и в Индии. Йетишгин цитирует упомянутого ранее Хопкирка, однако придерживается, в отличие от последнего, нейтрального, взвешенного тона, не оценивает М.А. Терентьева и его работы, а приводит конкретные высказывания, в частности о том, что британцы вооружали туркменов.

Ко всему вышесказанному можно добавить, что М.А. Терентьев в современном мире известен не только в рамках исторической и политической науки, его имя вошло в массовую культуру. В 2017 г. в Великобритании поступила в продажу настольная игра «The Great Game: Rival Empires in Central Asia», в игровой карте «Pen Mightier Than Sword» которой обнаруживается отсылка в виде исторической справки, в которой упоминается М.А. Терентьев и его труды¹³⁹.

В принципе, можно утверждать, что труды М.А. Терентьева и в наше время пользуются значительным авторитетом в вопросах, связанных со Средней Азией. Актуальность его трудов подтверждается, в частности тем, что даже корейские исследователи обращаются к исследованиям М.А. Терентьева, признавая их надежным историческим источником. Действительно, невозможно отрицать роль М.А. Терентьева и значение его фундаментальной «Истории завоевания Средней Азии». Высокая оценка, например, А.Н. Алёшина в данном аспекте едва ли может быть оспорена и не вызывает сомнений. Тем не менее, фактические ошибки и свободное отношение к хронологии событий А.Н. Алёшина в его статье заставляют с большой осторожностью относиться к его суждениям о М.А. Терентьеве. Во многих исследовательских работах подчеркивается научный подход М.А. Терентьева к написанию своих трудов. Так, например, П.В. Цыганков в своей статье дает положительную оценку личности и творчества М.А. Терентьева. Его труды сравниваются по своему характеру и уровню обоснованности и достоверности с научными исследованиями, убеждения М.А. Терентьева показываются как логичные, соответствующие духу времени и опережающие свое время с точки зрения дальновидности и того, насколько широко он видел общую кар-

¹³⁹*Gorkowski J.* The Great Game. Rival Empires in Central Asia. Rules of Play. 2017 // URL: https://khybergames.com/legionwargames/docs/TGG_rules_final_print.pdf [дата доступа: 04.05.2021].

тину событий. Также П.В. Цыганков своим выбором анализируемых отрывков показывает, что М.А. Терентьев не боялся освещать стороннюю критику политики империи и отдельных аспектов ее реализации и предпочитал напрямую реагировать на нее, а не скрывать сам факт ее существования.

В целом, труды М.А. Терентьева недостаточно изучены с позиции исследования процесса присоединения Российской империей территорий Средней Азии. Анализ современной историографии показал, что существуют две крайние позиции в оценке присоединения Средней Азии к Российской империи. При этом в англоязычной литературе доминирует точка зрения, согласно которой Российская империя колонизировала эти территории по образцу Британской империи. Можно предположить, что это вызвано в том числе тем, что нет перевода «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева на английский язык. Это проблема чаще всего подчеркивается иностранными исследователями, не владеющими русским языком. Несмотря на то, что «История завоевания Средней Азии» обладает репутацией наиболее достоверного источника историко-политической информации об этих процессах, отсутствие перевода на английский язык приводит к ситуации, в которой в западной научной среде превалирует взгляд на процессы присоединения как на процессы колонизации.

Выводы главы. В главе «Теоретико-методологические основания исследования» были охарактеризован историко-политический контекст присоединения Российской империей Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.; определены основные этапы жизни и творчества М.А. Терентьева; выделены основные подходы к изучению творческого наследия М.А. Терентьева в историко-политическом дискурсе.

Анализ историко-политического контекста присоединения Российской империей Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. показал, что, во-первых, ситуация в регионе была нестабильной и характеризовалась стычками между ханствами и городами. Многие города оказывались в экономической зависимости от России и искали ее покровительства. Во-вторых, для России как империи важнейшим аспектом внешней политики было присо-

единение новых территорий. Разница в культурах и вероисповеданиях создавала фундамент для многочисленных конфликтов и непонимания того, почему конкретная политика не приносит предполагаемых результатов. В-третьих, процесс присоединения Средней Азии Российской империей был сопряжен со сложными геополитическими процессами, связанными не только с противостоянием России, Бухарского эмирата и Хивинского ханства, но и с российским соперничеством с Британской империей за влияние в Средней Азии. Наконец, с геополитической точки зрения экспансия Российской империи в Туркестане обосновывалась необходимостью защиты географических границ Российской империи. Полагалось, что важной целью было расширение территорий до естественных непреодолимых рубежей, таких как водоемы, пустыни и горы. Кроме того, кочующие народы Средней Азии осуществляли набеги на русские земли. Считалось, что эффективным методом борьбы с этой проблемой было бы приведение этих народов к российскому подданству и принуждение их к российским законам.

Значительная часть истории распространения российского влияния в регионе в XIX–XX вв. была запечатлена в трудах Михаила Африкановича Терентьева, российского военного управленца. В работе определены и рассмотрены основные этапы его жизни и творчества. М.А. Терентьев был ярким представителем уникального явления эпохи — так называемых «туркестанских генералов». На протяжении восьми лет он находился на военной службе в Средней Азии и еще пять лет работал в военно-судебной системе Туркестана. Мы выделили шесть различных этапов его жизни. Первый период (1837-1855) – учеба в Михайловском Воронежском и в Константиновском кадетских корпусах, служба в Чугуевском 11-м уланском полку, участие в Крымской войне; второй (1860-1867) – учеба в Николаевской Академии Генерального штаба, служба в Генеральном штабе, в Харьковском и Западно-Сибирском военных округах; третий (1867-1873) – служба в Туркестане; четвертый (1873-1880) – учеба в Военно-юридической академии, работа над историческими и лингвистическими трудами, участие в русско-

турецкой войне 1877-1878 гг.; пятый (1880-1902) – служба в военно-судебной системе; шестой (1902-1909) – выход в отставку и работа над изданием «Истории завоевания Средней Азии».

Описывая российскую политику в регионе, М.А. Терентьев не пытается использовать какие-либо другие исследования, он интерпретирует конкретные факты и дает им свою оригинальную оценку. Это обстоятельство сыграло большую роль в формировании подходов и мнений о творческом наследии М.А. Терентьева в современном научном дискурсе. Одни считают труды М.А. Терентьева достоверными историческими источниками, другие идеологически ангажированными пропагандистскими работами. Такие оценки обусловлены прежде всего различием подходов авторов к самой политике Российской империи в Средней Азии, которую одни, как и М.А. Терентьев, трактуют как добровольное «присоединение» народов региона, другие как насильственную «колонизацию» его территорий.

ГЛАВА II. СРЕДНЯЯ АЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ТЕРЕНТЬЕВА

§1. Национально-территориальная специфика Средней Азии¹⁴⁰

В своем главном труде «История завоевания Средней Азии» М.А. Терентьев уделил большое внимание национально-территориальной специфике Средней Азии в контексте имперской политики России. Анализ содержания этого источника исторической информации позволяет сделать ряд важных выводов о национально-территориальной специфике региона. Под национально-территориальной спецификой мы понимаем сочетание национальной и территориальной специфики. В этом случае национальная специфика подразумевает этнические различия между местными культурами и культурой России. Под территориальной спецификой подразумеваются географические особенности местности.

По своей структуре терентьевская «История завоевания Средней Азии» схожа с его же работами середины 1870-х гг. «Россия и Англия в Средней Азии» и «Россия и Англия в борьбе за рынки». Но «История завоевания Средней Азии», в отличие от «России и Англии в Средней Азии», никогда не издавалась на английском языке. Этот труд был опубликован после того, как М.А. Терентьев ушел в отставку, в связи с чем он мог позволить себе в ряде случаев более свободно высказывать оценки и мнения без каких-либо опасений. М.А. Терентьев описывает хронологию событий, в большом количестве упоминает конкретных деятелей тех или иных временных периодов, описывает хозяйственные и технологические аспекты оснащения войск и регионов и, кроме некоторых исключений, отказывается от оценочных суждений или же скрывает их, делая непрямыми и неочевидными, нуждающимися в интерпретации.

¹⁴⁰ При написании данного параграфа диссертации использованы следующие статьи автора: *Тальская О.Д.* Особенности национального характера жителей Центральной Азии в трудах М. А. Терентьева // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014». М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 415–417, *Тальская О.Д.* Исторические стратегии стабилизации социально-политической обстановки в Средней Азии // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2021. №4. С. 136–145. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-4-1095>

При этом между тремя книгами есть значительное отличие: в «Истории завоевания Средней Азии» авторские комментарии, демонстрирующие позицию М.А. Терентьева, встречаются значительно реже, чем в двух других книгах.

Работа М.А. Терентьева над историей завоевания Средней Азии началась с поручения генерал-губернатора Кауфмана в 1869 г., а цель ее раскрывается в следующих словах автора: «Работа моя до того меня захватила, столько нашлось новых, еще неизвестных никому данных, что остановиться на том или другом выборе было весьма затруднительно. Мне все казалось важным и ценным, всякая мелочь. К тому же и гигантскую борьбу вели не исполины, а скромные русские люди. Задавшись целию воздать каждому по делам его, я не обходил и одного, самого скромного подвига, но реляции всегда сверял с частными донесениями. Не стоит писать истории, если не писать всю правду. Пусть перед читателем пройдет живой человек со всеми его слабостями и ошибками: дело он сделал, след свой оставил, а что он был такой же, как и мы, так этим он нам еще милее»¹⁴¹. Помимо желания «воздать каждому по делам его», здесь М.А. Терентьев заявляет о важности стремления к исторической истине, проверке достоверности данных, внимания к деталям, к быту людей.

Одной из целей своего труда, М.А. Терентьев считает предотвращение ошибок в будущем: «Ошибки и промахи также поучительны, хотя и отрицательною стороною: расплачиваться за них приходится кровью и костями подчиненных, поэтому повторяться они не должны. А между тем они повторяются...»¹⁴². Действительно, и в этом уверен М.А. Терентьев, те, кто не знает истории, обречены повторить все допущенные в прошлом ошибки.

М.А. Терентьев, критикуя ошибки, совершенные русской армией и гражданской администрацией в Средней Азии, стремился найти правду, которую нужно донести до власти и общества. «Итак, не желая быть рабом реляций, я относился к ним критически: панегириков я писать и не собирался, а правду высказать не боялся, мало заботясь о том, понравится ли это тому или другому из деятелей,

¹⁴¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 25.

¹⁴² Там же. С. 25–26.

прославленных уже и превознесенных на полях Средней Азии»¹⁴³. Иными словами, он заявляет о своем намерении показать объективную картину исторических событий. Как отмечает М.А. Терентьев, такой подход встретил неодобрение внутри России: «Ген. Кауфман ... был весьма недоволен моей «критикой»»¹⁴⁴.

Наконец, он обосновывает необходимость издания своей работы, в которой стремится непредвзято оценить как достоинства, так и недостатки среднеазиатской политики Российской империи: «Казалось бы, пора поднять завесу, скрывающую от нас подробности деяний наших славных военачальников, но скрывающую также и их ошибки. И то, и другое знать необходимо тому, кто хочет служить в Средней Азии, руководясь добытым уже нашими предшественниками опытом и остерегаясь повторять прежние ошибки... Наше общество и наши правящие сферы, право, заслуживают того, чтобы знать настоящую, не прикрашенную и не закрашенную правду, а кто не боялся сказать ее в глаза людям, от которых зависел, тот еще менее будет стесняться с людьми, от которых уже не зависит»¹⁴⁵. Здесь М.А. Терентьев вновь подчеркивает, что его работа должна остаться нейтральной и объективной, что только правдивое изложение истории имеет практическое значение, позволяет принимать в будущем более разумные решения, избегать уже совершенных когда-то ошибок.

М.А. Терентьев условно разделял процесс присоединения Средней Азии к Российской империи на три отдельных этапа, которые отличались методами установления контроля над новой территорией. На первом этапе использовались военные экспедиции и походы для борьбы с набегами и освобождения пленных. На втором этапе строились укрепления, одним своим присутствием стабилизовавшие ситуацию вокруг них и дававшие российским войскам удобную точку, в которой можно восстановить силы и пополнить ресурсы. Последним этапом было создание единых линий из укреплений, образывы-

¹⁴³ Там же. С. 26.

¹⁴⁴ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 27.

¹⁴⁵ Там же. С. 28.

вавших стабильную границу. В этой связи отметим два факта. Во-первых, разделение М.А. Терентьевым присоединения к Российской империи на три этапа не совпадает с разделением его труда на три тома. Во-вторых, автор сам часто отмечает, что процесс перехода от одного этапа к следующему не был в полной мере последовательным. Основной причиной этого М.А. Терентьев считал частую смену в Средней Азии российского руководства, которое полностью изменяло региональную политику, отменяя решения своих предшественников. Периодически политика строительства укреплений отменялась в пользу организации экспедиций, а попытка провести единую линию укреплений подвергалась критике. Это говорит о том, что в политическом и военном руководстве Российской империи не было единого подхода к средствам и методам установления мира и порядка в Средней Азии.

Стратегия России в Средней Азии напрямую истекает из национально-территориальной специфики региона, которая раскрывается в ходе анализа труда М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии».

В предисловии М.А. Терентьев заявляет следующее: «Большая часть этой территории завоевана нами, и теперешние наши границы довольно удовлетворительны, но дошли мы до них после трехсот лет упорной борьбы. Много вынесла Российская империя грозных набегов со стороны диких кочевников, выходивших из той же Средней Азии. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашим предкам. Но как только собралась и окрепла Русская земля, – она сама перешла в наступление»¹⁴⁶. В этом фрагменте еще раз явно видно отношение М.А. Терентьева к народам Средней Азии, которое не изменилось и на закате его жизни. Он признает, что завоевание этой территории было сложным процессом, а борьба «упорной». Далее М.А. Терентьев отмечает последствия процесса присоединения среднеазиатских территорий: «Старинные счеты сведены, твердый порядок заступил место своеволия и разбойничьих набегов, границы

¹⁴⁶ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 23–24.

беспокойных соседей отодвинуты от остальной Российской империи до пределов возможности, и сюда, как бы в отместку за прежние нашествия, хлынула из Российской империи волна переселенцев»¹⁴⁷, обозначая своеобразную цену процесса присоединения к Российской империи новых территорий. М.А. Терентьев считает приход российских переселенцев на захваченные Россией территории своего рода репарациями за набеги и войны с участием азиатских народов, происходившие как много раньше, так и в процессе интеграции Средней Азии в состав империи.

Схожее мнение высказывает востоковед, председатель пограничной Оренбургской комиссии В.В. Григорьев, который констатировал, что торговля со Средней Азией может расти и при данном общественно-политическом положении в ханствах, но «пока над Внутренней Азией будут тяготеть теперешние там беспорядок и варварская дикость, естественно порождающие бедность и апатию, — значительное развитие торговли с ней положительно невозможно. Единственный выход для «Внутренней Азии» — переход ее «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может прийти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии; до тех пор, т. е. пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть, — всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней»¹⁴⁸.

В приведенных выше словах прослеживается понимание остроты национального вопроса в России, который на протяжении столетий оставался сложным. Эффективно и полностью разрешить его никогда не удавалось. Рубеж XIX–XX веков также ознаменовался трудностями национального характера. Исследователь Т.В. Котюкова отмечает, что «со второй половины XIX

¹⁴⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 24.

¹⁴⁸ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С.65.

в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национального государства. Это предполагало приобщение «инородцев» к русской государственности и русской цивилизации, а в перспективе – их слияние с русскими»¹⁴⁹. Следуя такой логике, завоеванные территории необходимо было интегрировать в общую систему политических, социальных и культурных институтов. Вот только далеко не всегда это было легко и возможно осуществить. «Неизмеримое и древнее русское ядро со всех сторон обложилось «окраинами». И «окраинный вопрос» в России есть один из самых темных и неясных в путях своих и в существе своем. Он труден для правительства, мучителен для населения. Не знают, как поступать в нем русские, закинутые службою на окраину, и русские внутри России», – писал по этому поводу В.В. Розанов, обобщая все сложности, вызванные в России национальными проблемами¹⁵⁰. Так, например, в уставе православной правомонархической партии «Русский народный союз имени Михаила Архангела», образованной в 1907 году вышедшим из партии «Союз русского народа» В.М. Пуришкевичем, отражено следующее положение: «Русскому народу, как основной единице, сгруппировавшей около себя покоренных русским оружием и добровольно присоединившихся под защиту его разных инородцев, принадлежит по праву первенствующее, господствующее значение во всей государственной жизни, а тем более в совершающихся государственных преобразованиях»¹⁵¹.

Национальный вопрос усложняли местные обычаи. В Средней Азии была распространена практика «баранта»¹⁵², разбойничьего набега с целью

¹⁴⁹ Котюкова Т. В. «Другой» мир глазами «Своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. С. 25.

¹⁵⁰ Розанов В.В. Национальное назначение // Сборник сочинений. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.). М.: Республика, 2003. С. 104.

¹⁵¹ Русский народный союз имени Михаила Архангела. Программа и устав. [Электронный ресурс] URL: <http://imha.ru/library/p-library/1144523563-programma-i-ustav-partii-russkogo.html>

¹⁵² Баранта (тюрк. - разбойничий набег) - в уголовном праве самовольный захват скота или другого имущества исключительно с целью принудить владельца вещей или его родственников дать удовлетворение за понесенную виновным обиду или возместить причиненный ему имущественный ущерб.

захвата скота. Обычно баранта проводилась в качестве ответного действия на чужую баранта. Кочевой образ жизни местных народов значительно способствовал простоте осуществления таких набегов. Достаточно часто жертвою ответной баранта оказывались третьи лица, не вовлеченные в изначальный конфликт сторон. В Средней Азии скот и имущество могли быть в любой момент отняты, что запуская цикл нескончаемых баранта, плодивших обиды и включавших все больше сторон. Коренные жители региона хорошо ориентировались в степи, были превосходными наездниками и осуществляли свои вылазки небольшими отрядами. Именно с такими набегам боролась русские войска, выделяемые для преследования этих отрядов, но часто это ни к чему не приводило. Многие русские военные не понимали особенностей Средней Азии и пытались выступать в погоню большими отрядами, которые не могли ни догнать, ни даже найти степняков. Иногда это также приводило к тому, что русские войска наказывали не виновников преступления, совершивших набег, а мирных кочевников, которые попадались «под руку», не пытались убежать, так как не были повинны в совершенном набеге. Вот, как это описывает М.А. Терентьев: «Некоторые администраторы предпочитали посылать по временам в степи летучие отряды для наказания виновных, отбития добычи и захвата пленных (ради обмена на своих). Но эти летучие отряды редко настигали виновных и грабили только тех, кто, не чувствуя за собой вины, сидел спокойно на месте и не торопился уходить при вести о русском отряде»¹⁵³. И еще: «Эта бесплодная экспедиция, казалось, должна была убедить, что действовать против степи набегам неразумно, ибо мятежники заблаговременно уйдут, а на месте останутся только не считающие за собой никакой вины мирные кочевники... Даже в случае удачи, набег наши ни к чему не вели, кроме разорения: ограбив дочиста попавшихся на глаза и под руку киргизов, чаще всего ни в чем неповинных и потому не ожидавших гро-

¹⁵³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 88.

зы, так как виноватые почти всегда уходили заранее, мы сами толкали их на грабеж, потому что другого средства не умереть с голоду в степи и нет»¹⁵⁴.

Политика использования ответных вылазок для борьбы с разбоем М.А. Терентьевым критикуется. Он считает, что в степях большие отряды русских войск не могли составить конкуренцию местным жителям, хорошо знавшим особенности степной жизни и территорию. М.А. Терентьев считал более эффективным создание укреплений в регионе. Логическое обоснование этого метода стабилизации обстановки в регионе было следующим: крепости создают вокруг себя зоны стабильности, в которых возможна своевременная реакция российских войск на действия враждебных сил, а подданные империи и мирные кочевники могут укрыться в них от посягательств на свои жизнь и имущество.

Деятельность по созданию крепостей также была сопряжена с множеством проблем. Как упоминалось ранее, эта политика не проводилась последовательно, а отменялась и вводилась вновь в процессе присоединения региона к Российской империи. Практика реализации этого метода была проблематичной, потому что, как отмечал М.А. Терентьев, места для возведения крепостей выбирались неправильно. Чаще всего встречались три типовые проблемы: отсутствие доступа к чистой питьевой воде, слишком большая концентрация крепостей, а также неудачное стратегическое расположение крепостей. В случае отсутствия доступа к достаточному количеству питьевой воды или при низком качестве воды, в крепости начинались болезни и эпидемии. При слишком большой концентрации крепостей эффект стабильности не увеличивался, а «лишние» крепости в большинстве случаев лишь растрачивали государственный бюджет, в третьем случае они просто не выполняли никакой практической функции. Вот, как это описывает Терентьев: «Соседство с дикими, не признающими ни международных ни никаких прав, кроме права силы, вынуждало нас укреплять границы линией крепостей; под защиту этих крепостей являлись по временам с просьбою о правах гражданства, т.е. о защите, дикие племена, тес-

¹⁵⁴ Там же. С. 134–135.

нимые более сильными; эти новые подданные через несколько времени оказывались хуже врагов; нам приходилось или задавить их окончательно, или прогнать, но и в том, и в другом случае необходимо было оцепить занятую ими территории рядом новых укреплений, — являлась, значит, новая линия. В старые времена это называлось чертою. Так перекатными линиями и подвигается Русь на восток в тщетной погоне за спокойствием. И не найдет она этого спокойствия, пока не дойдет до народа, уважающего договоры, народа настолько цивилизованного, чтобы не жить грабежом и забоем, настолько сильного, чтобы не допускать нарушения наших границ разбойничьими набегами своих шаек»¹⁵⁵.

Что касается создания единых линий по проекту объединения Сибирской и Оренбургской линий, как замечает М.А. Терентьев: «Оренбургская линия, простиравшаяся от Яика до Звериноголовской крепости слишком на 1300 верст, защищалась только тремя конными ландмилицкими полками, содержащими гарнизоны... Сибирская линия, от Звериноголовской крепости до Кузнецка, на расстоянии 2072 верст, защищалась 8-ю неуклюжими драгунскими полками, не пригодными для погона за «ветренными и легкомысленными народами»»¹⁵⁶. Этот проект подразумевал создание единого рубежа, за которым местные народы могли бы заниматься кочевничеством без страха внешнего нападения. Для нападения недоброжелателям пришлось бы прорвать укрепленную линию. Учитывая подавляющее технологическое превосходство русских войск над Хивой, Кокандом и другими государствами региона, такой прорыв был бы фактически невозможен.

Еще хуже дела обстояли с военными походами против государств Средней Азии. Борьба Российской империи с Хивой описывается М.А. Терентьевым в VI главе «Истории завоевания Средней Азии» как череда катастрофических проявлений некомпетентности, неосмотрительности и растраты казенных

¹⁵⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 35.

¹⁵⁶ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 93.

ресурсов. *Casus belli* многих военных экспедиций и «поисков» против Хивы заключалась в хивинской работорговле. Действительно, причина военных действий России против Хивы включала работорговлю, но также они были вызваны хивинскими торговыми тарифами и желанием создать прочные торговые пути в Китай. Многие подданные Российской империи попадали в плен к хивинцам и обращались в рабство, дипломатические каналы с Хивой не были налажены, а сам М.А. Терентьев отмечает, что правители государств Средней Азии, таких как Хивинское, Кокандское ханства, или же Кашгар в Синьцзяне, не считали заключенные договоры обязательными к исполнению. Терентьев описывает несколько примеров. Между Хивой и Россией была достигнута договоренность в 1838 г. осуществить обмен пленными: «Несмотря на столько положительных обещаний хана освободить русских пленников, несмотря на беспрестанно отправляемые им посольства, он продолжал подстрекать киргизов и туркмен к захватыванию пленников. В том же 1839 году взято было с моря до 150 чел. рыбаков. Все это делалось с расчетом захватить как можно больше русских, чтобы не убыточно было разменивать их на задержанных в России хивинцев»¹⁵⁷. «Таким образом, - заключает М.А. Терентьев, - договора с Хивой заключить не удалось. Жалеть, однако об этом нечего, так как Хива не считала никакие договоры ни во что!»¹⁵⁸.

М.А. Терентьев отмечает, что русские попадали в рабство в регионе не только из-за военных походов и встречных нападений Хивы. Некоторые русские купцы входили в сговор с Хивой, приглашали русских крестьян к себе на работу и сообщали работорговцам о том, когда удобнее всего было бы этих крестьян захватить. В итоге они получали не только деньги за проданных таким образом рабов, но и бесплатно проделанную работу похищенных. М.А. Терентьев пишет по этому поводу следующее: «Не одни магометане поставляли русских невольников, находились пройдохи и из русских. Подвиги одного из них, Зайчикова, рассказаны Ивановым в его Хивинской экспедиции 1839–1840 годов

¹⁵⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 144.

¹⁵⁸ Там же. С. 216.

(стр. 122)¹⁵⁹. С десяти верстах от Оренбурга, за Уралом, Зайчиков имел пашни, для обработки которых и нанимал мужиков, а между тем давал знать своим покупателям – киргизам. Те караулили добычу на дороге и захватывали целые семьи. Спекуляция Зайчикова оказалась весьма выгодною, но под конец была обнаружена, и негодяй был сослан в Сибирь на каторгу»¹⁶⁰.

Хивинское ханство не было достаточно мотивировано к тому, чтобы отказаться от экономических преимуществ работорговли, а договоры не выполнялись. При этом военное уничтожение Хивы затруднялось ее удалением от российской границы и особенностями региона. Перемещения войск были связаны с логистическими сложностями: при зимних походах необходимо было по бездорожью везти с собой запасы дров и питания для лошадей и верблюдов, а также осадные орудия, а летом необходимо было прокладывать дорогу таким образом, чтобы на пути встречались колодцы для обеспечения войска и животных питьевой водой. Зимние походы были сопряжены с большим числом обморожений и серьезными сложностями в лечении больных и раненых, летние — с постоянными проблемами с питьевой водой и опасностью нападения вражеских войск.

Показателен в этом отношении зимний поход 1839–1840 гг. оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского на Хиву. Целью похода было возмездие за годы работорговли русскими и освобождение захваченных поданных Российской империи. Было решено, что зимой проще добывать питьевую воду из снега, но не была учтена необходимость топления этой воды. Итог экспедиции: потеряны десятки тысяч верблюдов, множество обморожений и смертей солдат от переохлаждения и болезней, растрата ресурсов. Экспедиция провалилась, и войска были вынуждены вернуться, так и не достигнув своей цели. М.А. Терентьев отмечает, что идея провести поход на Хиву в 1839 г. зимой была предложена фельдмаршалом А.У. Веллингто-

¹⁵⁹ Имеется в виду книга военного историка Иванова Николая Павловича: Хивинская экспедиция 1839–40 гг.: очерки и воспоминания очевидца: практические советы отъезжающим в степи / [соч.] Н.П. Иванова. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза». 1873.

¹⁶⁰ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 137.

ном, который пользовался в России значительным авторитетом после его победы при Ватерлоо. Вот, что пишет Терентьев по этому поводу: «На беду, у нас вздумали еще посоветоваться с русским фельдмаршалом, хотя и английским главнокомандующим, железным герцогом Веллингтоном, который тогда считался у нас первым военным авторитетом за победу над Наполеоном под Ватерлоо,.. Веллингтон в совете не отказал и высказался в пользу зимних походов через безводные степи, потому что вода будет всюду под ногами, в виде снега. Все это решило вопрос в пользу зимы»¹⁶¹. М.А. Терентьев, описывая недостатки зимнего похода, приводит следующие аргументы: «Забыли также про бураны, способные занести дорогу до невозможности движения, а поля до невозможности держать выючный скот на подножном корму. Забыли, что верблюды вообще плохо справляются с глубоким снегом и своею мягкою ступнею не может разгрести снег для отыскания осенней травы: забыли это и не взяли с собой корма для верблюдов. Забыли про то, что для добывания воды из снега нужен громадный запас дров, следовательно и множество лишних верблюдов, множество лишних погонщиков, которых тоже надобно кормить, а следовательно везти для них запасы на новых верблюдах и т.д. А главное, забыли то, что уж если предпочли зимнюю экспедицию, то ее надо предпринимать на хорошо выкормленных перед тем лошадях и верблюдах, а для этого надо собраться задолго до зимы в местности, ближайшей к безводной степи, а затем быстро пройти ее по первому снегу, когда нет еще ни особенных буранов, ни морозов»¹⁶².

Зимний поход 1839–1840 гг. обернулся полным провалом. Основные причины такого исхода заключались в ошибках стратегического планирования. Не были учтены особенности местности, были сделаны неверные выводы об оптимальных способах организовать поход (даже основное предполо-

¹⁶¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018. Т. 1. С. 152–153.

¹⁶² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 153.

жение о том, что зимой будет проще снабдить войска водой оказалось ложным), а также были проигнорированы погодные условия.

Тем не менее, далеко не все военные действия российских войск заканчивались так, как закончился зимний поход. М.А. Терентьев несколько раз в своем труде описывает военные действия, в которых русские несли минимальные потери, нанося врагу урон в сотнях и тысячах убитых и раненых. Вот как описывается бой около Узун-Агач в 1860 г.: «Дождавшись патронов, отряд пошел опять на Узун-Агач, куда и прибыл поздно ночью, сделав в течение дня 44 версты и выдержав еще 9-часовой бой. Потеря наша в этом деле состояла: из 1 убитого и 26 раненых, в том числе 1 обер-офицер...Потеря неприятеля неизвестна, но в одной пехоте считалось до 350 человек убитых...Лазутчики уверяли, что вся потеря убитыми и ранеными доходит до 1.500 человек, что весьма вероятно, так как в этом славном для нашего оружия деле, неприятель, сверх ожидания, оказал весьма упорное сопротивление...»¹⁶³.

План объединения Оренбургской и Сибирской линий фактически означал, что граница Российской империи в Средней Азии перестанет быть неопределенной: реализация этой идеи приводила к установлению стабильного порядка и контроля в регионе.

На ранних этапах покорения Средней Азии периодически вставал вопрос взаимодействия с вождями различных орд киргиз-кайсацких (казахских) жузов. Часто использовавшимся средством было приглашение ханов в Оренбург или Санкт-Петербург, вручение им ценных даров. В это время их убеждали дать присягу на верность России. Такой подход был популярен среди местных лидеров, однако не всегда оказывался эффективным. Видя возможность получить щедрые подарки, многие стремились воспользоваться этим предложением. Вот пример, описываемый М.А. Терентьевым: «Вообще подданство киргиз было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними, точно

¹⁶³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 281.

ради славы считаться владыкою киргиз! Ханов заманивали в подданство и удерживали в нем щедрыми подарками, а с 1750 г. и жалованьем»¹⁶⁴.

В совокупности с тем, что данное человеком слово не считалось в Средней Азии обязательством, те же местные ханы не прекращали осуществлять набеги после присяги. Что еще интереснее, эти же лица зачастую, через некоторое время, возвращались, просили прощения и вновь давали присягу, чтобы еще раз получить дары. По сути, имперские механизмы создания лояльности стали своеобразной кормушкой для местных лидеров, простым способом получения материальных благ, не изменяя своего стиля жизни. Некоторые заходили еще дальше и одновременно приносили присягу Российской империи и Китаю, получая каждые несколько лет подарки от обеих держав: «Сам Аблай попал в плен к калмыкам и отправлен в Пекин, куда для его выкупа отправился Абдул-Феиз... Вместо выкупа, оба султана приняли присягу на верноподданство богдыхану, обязавшись не делать более нападений на подвластных ему калмыков... Для меновой торговли им указан Чугучак, а султанам разрешено посылать в Пекин посольства за подарками через каждые 7 лет (у нас сроки были выгоднее: через каждые 3 года). Таким образом, Средняя орда, во второй половине XVIII века, стала в те же отношения к Китаю, как и к России, а пожалуй, даже и в лучшие»¹⁶⁵.

Любовь жителей Средней Азии к дарам описывается М.А. Терентьевым очень подробно. Подарки требовались в любой ситуации, особенно в сношениях с кочевыми вождями и ханами государств региона. Иногда возникали случаи, когда дары признавались недостаточными, это считалось проявлением неуважения, однако и слишком щедрые дары считались проявлением слабости: «Беспрестанные посольства от киргизских ханов, придиравшихся к каждому случаю, чтобы таким путем выудить несколько дорогих подарков, походили просто на вымогательство. Действительно, это приобрело, наконец,

¹⁶⁴ Там же. С. 87.

¹⁶⁵ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 112.

характер ежегодной дани, и правительство вынуждено было назначить двухлетний срок для приезда послов, чтобы не каждый год нести эту новую повинность! Неудовлетворительные подарки вели иногда за собою неприятные последствия, вроде набегов и баранты...»¹⁶⁶.

Эта ситуация дополнительно усугублялась двумя факторами. Первый из них — российские власти неверно идентифицировали наиболее влиятельных лидеров. Часто почетные титулы раздавались Россией произвольно, без учета мнений местных жителей. М.А. Терентьев отмечает в своем труде, что народы Средней Азии в подавляющем количестве случаев предпочитали механизмы местного самоуправления и хотели избирать своих лидеров из «черной кости», неаристократической прослойки народа. Вместо этого Санкт-Петербург и Оренбург одобряли выдвиженцев из «белой кости», которые не имели поддержки на местах, не считали нужным исполнять свои обязанности и часто были известными разбойниками и ворами, испортившими свою репутацию среди населения: «Забыл он, что хану Абдул-Хаиру прощалось нарушение присяги, когда он без церемонии сносился с джунгарами, нашими врагами; что ему прощались и нападения на наши линии. Забыл он, что в 1762 году мы смотрели сквозь пальцы на сношения хана Нурали с богдыханом и даже на принятие первым китайского подданства! Но то были ханы, а это простой батырь, представитель демократического начала. Правительству было предсказано, что дальнейшее развитие демократических начал в киргизском народе может поставить нас в затруднительное положение, что влияние старшин, принадлежавших к «черной кости», значительно прочнее влияния, какое имели султаны и ханы, представители «белой кости», что поэтому гораздо безопаснее управлять киргизами снова при помощи нелюбимых ими, но зато и не опасных нам султанов»¹⁶⁷.

Второй фактор — запутанность номенклатуры родов и образований кочевников. Так, в Российской империи не было систематизированного пред-

¹⁶⁶ Там же. С. 87.

¹⁶⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 101.

ставления о том, какие группы действуют в регионе, кому они подчиняются, каковы их кочевые территории и территории стоянок. Это приводило к тому, что часто от имени определенных родов и образований в сношения с Российской империей вступали третьи лица, которые хотели получить звания и подарки. Попытки разграничения территории Средней Азии между местными родами не совпадали с исторически сложившимися границами, что вызывало недовольство туземного населения Российской империей.

Также нельзя не отметить постоянно меняющуюся политику Российской империи по вопросу внедрения оседлого образа жизни народов Средней Азии. Наблюдалась постоянная смена действий, в ходе которых для среднеазиатских народов то интенсивно создавались условия для перехода на оседлый образ жизни и осуществлялись проекты по внедрению такого изменения, то, подобные действия затихали.

Тем не менее, невозможно игнорировать тот факт, что Россия прилагала усилия к тому, чтобы стабилизировать ситуацию в Средней Азии и в определенных аспектах улучшить жизнь народов региона. Российской империей создавались местные суды для решения споров о баранте и улаживания вражды между местными жителями. Предполагалось, что создание судебной системы позволит уменьшить количество нападений, часто являвшихся реакцией на неправомерные действия других лиц. Результат всех экспериментов по внедрению таких систем был одинаков. Эти суды расформировывались, так как ими никто не пользовался.

Вот что по этому вопросу говорил российский географ Д.Ч.Я. Ханыков: «Ташкентский Владелец употребляет неограниченную власть над жизнью и имением своих подданных; но он власть сию часто приводит в исполнение по совету с лучшими своими чиновниками, которые смотрят на склонность его мнения и согласуются. Суд происходит перед лицом его (Владельца) на словах, и нет никаких при том письменных производств. <...> Нет ни на какие

преступления законоположения; все зависит от произволения Владельца»¹⁶⁸. В таких условиях обоснование «цивилизаторской миссии» России выглядит вполне аргументированным.

Еще одним политическим фактором было вмешательство англичан в процесс присоединения Российской империей Средней Азии. В «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьев подробно останавливается на этой проблематике. Он отмечает, что английские агенты чаще всего выступали в роли миссионеров или торговцев. Часто они терпели неудачи в регионе, а со временем перестали играть важную роль, однако М.А. Терентьев приводит и примеры взаимопомощи русских и англичан, как в тех случаях, когда британцы пытались выкупить русских рабов в Хиве, или же когда русские предлагали англичанам убежище от агрессивного настроенного местного населения. Так, М.А. Терентьев описывает случай с английским агентом в регионе Абботом, который произошел в Хиве: «Аббот, например, как мы говорили, предложил даже выкуп за всех русских пленных и тесный союз с Англией, но с тем, чтобы на будущее время русские не под каким предлогом не допускались в хивинские владения. Хан любопытствовал однако же узнать об английской цене за пленных и потребовал от Аббота вверяющих грамот на ведение этого дела. Денег у Аббота на выкуп русских не оказалось, точно также и полномочия. А потому хан обошелся с Абботом, как с нахальным лгуном и зазнавшимся лакеем; в бешенстве он вытолкнул его от себя пинками ноги, а затем засадил в яму.

Тем смелее говорил Аитов¹⁶⁹: его собственная безопасность зависела от принятия ханом его доводов. По ходатайству Аитова хан выпустил Аббота из ямы, и тот немедленно выехал в мае месяце из Хивы через Ново-Александровское укрепление, откуда был отправлен в Петербург»¹⁷⁰. Что касается «коварных козней» англичан, которые, по распространенному мнению

¹⁶⁸ Ханыков Д. Ч. Я. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент, в 1800 году // Вестник императорского русского географического общества. 1851. Часть 1, книга 1. С. 30.

¹⁶⁹ Посол Российской империи в Хиве.

¹⁷⁰ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 202.

«гадили» России везде, где только можно, М.А. Терентьев более сдержан в своих оценках: «Столько уже говорено было на свете про это золото, про тайные подкупы министров и послов чужих государств англичанами, про дворцовые интриги, возбуждение чужих подданных против их государей, дворцовые перевороты, открытые бунты и тайные убийства, подготовляемые английским золотом, что в общем мнение это стало уже бесспорным. Но ведь и «русский рубль» наши заграничные недоброжелатели видят в каждом беспорядке на балканском полуострове и в Австрии. Не знают они, что и в Российской империи-то этот загадочный рубль надо было в то время искать днем с огнем!»¹⁷¹.

Что касается российских усилий в Средней Азии, то М.А. Терентьев отмечает низкую эффективность дипломатии. Как уже говорилось ранее, государства региона свободно относились к исполнению взятых на себя обязательств и считали использование дипломатических методов признаком слабости. Таким образом, Российская империя оказывалась в сложном положении: военные методы либо являлись неэффективными, либо слишком дорого обходились казне, а дипломатические методы были обречены на провал. Характерен пример посольства Никифорова и Аитова в Хиву, которое описывалось М.А. Терентьевым в книге «Россия и Англия в Средней Азии» как достойное подражания и показывающее всю силу Российской империи через своего посланника, свысока обращающегося с министрами и сановниками Хивы:

«Что касается до Аббота и Шекспира, то они спрятали британскую надменность в карман и были спасены нашими агентами Никифоровым и Аитовым; тем не менее они все таки едва добрались до Российской империи, полуживые от побоев и ран. Это не помешало Шекспиру уверять, что освобождение хивинским ханом 500 русских пленных произошло не оттого, что в Хиве прослышали о приготовлениях в Оренбурге к новому походу, а только благодаря настояниям его — Шекспира, благодаря его влиянию на хана и

¹⁷¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.2. М.: АИРО-XXI, 2018. С 470.

угрозам! — Английский Дон-Кихот свою яму, вероятно, считал дворцом, а позволение выехать вместе с русскими — вероятно за поручение доставить этих русских к месту назначения!

В параллель с гонениями на английских агентов мы выставим поведение капитана Никифорова в Хиве: офицер этот, во-первых, иначе не говорил с хивинскими вельможами, как тоном победителя — он не просил, не доказывал, не убеждал, а требовал, настаивал, затем, когда согласившись на какое-нибудь требование, вельможи эти являлись снова и начинали трактовать о поконченном уже вопросе — Никифоров, без дальних околичностей, приказывал конвойным казакам выпроводить надоедал в шею! Положим, это не совсем деликатный способ прекращать аудиенцию и вовсе не дипломатично — ибо Никифоров не достиг никакого соглашения — но в стране, где послов не уважают, послы и сами не обязаны уважать кого бы то ни было, если не боятся... а что касается неудачи переговоров, то последствия показали, что самые угодливые, самые «приятные во всех отношениях» послы наши не могли добыть ничего, кроме клочка бумаги, который еще ни разу не считался ханами для них обязательным! Довольно припомнить забавную историю с договором, так успешно заключенным с Хивою подполковником Данилевским.

Если же признать, что договоры с азиатскими деспотами ничего не стоят, то вопрос о том, какой способ обращения наших послов следует признать за более подходящий — вопрос этот надобно предоставить личному вкусу каждого.

Пусть теперь читатель выводит из этого: чье влияние было больше: Шекспира ли, сидевшего на хлебе и воде в грязной и вонючей яме — или Никифорова, расправлявшегося с хивинскими сановниками как с лакеями?

Итак, происки англичан против Российской империи не увенчались успехом. Гибель английских агентов показала, что авторитет Англии не силен, а вмешательство в дела Афганистана покрыло английскую армию позором... Чтобы восстановить честь своего оружия, англичане предприняли в

1842 г. новую экспедицию в Кабул, который и был разграблен. На этот раз, однако же, англичане не засиживались, а поспешили восвояси»¹⁷².

В «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьев смещает акценты и оценки: «Выбор агента ничего не оставлял желать в смысле решительности... Неудачи и оскорбления, испытанные по службе, сильно действовавшие на его болезненную натуру, развили в характере его желчность и особого рода раздражительность, доходящую иногда до иступления. К этому надо прибавить еще неумеренность в употреблении спиртных напитков — тогда личность русского агента будет очерчена с достаточною для дальнейшего изложения подробностью... Нельзя не сознаться, что далеко не дипломатическая бесцеремонность нашего агента мало способствовала выполнению заданной ему программы...»¹⁷³. Все это обусловило провал дипломатической миссии, с которой, в конце концов, «никто уже не хотел входить в сношения... Возложенную на него начальством задачу Никифоров не выполнил»¹⁷⁴.

Другой важной особенностью среднеазиатской политики Российской империи была политика религиозной терпимости. В целом она оказывала положительное воздействие, так как многие народы Средней Азии исповедовали ислам, а некоторые, такие как киргизы, не исповедовали, по мнению М.А. Терентьева, никакой религии. Тем не менее, эта политика обладала двумя недостатками. Во-первых, часто политика терпимости переходила в политику активного содействия распространению религии, например печатание и распространение Корана, строительство мечетей, которые М.А. Терентьев оценивал как избыточные. Во-вторых, в странах региона часто слышались призывы объединить усилия мусульман против иноверцев в «священной войне» с неверными. Лозунгами джихада и газавата пытались склонить среднеазиатских мусульман, присягнувших Российской

¹⁷² Терентьев М.А. Россия Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. / Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/362293> [дата доступа: 04.05.2021].

¹⁷³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 207.

¹⁷⁴ Там же. С. 216.

империи, к измене, ими же объяснялась необходимость международных союзов против православной России. Тем не менее, нельзя не отметить, что эти усилия враждебных России сил в регионе, по сведениям М.А. Терентьева, крайне редко приносили плоды. Можно предположить, что местное мусульманское население видело: Российская империя не притесняет местную веру и тех, кто ее исповедует, это не давало поводов для радикализации и возникновения конфликтов на религиозной почве.

Таким образом, подводя предварительные итоги, можно утверждать следующее. По мнению М.А. Терентьева, при взаимодействии с кочевыми культурами наиболее сильными сторонами политики Российской империи была веротерпимость, создание линий из укреплений для обеспечения безопасности на обширных кочевых территориях. Слабыми сторонами были коррупция, крайний недостаток знаний о местном населении, ландшафте, климате, культуре, социально-политическом строе, экономике, нецелевое расходование средств, неудачные назначения, провал дипломатических усилий. Эффективными представлялись М.А. Терентьеву продолжение политики веротерпимости, как можно более быстрое возведение укреплений и захват территории, строгая отчетность в расходовании средств, и, самое главное, предварительный сбор подробных сведений о географических и культурно-социально-политических особенностях региона, об экономике и быте местных жителей, об их языках. В этом случае Российская империя могла бы избежать большого количества смертей и расходования ресурсов.

Знакомство с работами М.А. Терентьева показывает, что он значительно опередил свое время. Его глобальный взгляд на, с первого взгляда, локальные проблемы, его понимание важности механизмов непрямого воздействия, его внимание к быту и культуре населения Средней Азии позволяют говорить о том, что современная репутация его трудов как основных, фундаментальных источников информации среди исследователей Средней Азии полностью заслужена.

Что касается национально-территориальной специфики Средней Азии, то она, как считал Терентьев, сводилась к следующему: националь-

ная специфика Средней Азии это, во-первых, кочевой образ жизни местных народов; во-вторых, сложные взаимоотношения между различными кланами, народами и государствами в регионе; в-третьих, сложности в поддержании дипломатических отношений в связи с невыполнением договоров; в-четвертых, практика «баранта», затрудняющая установление правопорядка в регионе; работорговля в отдельных регионах (в основном в Хиве). Территориальная специфика заключалась в обширных степных территориях, которые было трудно контролировать. Эти особенности национально-территориальной политики имели ряд реальных политических следствий. Недостаточное изучение культурных особенностей на момент присоединения Средней Азии привело к тому, что российские усилия по интеграции региона оказывались малоэффективными. Российское руководство ошибочно присваивало титулы низкоавторитетным и ненадежным местным лидерам, российская дипломатия не функционировала в связи с ненадежностью местных властей в регионе, противодействие набегам и установление правопорядка затруднялось логистическими сложностями. Именно по этой причине конечной целью российской политики в регионе со временем стал проект объединения линий укреплений.

Национально-территориальная специфика Средней Азии как объекта политики Российской империи, по мнению М.А. Терентьева, заключалась в следующем: взаимодействие происходило между Российской империей и ненадежными местными политическими элитами, которые считали взятые на себя в рамках договоров и присяг обязательства ничтожными и не требующими исполнения. Сложившаяся система эксплуатировалась правителями Средней Азии для получения материальных благ от Российской империи без выгоды для нее. В этих условиях М.А. Терентьев считал наиболее эффективным методом стабилизации ситуации в регионе увеличение постоянного контингента военных и создание логистической инфраструктуры между точками концентрации военного присутствия.

Рассмотрев национально-территориальную специфику, необходимо для полного понимания контекста изучить и культурную специфику, которую также затрагивал в своих трудах М.А. Терентьев. Кроме национально-территориальной специфики региона, важную роль играют культурные аспекты. Культурная специфика подразумевает совокупность культурных аспектов быта и традиций в контексте их отличий от другой культуры. М.А. Терентьев полагал, что культурная политика России в регионе сыграла важную роль в процессе интеграции региона.

§2. Особенности культурной политики Российской империи в Средней Азии¹⁷⁵

Современный термин «культурная политика» обозначает направление политики, призванное обеспечить культурную жизнь государства и общества. Хотя сам термин возник относительно недавно, в 1967 г. в ЮНЕСКО¹⁷⁶, деятельность по продвижению культурной политики не являлась политическим новшеством. Российская империя в процессе консолидации присоединенных территорий сталкивалась с необходимостью интеграции новых культур. Важнейшим путем осуществления этой политики была русификация.

В рассматриваемый М.А. Терентьевым период в России сложилось два представления о русификации окраин. Первое представление основывалось на попытках осуществить русификацию через религию, то есть, путем строительства церквей и обращения местного населения в православие. В основе второго подхода лежало строительство школ и обучение местного населения

¹⁷⁵ При написании параграфа использованы следующие статьи автора: *Тальская, О. Д.* Идеологическое обоснование имперской политики России в трудах М.А. Терентьева // SCHOLA-2021: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 228–232, *Тальская О.Д.* Патриотическое воспитание в Российской империи во второй половине XIX века в трудах членов генерального штаба: историко-политологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2022. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>, *Тальская О.Д.* Феномен национально-территориального размежевания республик Средней Азии: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. №6. С. 42–49.

¹⁷⁶ *Лавринова Н.Н.* Культурная политика // Аналитика культурологии. 2010, № 17. С. 278.

русскому языку. М.А. Терентьев был сторонником второго подхода, рассматривая русский язык главным средством коммуникации и инструментом консолидации центра и окраин¹⁷⁷.

М.А. Терентьев считал продвижение русского языка эффективным механизмом оказания культурного воздействия, итогом которого является получение необходимых политических и экономических результатов от коренного населения, освоившего язык империи. М.А. Терентьев также осознавал необходимость поддержки российских войск за рубежом, в связи с чем работал над словарями, «толмачами» и другими изданиями, призванными упростить взаимодействие с местными жителями.

Нужно сказать, что такая позиция неразрывно связана с его деятельностью по изучению и, позднее, продвижению языков. Известно, что в 1864–1866 гг. М.А. Терентьев изучал арабский и турецкий языки при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Однако биография М.А. Терентьева и список опубликованных им работ показывают, что и вне Азиатского департамента он также продолжал осваивать иностранные языки. Главное доказательство этого — ряд изданных им работ лингвистически-лингводидактического характера, которые не ограничиваются русским, арабским и турецким языками:

- «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом»¹⁷⁸ – 1867 г. издания;
- «Русская азбука для школ в Средней Азии»¹⁷⁹ – 1875 г. издания;

¹⁷⁷ Такая точка зрения близка к современной. Так, в научной литературе русский язык рассматривается в качестве инструмента консолидации общества и укрепления государства (См., напр.: *Небренчин С.М., Небренчин А.С. Роль русского языка в консолидации общества и укреплении государства: история и современность // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Ответственный редактор В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 169).*

¹⁷⁸ *Терентьев М.А. Толмач спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом. СПб.: В. Головин, 1867.*

¹⁷⁹ *Терентьев М.А. Русская азбука для школ в Средней Азии. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875.*

- «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке»¹⁸⁰ – 1875 г. издания;
- «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»¹⁸¹ – 1875 г. издания;
- «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская»¹⁸² – 1876 г. издания;
- «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)»¹⁸³ – 1877 г. издания;
- «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики»¹⁸⁴ – 1912 г. издания, посмертно.

Их общая черта — направленность на обучение иностранным языкам. «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом» 1867 г. издания, «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)» 1877 г. издания и «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики», изданный посмертно в 1912 г. являются словарями. В случае с первой книгой, М.А. Терентьев использует игру слов в названии. «Толмач» — название должности устного переводчика, ответственного за перевод во время переговоров. Называть словарь «толмачом» было одним из проявлений тяги М.А. Терентьева к иноязычию. Давая своей первой работе такое название, он намекал на то, что его книга способна заменить собой специалиста-переводчика. Все три названных труда являются словарями и предназначены для использования их читателем самостоятельно в процессе практической коммуникативной деятельности.

¹⁸⁰ Терентьев М.А. Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875.

¹⁸¹ Терентьев М.А. Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875.

¹⁸² Терентьев М.А. Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1876.

¹⁸³ Терентьев М.А. Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский). СПб.: Военно-учебный комитет Генерального штаба, 1877.

¹⁸⁴ Терентьев М.А. Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавк., 1912.

Два труда, а именно – «Русская азбука для школ в Средней Азии» и «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке», изданные в 1875 г., предназначены для обучения русскому языку в школах Средней Азии. Эти труды были изданы в одно время, что подталкивает к мысли о том, что они должны были использоваться в тандеме. «Русская азбука...» предназначалась для детей, обучающихся в школах, «Руководство...» было составлено для учителей. Эти издания содействовали достижению двух важных политических стратегических целей в Средней Азии — продвижению оседлости, о чем говорит в своих работах М.А. Терентьев, а также распространению русского языка среди местного населения. Действительно, прямое влияние на детей и молодежь регионов путем обучения русскому языку позволяет осуществить культурное замещение в процессе смены поколений. Через русский язык жители Средней Азии не только могли быть интегрированы в структуру Российской империи, но и воспринимали культурные и этические ценности Российской империи, становились носителями ее культурного кода.

Остальные работы М.А. Терентьева по языкознанию — это грамматики и хрестоматии, т.е. непосредственно лингвистические труды. К ним относятся «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская» 1875 г. издания и «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская» 1876 г. издания. Обе книги связаны логически и по параметру изучаемых языков. Их цель — полноценное обучение турецкому, персидскому, киргизскому и узбекскому языкам. Для каждого языка даются азбуки, русская транскрипция, грамматические правила, информация о местоимениях, союзах, глаголах, информация о правилах составления предложений с учетом особенностей каждого из языков. «Хрестоматия...» и «Грамматика...» довольно подробны и позволяют изучающему язык как освоить его самостоятельно, так и с помощью преподавателя.

Очень важным для понимания специфики политики Российской империи в Средней Азии является перечень языков, которым М.А. Терентьев уде-

лял внимание. Этот перечень показывает, насколько важным он видел использование того или иного из них в процессе реализации этой политики (табл. 1):

Таблица 1. Анализ распределения языков по лингвистическим работам М.А. Терентьева

Язык	Количество работ	Список работ
Русский	5	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом»; 2. «Русская азбука для школ в Средней Азии»; 3. «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке»; 4. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)»; 5. «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики».
Турецкий	5	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом»; 2. «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»; 3. «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская»; 4. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)»; 5. «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики».
Персидский	2	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»; 2. «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская».
Киргизский	2	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»; 2. «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская».
Узбекский	2	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Граматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»; 2. «Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская».
Румынский	1	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)».

Язык	Количество работ	Список работ
Болгарский	1	1. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)».
Сербский	1	1. «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом».
Греческий	1	1. «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом».

Таблица показывает, что труды М.А. Терентьева, посвященные иностранным языкам и процессу их обучения, охватывают 9 языков. Из них 4: румынский, болгарский, сербский и греческий – встречаются по одному разу в рамках двух отдельных работ. Три языка: персидский, киргизский и узбекский — встречаются дважды в двух связанных друг с другом работах. Наконец, последние два языка: русский и турецкий – встречаются пять раз.

Эти цифры важны в контексте жизни и работы М.А. Терентьева, и каждая из трех категорий (1-2-5) может быть проинтерпретирована. Русский язык так часто встречается в работах М.А. Терентьева по трем причинам. Первая из них самоочевидна: русский язык был для автора родным. Вторая связана с его стремлением обеспечить русских военных лингвистической поддержкой в процессе их взаимодействия с местным населением и военнопленными. Это косвенно подтверждается тем, что в названии двух работ из этой подкатегории эксплицитно упоминается военная деятельность: в случае «Толмача...» – «...спутник русских **воинов...**» так же, как и в случае «**Военного** переводчика...». Наконец, третья причина — упомянутая ранее деятельность по продвижению русского языка в Средней Азии на уровне пособий для учеников и руководств для учителей, что в совокупности создает лингвистический методический комплекс для реализации программы продвижения русского языка на территориях, на которые оказывается культурное воздействие с целью интеграции в империю. Таким образом, М.А. Терентьев подчеркивает принципиальную важность использования языка в процессе интеграции Средней Азии.

Через его деятельность идейно обосновывается стремление империи к интеграции территорий и привнесению европейской культуры, в том числе посредством обучения русскому языку населения.

Турецкий язык рассматривается с той же частотой, что и русский. Это можно объяснить двумя причинами: началом военной карьеры М.А. Терентьева и началом его литературной карьеры. Первый опыт военной службы М.А. Терентьева получил в Крыму. Хотя в Крымской войне в 1856 г. активность ведения боевых действий резко спала, напряженные отношения с Турцией сохранялись и после окончания этой войны. «Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский)» вышел в свет в 1877 г. Труд оказался своевременным. Приближалась новая русско-турецкая война, и книга М.А. Терентьева была незамедлительно отправлена в войска. Таким образом, первая причина внимания М.А. Терентьева к турецкому языку была связана с военной деятельностью Российской империи. Вторая причина заключается в том, что М.А. Терентьев изучал турецкий язык при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и турецкий язык фигурировал в его первой лингвистической книге «Толмач – спутник русских воинов для неизбежных расспросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом» (1867). Можно предположить, что изучение турецкого в начале карьеры в совокупности с тем, что первая работа М.А. Терентьева была посвящена турецкому языку, повлияло на количество работ, посвященных турецкому языку.

Не меньший интерес представляет вторая группа работ по персидскому, киргизскому и узбекскому (по два труда на каждый язык) языкам. Все три языка, так или иначе, были связаны с усилиями Российской империи по закреплению в среднеазиатском регионе, и знание этих языков было необходимо для военных и чиновников в регионе. Все три языка рассматриваются в двух работах, которые были опубликованы с разницей в год.

Наконец, третья группа языков включает румынский, болгарский, сербский и греческий. Каждый из этих языков освещался только в одном произведении. Сербский и греческий рассматривались в первой лингвисти-

ческой работе М.А. Терентьева, что может быть связано с тем, что в начале своей карьеры автор еще не определился со своими лингвистическими интересами. Румынский и болгарский были рассмотрены в предпоследней лингвистической работе М.А. Терентьева. В данной категории работ наблюдаются три общие черты. Все труды в своем названии связаны с военной деятельностью, все труды носят характер словарей, и все труды рассматривают лингвистические пары русский-турецкий, к которым добавлено два дополнительных языка. Интерес представляет то, по какому признаку были сгруппированы четыре языка этой группы. Словари создавались для лингвистического обеспечения военных действий против Турции, в сфере влияния которой находились и греки, и болгары, и сербы, и румыны. При этом возникает вопрос о том, где и при каких обстоятельствах М.А. Терентьев изучил эти языки? Сам он не упоминает помощников-соавторов и не дает никаких сведений о том, что обучился этим языкам.

М.А. Терентьев относился к своим лингвистическим работам как к важному и необходимому для страны цивилизаторскому труду. В предисловии к «Грамматике турецкой, персидской, киргизской и узбекской» он прямо указывает: «Российская империя заключает в себе до 8 миллионов людей, говорящих наречиями тюркского и персидского корня.

Большую часть своих границ Российская империя прикасается к странам, где господствуют восточные языки.

Миссия, возложенная на Россию историей, заключается в насаждении западной цивилизации между народами Востока»¹⁸⁵.

Здесь М.А. Терентьев демонстрирует свою веру в историческую миссию Российской империи, как объединяющей и цивилизующей силы для разных восточных народов и культур.

Далее М.А. Терентьев высказывает ряд интересных мыслей: «Все это казалось бы должно было поставить восточные языки на степень необходи-

¹⁸⁵ *Терентьев М.А.* Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 1.

мых в числе предметов, преподаваемых в наших школах, а между тем это не так. Мало того, школы, в которых преподавались еще восточные языки, закрываются одна за другой.

Говорят обыкновенно, что причина тому — недостаток хороших учителей. Это неверно: будет спрос — будет и предложение. Если учителям назначать хорошее содержание — учителя найдутся. — Виноват здесь взгляд, разделяемый, к сожалению, весьма многими.

— На что нам восточные языки, говорят они, мы и без них справимся с соседями, а в случае нужды Министерство иностранных дел даст нам сколько угодно переводчиков.

В том и беда, что не «сколько угодно», а *сколько есть*. Есть же весьма мало — так мало, что наши заграничные миссии сами вынуждены прибегать к помощи разных туземных толмачей, а уж хуже этого трудно что-нибудь придумать»¹⁸⁶.

Здесь М.А. Терентьев отмечает, что географическая близость Российской империи к странам, говорящим на восточных языках, подразумевает необходимость преподавания этих языков в школах, и указывает ряд причин того, почему этого не происходило. Причины, по М.А. Терентьеву, связаны, во-первых, с тем, что не было достаточного количества высококвалифицированных преподавателей, и, во-вторых, с мнением о том, что Министерство иностранных дел способно обеспечить государство необходимым числом переводчиков. М.А. Терентьев в корне не соглашается с таким мнением, отмечая, ограниченность количества переводчиков, что заставляет прибегать к услугам местных жителей, о чем отзываясь крайне негативно. Кроме того, он подчеркивает необходимость вложения средств в преподавание восточных языков, в первую очередь — достойно оплачивать труд преподавателей языков. Недостаток финансирования — очевидная причина отсутствия хороших преподавателей языков. Эти слова подчеркивают тезис о том, что

¹⁸⁶ Терентьев М.А. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 1.

М.А. Терентьев считал лингвистическое обеспечение важным условием успешности военных действий и самодостаточности Российской империи.

Язык влиял также и на формирование идентичности населения и его лояльности к власти. «Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а шрифт и алфавит представляют собой весьма многозначный символ, который нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности», отмечает А.И. Миллер¹⁸⁷. Для империй это характерно в первую очередь, так как именно в империи отношение центр-периферия строятся по принципу вмешательства центра в языковую и культурную среду провинции. Регулирование национальной политики посредством внедрения «чужого» языка было неотъемлемой частью в проведении реформ практически во всех окраинах Российской империи.

Различные формы регламентации языковой политики проводились в отношении каждой окраины, но в отдельных регионах они отвечали разным задачам. Это зависело от политизированности местного населения, его уровня национальной самоидентификации. «Более или менее жесткие ограничения сферы применения языка в администрации, образовании, печати, публичной сфере касались в разное время, особенно во второй половине XIX века, всех языков, распространенных на западных окраинах империи, включая не только Царство Польское и Западный край, но и Остзейские губернии. Однако важно различать ситуации, когда ограничения налагались на прежде доминировавшие в определенном регионе языки, то есть польский и немецкий, и когда ограничения применялись в отношении языков, не имевших статуса вполне «развитых» и еще переживавших в XIX веке процесс эмансипации, то есть литовский, латышский, украинский, идиш»¹⁸⁸. Таким образом, можно заметить, что разница в проводимой языковой политике для западных

¹⁸⁷ Миллер А.И. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. - XX в. М.: ИВИ РАН. 2004. С. 142.

¹⁸⁸ Цит. по: Миллер А.И. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. - XX в. М.: ИВИ РАН. 2004. С. 144.

губерний, где русский язык некогда не был в столь широком употреблении, и для Средней Азии, где он был необходимым средством коммуникации с местным населением, а также источником знаний, была оправдана.

Далее М.А. Терентьев описывает историю создания «Грамматики турецкой, персидской, киргизской и узбекской»: «Относясь к делу совершенно иначе и желая изучить восточные языки — я, с разрешения господина военного министра, поступил в 1864 году вольнослушателем в учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Ознакомившись с «учебниками», по большей части иностранными, я испытал на самом себе все их неудобства, изведая на деле как мало облегчают они труд начинающего и как много работы взваливают на его плечи. Это подало мне мысль составить самому такой учебник, который удовлетворял бы всем требованиям науки и в то же время давал учащемуся возможность обойтись, в случае нужды, без учителя.

Предлагаемый труд начат мною еще в 1865 году и составлялся постепенно, по мере накопления материала, то есть по мере того, как росли мои собственные познания»¹⁸⁹.

Таким образом, в основе труда М.А. Терентьева лежало его собственная неудовлетворенность существовавшими в то время учебниками, использовавшимися Азиатском департаментом Министерства иностранных дел. Труд этот растянулся на десять лет. «Грамматика...» позволяла читателю самостоятельно обучаться языку. Здесь же, в предисловии к «Грамматике...», М.А. Терентьев объясняет, почему в ней рассматриваются именно турецкий, персидский, киргизский и узбекский языки: «За несколько времени до назначения своего на службу в Туркестанский округ, я занялся изучением киргизского наречия — практически от одного казака лейб-гвардии уральского казачьего дивизиона. Грамматики этого наречия еще не было, и я тотчас занялся ее составлением, подмечая законы языка в тех фразах и диалогах, какие

¹⁸⁹ *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 2.

были мною написаны под руководством казака. — Немало я нашел в «Материалах» нашего известного знатока татарских наречий господина Ильминского¹⁹⁰.

Служба в Туркестане дала мне возможность ознакомиться еще с одним наречием: с джагатайским или, узбекским, как я его называю. Результатом этого знакомства явилась также грамматика.

Таким образом, предлагаемый труд заключает в себе четыре грамматики: турецкую, персидскую, киргизскую и узбекскую»¹⁹¹.

Турецкий и персидский языки М.А. Терентьев изучал в учебном отделе восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, киргизский язык освоил изучал под руководством носителя-казаха, а узбекский – во время службы в Туркестане. Далее, автор отмечает, какие труды повлияли на составление этого труда: «Работая над своей книгой, я пользовался советами каждого ориенталиста, с которым только имел случай познакомиться. Если моя книга имеет какие-нибудь достоинства, то этим она обязана: барону де-Мезону, Мирзе Джафару Ропчибашеву, господину Будагову, Мирзе Казем-Беку Абединову, Мирзе Шафи Гаштабсу, Осману Эфенди, полковнику Султану Джангиз Букееву и господину Ибрагимову.

Считаю своим долгом выразить им искреннюю признательность за участие, с каким отнеслись они к моему труду.

¹⁹⁰ Речь идет о русском востоковеде и православном миссионере Ильминском Николае Ивановиче (1822-1891), авторе специальной просветительной системы, использовавшейся в школьном образовании нерусских народов Востока России, которая предполагала, что, «Во-первых, обучение инородцев должно происходить на их родном языке, и притом на языке народном (в противоположность книжному или попытке создать таковой язык); во-вторых, учитель непременно должен быть соплеменником своих учеников, то есть инородцем же» (См.: *Зеленин Д. К.* Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти 27.XII.1901 г.) // *Русская школа.* СПб., 1902. № 2. С. 178). Под «Материалами...» М.А. Терентьев, скорее всего, имеет в виду «Материалы для джагатайского склонения. Из Бабер-намэ» (1863), основанные на изданной в 1857 г. Ильминским «Бабер-намэ, или Записки султана Бабера» — автобиографии узбекского писателя, государственного деятеля, полководца, основателя династии Великих Моголов в Индии Захиреддина Мухаммеда Бабура (1483–1530).

¹⁹¹ *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 2–3.

Свидетельствую также свою глубокую благодарность туркестанскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту фон-Кауфману 1-му, просвещенному содействию которого я обязан появлением моего труда в печать»¹⁹².

Список лиц, которым благодарен М.А. Терентьев, включает большое число востоковедов, и показывает, насколько серьезно и основательно он относился к составлению своих трудов. Особого внимания заслуживает благодарность туркестанскому генерал-губернатору. Некоторые исследователи считают, что между М.А. Терентьевым и генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом мог возникнуть конфликт, свидетельством чему якобы было то, что М.А. Терентьев был неожиданно отозван в Петербург накануне военного похода, в планировании которого он принимал непосредственное участие. Эти события произошли в 1873 г., а «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская» были опубликованы в 1875 г. Предисловие же датируется 1874 г. Слова в предисловии свидетельствуют о том, что конфликта между М.А. Терентьевым и К.П. фон Кауфманом не было.

В другой части предисловия М.А. Терентьев описывает то, что считает наиболее важными характеристиками грамматики иностранного языка (в значении учебника-самоучителя): «Скажу теперь несколько слов о системе, которой я держался.

Главные достоинства всякой грамматики должны состоять в удобопонятности, в точности правил и наконец в краткости, соединенной с возможной полнотой. В особенности трудно удовлетворить последнему условию, состоящему из двух противоположных требований — я разумею здесь известную сжатость изложения, которая бы однако нисколько не исключала необходимую ясность и не обошла бы каких-нибудь особенностей языка.

Что касается удобопонятности, то иностранные руководства сильно хромают в этом отношении: они не всегда прибегают к транскрипции, не дают подстрочного перевода и, по свойствам латинского алфавита, прибегают к

¹⁹² Там же. С. 3.

сочинению новых букв. Все это не только лишает учащегося возможности ознакомиться с языком без помощи учителя, но даже и научиться читать.

Как изобразить, например, латинскими буквами слова: *кыл, ахыр, бала* и т.п.? Звук *ы* французскому не известен и не дается, *х* и *к* для него безразличны, твердого *л* как в словах: *была, лоб* и т.п. — он и представить себе не может — все затем, что придется выдумывать новые буквы, но ясно также, что это несколько не поможет делу, так как все равно ни один иностранец их не выговаривает *с глаза* и должен ждать, пока *услышит* их произношение, т.е. должен обратиться к учителю.

Поэтому и грамматики, составленные иностранцами, рассчитаны на пособие учителя и для самообучения не годятся»¹⁹³.

Отмечая необходимость для учебников точности разъяснения правил и емкости изложения, критикуя существовавшие в то время иностранные учебники восточных языков, М.А. Терентьев отмечает отсутствие транскрипций, подстрочного перевода и создание «новых букв», под которым очевидно подразумевает неудачные попытки транскрипции восточных языков в языках, использующих латиницу. А без транскрипции и подстрочного перевода становится невозможным автодидактический подход. Иными словами, обучающийся не может освоить язык сам, без помощи учителя. Что касается «создания новых букв», то М.А. Терентьев заметил схожесть фонетического аппарата восточных языков и языков, использующих кириллицу, и пришел к выводу о том, что авторы иностранных (т.е. западных) учебников вынуждены прибегать к искусственным конструкциям в попытках скомпенсировать отсутствие эквивалентности между звуками и буквами.

М.А. Терентьев отмечает, что подход, в котором используется только транскрипция, может быть полезен с практической точки зрения, но не позволяет освоить язык: «Грамматика Сенковского была написана в 1828 году для офицеров, желавших ознакомиться с турецким языком по случаю то-

¹⁹³ Терентьев М.А. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 3–4.

гдашней войны. Ввиду этого, Сенковский все слова писал только русскими буквами (транскрипцией). Понятно, что такая грамматика могла быть полезна только для поверхностного ознакомления с *устною* речью, а собственно турецкой *грамоты*, т.е. читать и писать — научиться по Сенковскому было невозможно.

Руководство профессора Мирзы Казем-Бека составлено было в 1854 году для офицеров Военной Академии, где тогда были открыты курсы турецкого языка. Руководство это стоит во многих отношениях выше подобных же иностранных, но и оно страдает теми же недостатками, т.е. отсутствием систематической транскрипции и подстрочного буквального перевода.

Само появление на свет руководства Сенковского и Казем-Бека служит доказательством, что наше военное общество каждый раз при начале войны сознавало настоятельную необходимость хоть какой-нибудь предварительной подготовки»¹⁹⁴.

Далее М.А. Терентьев переходит к описанию собственного, авторского подхода к обучению иностранным языкам. Приведем этот фрагмент полностью: «Так как учителя восточных языков не везде можно встретить, а со времени водворения нашего в Среднюю Азию потребность в общедоступном руководстве делается все ощутительнее, то в предлагаемом труде я принял следующую систему:

- I. Не давать ни одного слова без транскрипции,
- II. Каждую фразу переводить прежде всего буквально или подстрочно по методу Робертсона¹⁹⁵, а затем если окажется, что смысл недостаточно ясен, то давать и окончательный перевод,

¹⁹⁴ Терентьев М.А. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 4.

¹⁹⁵ Робертсон Теодор (1803–1871) — автор учебников, предложивший оригинальную систему обучения языкам, предполагающую овладение правильным произношением с помощью транскрипции, выучивание в кратчайшие сроки как можно больше слов, практическое знание кратких грамматических правил, а также чтение на изучаемом языке какого-нибудь занимательного рассказа, не утомляющего бесполезным копаньем в словаре.

III. Приложить в конце каждой грамматики небольшую хрестоматию, состоящую из молитвы Господней, нескольких десятков пословиц и семи-восьми анекдотов.

Транскрипция служит учащемуся для проверки — так ли он читает — и потому заменяет ему учителя.

Подстрочный перевод помогает анализу фразы, показывает весьма наглядно все изменения, каким подверглось каждое данное слово и, наконец, приучает мало-помалу к оборотам изучаемого языка. Учащийся при этом скоро подметит — как надо коверкать русскую речь, перетасовывать все части предложения, чтобы придать фразе, например, турецкий оборот. Перевод затем уже не труден.

Из числа упражнений я отдаю предпочтение пословицам, которые вообще легко запоминаются, по своей краткости, меткости выражений, игривости содержания, а иногда и рифмы. Заучив пословицы — заучишь и множество слов. Наконец, если и не принято пересыпать свою речь пословицами а ля Санхо-Панса¹⁹⁶, тем не менее сказать одну или две не повредит, а иногда и выручит, ибо встречаются случаи, когда мысли и невозможно выразить короче, яснее и понятнее как пословицей. Пользу знания пословиц я сам испытал на деле: жители Востока щеголяют этим и ничто их так не радует, как их пословица в устах чужеземца.

В анекдотах только некоторые, незнакомые слова приведены с транскрипцией и переводом — остальные предполагаются известными из грамматики. Прежде чем дойти до упражнений, учащийся, конечно, должен пройти всю грамматику и знать ее твердо. При таком условии перевод ему будут нипочем, а затем — немного практики — и ученик превзойдет учителя!»¹⁹⁷

¹⁹⁶ Имеется в виду персонаж романа Мигеля Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», Санчо-Пансо, который выступает в роли оруженосца Дон Кихота и дает комментарии на протяжении всего романа, известные как *sanchismos*, которые представляют собой сочетание юмора и ироничных испанских пословиц.

¹⁹⁷ *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 5–6.

Здесь М.А. Терентьев предлагает собственную систему обучения иностранному языку. Основа его метода — независимость от учителя. Обучающийся должен быть способен на основе грамматики самостоятельно овладеть иностранным языком. Для достижения этой цели все слова должны сопровождаться транскрипцией, содержать подстрочный и обычный перевод. Грамматика должна быть дополнена хрестоматией, которая необходима для того, чтобы обогатить словарный запас, дать обучающемуся набор поговорок, а также для того, чтобы проверить полученные навыки перевода. Также М.А. Терентьев упоминает включение упражнений в конец хрестоматии. Автор заканчивает предисловие следующими словами: «Ни один учитель не боится победы над собой — он ее желает. — Побеждайте меня, господа, скажет он, — в вашей победе моя слава!»¹⁹⁸.

М.А. Терентьев рассматривал знание языка народов, живущих на территории противника, как важный аспект успешного ведения военных действий, глубоко анализировал методику преподавания языков и предложил свою, и, наконец, внедрил обучение русскому языку на территории Средней Азии, тем самым воздействуя на культуру региона. В этом аспекте он вновь демонстрирует практическую направленность своего мышления. М.А. Терентьев не только описывает существующую проблему, но и предлагает конкретные способы ее решения, вновь демонстрируя свою активную позицию в вопросах продвижения политики Российской империи, в том числе в Средней Азии.

Это суждение может быть подкреплено некоторыми отрывками из «Истории завоевания Средней Азии». М.А. Терентьев достаточно позитивно пишет о взаимодействии Российской империи с равными по уровню развития странами, а именно с Британской империей.

Скептическое отношение М.А. Терентьева к жителям Средней Азии становится понятным и легко объяснимым в контексте его опыта в регионе. По-

¹⁹⁸ *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография императорской академии наук, 1875. С. 6.

стоянные «баранта», любовь местных к щедрым дарам, несоблюдение договоров, восприятие дипломатического подхода как слабости, отдельные случаи религиозного фанатизма, работоторговля, пытки — в своей совокупности могут объяснить, почему М.А. Терентьев видел в цивилизованной Российской империи идеал добра и справедливости, выполняющий высшую миссию по внедрению западной цивилизации в Азии. Совсем по-другому М.А. Терентьев пишет о взаимодействии с Британской империей. Неоднократно и последовательно он заявляет о важности и эффективности использования прессы и книг для прямого воздействия на общественное мнение жителей нации такого уровня развития. По своей сути, М.А. Терентьев предвосхищает современные методы непрямого культурного воздействия с целью влияния на политику через народ. Это подтверждается словами в заключительной части «Истории завоевания Средней Азии»: «Нельзя отрицать, что на поворот в нашу пользу, особенно в высшем обществе, имела немало влияния и наша умная соотечественница Ольга Алексеевна Новикова, принадлежащая к славянофильской семье Киреевых... Овдовев, она поселилась в Лондоне, и, не попуская ни одной клеветы, ни одной лжи по отношению к Российской империи в английской печати без доказательного, а главное хлесткого ответа, она завоевала себе видное положение в английском обществе...

Статьи ее стали охотно печатать многие английские журналы и газеты. Таким образом проникает в английскую печать более правильное отношение к Российской империи, и клеветники не рискуют писать по-прежнему вопиющую ложь.

Ольга Алексеевна создала у себя нейтральный салон, довольно пестрого характера, и положительно побивает политические предрассудки англичан гораздо успешнее, чем все русские дипломаты, вместе взятые»¹⁹⁹.

М.А. Терентьев в самом конце главного труда своей жизни открыто говорит о том, что считает такую публичную дипломатию, в современной терминологии

¹⁹⁹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.3. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 526–527.

логии – российских соотечественников за рубежом, гораздо более эффективным методом воздействия по сравнению с традиционными методами дипломатии.

Особенности культурной политики Российской империи в Средней Азии таким образом строились на двух основных подходах. Первый подход отличался веротерпимостью. Основой второго подхода являлась политика продвижения русского языка, в первую очередь в местных школах.

Подтверждаемая многими исследователями точка зрения о «мягкой» культурной политике в Средней Азии находила свое выражение прежде всего в образовательной сфере: «Образовательная практика российских властей убеждает, что имперское правительство не осуществляло на территории своих центральноазиатских владений политику насильственной русификации. Оно лишь стремилось к их закреплению в составе империи и распространению на новых землях общегосударственных установлений. Аккультурационное влияние этих мероприятий было минимальным, ибо опасения мусульманского сопротивления сдерживали трансформацию традиционной конфессиональной школы в государственных интересах, а неповоротливая имперская бюрократия оказалась фактически обезоруженной новометодными мактабами, принявшими на себя культуртрегерскую функцию»²⁰⁰.

М.А. Терентьев рассматривал языковую политику в качестве ключевого элемента оказания воздействия на стабильность регионов, присоединяемых к Российской империи, т.к. он принимал непосредственное участие в ее реализации и это позволяло, по его мнению, упростить взаимодействие с народами Средней Азии. Он считал языковую политику ключевым аспектом культурной экспансии России в регионе.

Эти особенности культурной политики со временем оказались эффективными и сыграли важную роль в исходе «Большой игры», что было важной особенностью интеграционных процессов в регионе. М.А. Терентьев

²⁰⁰ Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное просвещение в центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. т.1. №1. С. 11–12.

уделяет значительное внимание в ряде своих трудов взаимодействию России с Великобританией.

§3. М.А. Терентьев о геополитическом противоборстве Российской империи и Великобритании в Средней Азии²⁰¹

Геополитика – это направление политической мысли, концепция о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений. Для современной геополитической теории большое значение имеет изучение форм контроля над пространством с учётом технологических возможностей, которыми обладают государства (формы такого контроля: политический, военный, экономический, цивилизационный, коммуникационный, демографический, информационный). В научных кругах геополитика предполагает географический, исторический и социологический анализ вопросов, связанных с политикой и территориальными структурами на различных уровнях (от государственного до международного). Понимание национально-территориальной специфики является необходимым условием для геополитического анализа, так как эти особенности напрямую влияют на эффективность геополитической деятельности. В этом же контексте важную роль играет культурная политика как один из механизмов осуществления политического, цивилизационного и информационного контроля.

Одним из важных аспектов, усложнявших продвижение политики Российской империи в Средней Азии, было соперничество с Британской империей. Взаимодействие двух империй было многогранным и неоднозначным,

²⁰¹ При написании этого параграфа использованы следующие статьи автора: *Тальская О.Д.* Обоснование устойчивости российского государственного устройства на материале трудов М.А. Терентьева // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 308-316, *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник российской нации. 2017. №6. С. 63–75, *Тальская О.Д.* «Россия и Англия в Средней Азии» М. А. Терентьева: политико-текстологический анализ // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета. 2019. С. 303–305.

в связи с чем получило название «Большая игра». Г. Уиттеридж считал противостояние Англии и России в Средней Азии естественной задачей – определением оптимальных границ в смысле их защищенности²⁰².

К современным авторам, затрагивающим этот вопрос в своих исследованиях, можно отнести Е.Ю. Сергеева, который предлагает новую концепцию взаимоотношений России и Англии в центральноазиатском регионе. Им была собрана обширная источниковая база, включены ранее неизвестные архивные материалы. Его концепция рассмотрения двухсторонних отношений России и Англии в XIX веке помимо экономических и политических предпосылок, включает также анализ социокультурных и цивилизационных мотивов. Вообще, по Сергееву, геополитические амбиции держав зависели больше от неписанных «правил» и личностей наиболее значимых «игроков»²⁰³.

Геополитике в целом и «Большой игре» в частности посвящены два труда М.А. Терентьева: «Россия и Англия в Средней Азии» 1875 г. и «Россия и Англия в борьбе за рынки» 1876 г.

В последнем М.А. Терентьев описывает историю взаимоотношений России и Англии, значение среднеазиатских рынков для страны, важность шелка и хлопка для экономики, инфраструктурные, политические и экономические требования для эффективного осуществления торговли в Средней Азии, торговую политику Англии, а также дает рекомендации, которые, по его мнению, были необходимы для оптимизации торговых отношений со

²⁰² См.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 11.

²⁰³ См.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе с Японией, 1904–1905 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92; *Сергеев Е.Ю.* Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX вв.: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. Связи и взаимные представления. XIX–XX века / ред. А.Б. Давидсон. М., Наука, 2006. Вып. 4. С. 228–247; *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX - начале XX вв. // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., ПРИ РАН, 1996. С. 166–174; *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998.

странами Средней Азии. К последнему относится развитие торгового флота, контроль над Азовским и Черным морем, а также отмечает важность Персии. Хотя в труде М.А. Терентьева «Россия и Англия в борьбе за рынки» прослеживаются некоторые геополитические мотивы, он состоит, по большей части, из статистических данных и их анализа и интерпретации, в связи с чем эта работа представляет больше исторический и экономический, чем политологический интерес.

Текст разбит на главы, в начале каждой главы автор кратко перечисляет все основные темы, которые затрагиваются в главе. Подобным образом составлен и труд «Россия и Англия в Средней Азии». В книге последовательно описываются исторические события. М.А. Терентьев воздерживается от оценочных суждений, предоставляет читателю большое количество данных различного характера. Тем не менее, даже такое повествование, в котором автор стремится к непредвзятости, содержит элементы, которые позволяют выявить отношение автора к происходящим событиям. Особенности порядка изложения фактов, подчеркнутая недосказанность, изменение стиля текста позволяют выявить информацию, выражаемую автором «между строк».

Наиболее явно М.А. Терентьев выражает свои взгляды в предисловиях к своим работам. Приведем «Два слова к читателю», предложенные автором в начале труда «Россия и Англия в Средней Азии».

В первую очередь М.А. Терентьев отмечает, что в Великобритании издается множество статей и других изданий, в которых в негативном свете, со страхом и беспокойством, освещаются успехи Российской империи в Средней Азии. Более того, в этих изданиях высказываются опасения по поводу результатов колониальной политики Великобритании: «Последние успехи наши в Средней Азии породили в Западной Европе целую литературу. В Англии же каждая неожиданность, каждый шаг наш вперед, вызывают непременно целую бурю. Газеты и журналы всевозможных оттенков переполнены статьями, разбирающими среднеазиатский вопрос не только в его прошедшем и настоящем, но и в будущем. Это будущее представляется англичанам

каким-то грозным призраком, кошмаром. Они прибегают ко всевозможным заклинаниям, чтобы от него отделаться»²⁰⁴. Это согласуется с мыслями И.Р. Шафаревича, который в своем труде «Русский вопрос» уделяет большое внимание вопросу английской русофобии²⁰⁵.

Следующий важный аспект — замечание М.А. Терентьева о том, что в Российской империи не только не издается достаточное число работ по этой тематике, но и отсутствуют архивы информации о дипломатических связях и договорах. Российские исследователи этого вопроса должны были обращаться к иностранным сборникам дипломатических документов: «Богатство западно-европейской литературы по вопросу, так близко касающемуся Российской империи, делает еще более разительную нашу бедность в этом отношении. Главный пробел, сразу бросающийся в глаза каждому исследователю — это отсутствие сведений о наших дипломатических сношениях.

Некоторые иностранные правительства издают периодически официальные сборники дипломатических документов, (синие, красные и т.п. книги), — эти-то сборники и служат пока единственным для нас источником, так как в них помещаются и русские депеши»²⁰⁶.

Далее М.А. Терентьев описывает, как он решил замедлить процесс публикации своего труда, чтобы учесть в нем информацию, изложенную в двух недавно вышедших британских работах, что однозначно говорит в пользу фундаментальности исследовательского подхода автора. «Работая с 1870 года над составлением «Истории Завоеваний Российской империи в Средней Азии» (приготавливается к печати), - отмечает М.А. Терентьев, - я собрал много материала и по части дипломатических сношений наших с ханствами, в особенности за последнее время. Желание восполнить указанный выше пробел заставило меня обработать собранный материал.

²⁰⁴ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. III.

²⁰⁵ Шафаревич И.Р. Русский вопрос. М.: Алгоритм, 2009.

²⁰⁶ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. III.

Последняя наша война с Хивой и занятие устьев Амударьи вызвали в англичанах обычное настроение. На этот раз дело не ограничилось газетными и журнальными статьями — появились и крупные сочинения.

В ряду их в особенности заметны два капитальных труда, изданных в Лондоне: «Central Asia: from the Aryan to the Cossack» Джеймса Хуттона²⁰⁷ и «England and Russia to the East» генерал-майора сэра Генри Раулинсона²⁰⁸. Оба эти сочинения взаимно дополняют друг друга: Хуттон разработал, в особенности, историю среднеазиатских ханств, Раулинсон же говорит преимущественно о политике.

Мой труд был уже передан в типографию, когда в Петербурге получены были книги Хуттона и Раулинсона. Я, конечно, тотчас же воспользовался теми данными, какие мне не были еще известны и пополнил ими свою работу.

Таким образом, читатель найдет у меня не только подробности о наших последних сношениях с ханствами и с Англией, но и все, что было говорено иностранцами по поводу нашего движения в Среднюю Азию и по поводу наших возможных целей»²⁰⁹.

В связи с формированием крымской системы международных отношений Россия стала более активно использовать центральноазиатский регион для восстановления баланса сил в Европе. Соперничество Российской и Британской империи в этом регионе получило наименование «Большой игры»²¹⁰. Большую роль в обострении англо-российских противоречий сыграл Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895). Начиная с 1827 г., он выполнял военные и

²⁰⁷ Имеется в виду книга «Центральная Азия: от арийца к казаку» Джеймса Фредерика Хаттона (1826–1890) – британского бизнесмена и консервативного политика (*Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. L.: Tinsley brothers. 1875.*)

²⁰⁸ Речь идет о книге «Англия и Россия на Востоке» Генри Кресвика Роулинсона (1810–1895) – офицера английской армии, археолога, лингвиста и дипломата (*Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. 2nd edition, with additional notes. L.: John Murrey, 1875.*)

²⁰⁹ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. III–IV.

²¹⁰ См.: *Ingram E.* The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834. Oxford: Clarendon Press, 1980; *Хонкирк П.* Большая Игра против России. Азиатский синдром. М.: Рипол классик, 2004; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий, 2012; и др.

дипломатические поручения в Персии, Британской Индии и Османской Аравии и одновременно занимался изучением археологических памятников и произведений клинописи. Роулисон равно преуспел в обеих областях, став директором Ост-Индской компании (1856–1858), членом Парламента (1858, 1865–1868), президентом Королевского географического общества (1874–1875) и Азиатского общества (1878–1881) и т.д. В 1868 г. он подготовил для Парламента «Меморандум», в котором, описывая этапы продвижения России в Центральную Азию, пришел к выводу о серьезности российской угрозы для Британской Индии и британских интересов на Востоке²¹¹. Доводы Роулисона нашли понимание как в Британии, так и в Британской Индии, и способствовали переходу Британии от политики «искусного бездействия» в Центральной Азии к политике «дружеского вмешательства», иначе говоря, к политике интервенционизма.

Особый интерес представляет последний абзац обращения к читателям. В нем М.А. Терентьев прямо заявляет, что Российская империя не имеет секретов в среднеазиатской политике, не прибегает к закулисным интригам и не боится публичности: «В нашей среднеазиатской политике никаких секретов нет. Мы смело можем объявить во всеуслышание каждое слово, сказанное когда-нибудь, какому-нибудь из ханов. Кто ведет дело начистоту, кто не прибегает к закулисным интригам, а с открытым челом вступает в бой — тому не придется краснеть за свои слова и за свои действия»²¹².

Эти слова — яркое выражение лояльности М.А. Терентьева Российской империи и ее политике. Он считает Россию самой честной и справедливой силой в мире, а процесс присоединения к Российской империи среднеазиатских территорий — очевидным благом для всех сторон. Также М.А. Терентьев обозначает здесь контраст Российской империи с Великобританией, политика которой отличается скрытностью, коварством и интригами.

²¹¹ Первое издание «Меморандума» вошло в книгу: *Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. 2nd edition, with additional notes. L.: John Murrey, 1875.*

²¹² *Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. IV.*

Негативно об отношении Великобритании по отношению к колониям отзывались и другие, такие как русский историк Д. Сатурин: «Жители Индии не видели у себя простых людей Англии — рабочих или крестьян. Из метрополии приезжали «белые господа» — чиновники, дельцы, представители технической интеллигенции. В Индию едут не представители трудящейся Англии, а лишь отпрыски владеющих и господствующих классов последней, едут за тем, чтобы «владеть и править» сотнями миллионов безответных индусов, которых слепая судьба отдала в их безжалостные руки. Они приезжают туда в качестве чиновников, банкиров, фабрикантов и купцов и, наживши миллионы и выслуживши княжеские пенсии, возвращаются на свою северную родину...»²¹³.

Другую опасность отмечает Н.А. Ерофеев, который высказывал мысль о тесной связи между экономической и колониальной политикой Британии. «Английский капитал все глубже внедряется в жизнь подчиненных народов, ломая сложившиеся экономические и социальные отношения»²¹⁴.

Характерной чертой колониальной политики Британии XVIII века было внеэкономическое принуждение колониальных народов. Устанавливались произвольные налоги. В Индии, к примеру, взимался высокий налог на соль, которая являлась необходимым продуктом каждого жителя колонии, устанавливался налог на воду, вводились дорожные повинности. Колонии служили интересам не только господствующих классов, они являлись катализатором экономического развития всей Британии. «В 1759 году Англия представляла собой общество, состоявшее из резко разграниченных слоев населения. В нем олигархия наслаждалась всем лучшим с точки зрения явного потребления»²¹⁵, — замечает исследователь Ф. Маклинн. Этот слой олигархии и яв-

²¹³ *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857-1868гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С.236

²¹⁴ *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века. М.: Наука, 1977. С. 5.

²¹⁵ *Маклинн Ф.* 1759. Год завоевания Британией мирового господства / пер. с англ. М. Жуковой, М.: АСТ, 2009. С. 12.

лялся главным бенефициарием колониальных земель, при этом бурное промышленное развитие страны затрагивало и интересы рабочих.

Часть труда М.А. Терентьева носит историографический характер и описывает хронологию событий в Средней Азии. Во второй части в тексте все чаще попадаются фрагменты, которые позволяют интерпретировать их в контексте геополитики.

Так, рассматривая отношение Российской империи к Кашгарии и Джитышару²¹⁶, М.А. Терентьев пишет: «Мы стоим в иных условиях и потому снисхождение к болезненной щекотливости честолюбия джитышарского деспота не могло бы затмить славу недавних дней и заглушить гром наших побед. Делая сами шаг к сближению с Якуб-беком, мы высказывали только снисходительность, свойственную силе»²¹⁷. В данном случае Терентьев проводит мысль о том, что в силу своего могущества Российская империя должна проявлять снисходительное отношение к менее сильным и менее развитым народам. Рассуждая же о сношениях Турции и Кашгара (современная территория китайской провинции Синьцзян и важный торговый узел Шелкового пути), существовавших во многом благодаря помощи Великобритании, М.А. Терентьев высказывает следующую мысль: «Правда, мы могли бы сказать, что покровительство такой слабой державы, как Турция, не может служить особой гарантией для Кашгара и что такому целителю можно бы напомнить известное: «исцелился сам», но здесь важна не сила, а только принцип, важно имя. Если кто может стать во главе мусульманской коалиции, то единственно турецкий султан. Союз и сердечное согласие, неразрывно связывающее Турцию с Англией, делают протекторат этих двух держав — серьезною угрозою»²¹⁸. Здесь М.А. Терентьев признает важность символического влияния, подчеркивая, что, несмотря на слабость Турции, ее важный

²¹⁶ Кашгария – ранее южная часть провинции Синьцзян в Западном Китае; Джитышар – государство (эмират), существовавшее на территории Восточного Туркестана (Кашгарии) в 1860–1870-х годах.

²¹⁷ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 148.

²¹⁸ Там же. С. 153.

статус в исламском мире позволяет ей оказывать большое влияние на мусульман региона и, в союзе с Великобританией, представлять серьезную угрозу интересам России.

В части, посвященной Афганистану, М.А. Терентьев прямо говорит о том, что усилия Великобритании в Афганистане направлены на создание «живого щита» против Российской империи: «Стремясь создать себе из Афганистана живой оплот против Российской империи, англичане забыли свою кровную вражду, свои старые счеты с афганцами, отказались навсегда от завоеваний в эту сторону и снабжают своего бывшего врага оружием и деньгами. Афганцы очень хорошо понимают, откуда повеяла такая перемена и, получая жалованье, оружие и боевые припасы от англичан, воспитываются по-немногу в мысли, что рано или поздно все это должно быть употреблено против русских. Нет сомнения, что со временем ожидание перейдет в желание сразиться, а надежда на непосредственную помощь англичан и возможность обширного союза со всеми нашими мусульманскими соседями, придаст афганцам смелость и самоуверенность... Все эти соображения указывают на непрочность и шаткость оснований, на которых построена англичанами живая нейтральная стена, разделяющая наши владения. Рано или поздно эта стена сама двинется в ту или другую сторону, если не будет разрушена раньше чьим-нибудь могучим натиском»²¹⁹.

Обосновывая опасность геополитического проекта Великобритании, М.А. Терентьев также отмечает воинственный характер афганцев того времени: «Постоянное стремление афганцев к Аму-Дарье, до которой доходили прежде только их разъезды, намерение перешагнуть эту реку и выстроить на правом ее берегу укрепления, постоянные сношения и даже вмешательства в дела вассальных бухарских владений — все это не обещает нам в Афганистане особенно спокойного соседа. Воинственное население, неспособное к труду, презиращее земледелие и торговлю, будет, конечно, искать выхода

²¹⁹ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 187–188.

из очарованного круга мира, тишины и спокойствия, в который их думают заключить англичане своим проектом нейтрализации Афганистана. Если только превратятся когда-нибудь междоусобия, составляющая совершенно нормальное явление в стране, население которой до того склонно к грабежу, что, за неимением чужих, грабит и своих, то народ найдет себе занятие во внешних предприятиях»²²⁰.

Две вышеприведенные цитаты показывают масштаб мышления автора — он анализировал сложные геополитические процессы с учетом не только политических, но и социальных и культурных аспектов, прогнозируя возможные последствия внешнего вмешательства Великобритании во внутренние дела Афганистана.

Кроме того, М.А. Терентьев вновь проявляет свое критическое отношение к жителям региона, давая афганцам крайне негативную оценку, описывая их стремление к грабежу, коррупцию и кровожадность. Все это подводит его к выводу о том, что проект использования Афганистана в качестве британского барьера обречен на провал, т.к. особенности менталитета местного населения приведут Афганистан к неизбежному конфликту либо с Великобританией, либо с Российской империей.

В статье Б.В. Станкевича «По Памиру. Путевые очерки» затрагивается вопрос о границе между Россией и Великобританией в Афганистане, точнее на Памире: «... Россия нигде на Памире не соприкасается с Великобританией непосредственно: между обеими державами заклеен афганский «буфер» в виду удлиненной с запада на восток полосы... На основании соглашения 1895 года афганцы не имеют права строить укреплений в пределах помянутой полосы; Англия не имеет права включать эту полосу в свои владения; но эта полоса признана состоящей в сфере влияния Великобритании... нам, русским людям, приходится, сказать по правде, посетовать на уступчивость наших представителей в русско-английской разграничительной комиссии, работавшей в конце 1894 и начале 1895 гг. ... Мы сделали своей южной гра-

²²⁰ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 188.

ницей реки Пяндж и Памир и озеро Зор-кул. Мы разрешили заклинить между собой и Британской Индией афганский «буфер». Мы отдали Афганистану – в состав этого самого буфера – могучий горный хребет. Южный склон этого хребта, под которым течет Вахан-Дарья, представляет плодородный оазис... Отдавши Афганистану этот оазис, мы оставили за собой только дикую горную пустыню...»²²¹. Стоит заметить, что речь тут идет о договоре раздела памирских территорий. В 1891 году во время проведения Хунза-Нагарской компании Британия вторглась в местность Гилгит для захвата земель нынешнего северного Пакистана. Россия отреагировала на это рядом встречных экспедиций, командовал которыми М. Е. Ионов. В результате было заключено российско-британское соглашение, по которому часть Памира отошла к Афганистану, а другая часть была поделена между Россией и тогда еще Бухарским эмиратом, также зависимым от Российской империи.

Интерес представляет фрагмент, в котором М.А. Терентьев описывает взаимодействие русских и британцев в Хиве в середине XIX в.

В то время Российская империя достигла определенных успехов и смогла добиться от Хивы освобождения большей части захваченных в рабство подданных империи. Для достижения этой цели в Хиву было отправлено посольство под руководством Никифорова, в то же время там работали британские агенты Аббот²²² и Шекспир²²³, которые не обладали полномочиями для ведения дипломатической деятельности. В результате этого они подверглись преследованиям.

«Что касается до Аббота и Шекспира, то они спрятали британскую надменность в карман и были спасены нашими агентами Никифоровым и

²²¹ Станкевич Б. В. По Памиру. Путевые очерки // Русский вестник. 1904. №8. С. 630.

²²² Аббот Джеймс (1807–1896) – британский путешественник, генерал, в 1839–1840 гг. посетил Хиву. Первый заместитель окружного комиссара Хазара в 1849–1853 гг. на территории Британской Индии.

²²³ Шекспир Ричмонд Кэмпбелл (1812–1861) – британский путешественник, подполковник, в 1839–1840 гг. вел переговоры в Хиве об освобождении русских рабов и с 416 освобожденными рабами прибыл в Оренбург. В 1841 г. в Петербурге был принят Николаем I. Заместитель комиссара округа Сагар в 1843 г., заместитель комиссара округа Гваллор в 1843–1849 гг. на территории Британской Индии.

Аитовым; тем не менее они все-таки едва добрались до Российской империи, полуживые от побоев и ран. Это не помешало Шекспиру уверять, что освобождение хивинским ханом 500 русских пленных произошло не оттого, что в Хиве прослышали о приготовлениях в Оренбурге к новому походу, а только благодаря настояниям его — Шекспира, благодаря его влиянию на хана и угрозам! — Английский Дон-Кихот свою яму, вероятно, считал дворцом, а позволение выехать вместе с русскими — вероятно за поручение доставить этих русских к месту назначения!

В параллель с гонениями на английских агентов мы выставим поведение капитана Никифорова в Хиве: офицер этот, во-первых, иначе не говорил с хивинскими вельможами, как тоном победителя — он не просил, не доказывал, не убеждал, а требовал, настаивал, затем, когда согласившись на какое-нибудь требование, вельможи эти являлись снова и начинали трактовать о поконченном уже вопросе — Никифоров, без дальних околичностей, приказывал конвойным казакам выпроводить надоедал в шею! Положим, это не совсем деликатный способ прекращать аудиенцию и вовсе не дипломатично — ибо Никифоров не достиг никакого соглашения — но в стране, где послов не уважают, послы и сами не обязаны уважать кого бы то ни было, если не боятся... а что касается неудачи переговоров, то последствия показали, что самые угодливые, самые «приятные во всех отношениях» послы наши не могли добыть ничего, кроме клочка бумаги, который еще ни разу не считался ханами для них обязательным!»²²⁴

Терентьев подчеркивает разницу английской и российской дипломатии в Средней Азии. Он отмечает, что послы Великобритании пытались позиционировать свою миссию как успешную, несмотря на то что они не только ничего не добивались, но едва смогли выбраться из региона с помощью русских. В противовес этому, российские посланники вели себя вызывающе, но

²²⁴ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 214–215.

это оказывалось эффективнее, чем поведение, обычно ассоциируемое с дипломатией.

«Если же признать, что договоры с азиатскими деспотами ничего не стоят, то вопрос о том, какой способ обращения наших послов следует признать за более подходящий — вопрос этот надобно предоставить личному вкусу каждого.

Пусть теперь читатель выводит из этого: чье влияние было больше: Шекспира ли, сидевшего на хлебе и воде в грязной и вонючей яме — или Никифорова, расправлявшегося с хивинскими сановниками как с лакеями?

Итак, происки англичан против Российской империи не увенчались успехом. Гибель английских агентов показала, что авторитет Англии не силен, а вмешательство в дела Афганистана покрыло английскую армию позором... Чтобы восстановить честь своего оружия, англичане предприняли в 1842 г. новую экспедицию в Кабул, который и был разграблен. На этот раз, однако же, англичане не засиживались, а поспешили восвояси»²²⁵. Данный отрывок проливает свет на то, как русские и британцы зачастую были вынуждены сотрудничать в Средней Азии для достижения общих целей и общей безопасности. М.А. Терентьев иронизирует по поводу британских агентов, присвоивших себе заслугу освобождения российских военных из плена. Им он противопоставляет Никифорова, главу российской дипломатической миссии, как сильную личность, наиболее подходящую для ведения дипломатической работы в Средней Азии. Также М.А. Терентьев ссылается на то, что правители региона не считают заключенные договоры обязательными к исполнению, в связи с чем дипломатические условности теряют свое значение.

Доводы М.А. Терентьева о том, что сторона, не желающая соблюдать взятые на себя обязательства, не должна уважаться, логичны. В то же время, М.А. Терентьев очевидно и целенаправленно создает контраст между русскими и британцами, когда русские показываются как сильные, чест-

²²⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т.1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 215.

ные и прямолинейные личности, профессионалы, понимающие дипломатические нужды в регионе, а британцы – как присваивающие себе чужие заслуги дилетанты.

В «Истории завоевания Средней Азии» тот же эпизод преподносится совершенно иначе. Никифоров предстает перед читателем как грубиян, не понимающий сущности дипломатических сношений и оказавшийся на должности случайно, упоминаются его проблемы с алкоголем и отмечается бесплодность его «жесткого» подхода: «Неудачи и оскорбления, испытанные по службе, сильно действовавшие на его болезненную натуру, развили в характере его желчность и особого рода раздражительность, доходящую иногда до исступления. К этому надо прибавить еще неумеренность в употреблении спиртных напитков....»

На первом же свидании с министрами хана Никифоров озадачил их следующими словами: «вы должны прилипнуть к России, как рубашка к телу, потому что Россия такая большая держава, что если наступит на вас, то раздавит точно так же, как я давлю под ногами мелких козявок, попадающих по дороге»²²⁶.

Такое расхождение может быть объяснено двумя причинами. Либо М.А. Терентьев не решался во время публикации первой книги, все еще будучи на службе, высказывать свое реальное мнение о данном инциденте, либо же книга «Россия и Англия в Средней Азии» была прежде всего направлена на формирование у читателей положительного мнения о России в этом конфликте. Можно с уверенностью предположить, что труды М.А. Терентьева были не только историческими исследованиями, но выполняли задачу оказания воздействия, являясь инструментом геополитики. Не случайно книга

²²⁶См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 207–211.

М.А. Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии» была переведена на английский язык и издана в Калькутте²²⁷.

Сам М.А. Терентьев, осознавая возможность воздействия на политику Британской империи через общественное мнение, отмечал: «Так как направление английской политики весьма много зависит от общественного мнения и так как оно высказалось уже не в пользу системы невмешательства, то можно было ожидать крутой перемены в действиях ост-индского управления»²²⁸.

Здесь же М.А. Терентьев характеризует статьи из британской прессы того времени, в которых русское влияние в регионе освещалось с положительной точки зрения: «Вообще английские публицисты выказывают или полную самоуверенность или боязливость, чуткую к каждому слуху. Между ними весьма немного таких, которые смотрят спокойно на поступательное движение Российской империи, видя в этом, во-первых, историческую необходимость, а во-вторых, залог спокойствия и порядка. Самым выдающимся из числа их был, бесспорно, сэр Родерик Мурчисон, президент лондонского географического общества. Но даже из тех, кто разделяет его убеждения относительно полезности умиротворения Азии русскими штыками и русским влиянием, большая часть соглашается на это лишь по невозможности остановить наше движение. С решимостью отчаяния они восклицают: «Нам нечего бояться падения Бухары и даже Кабула, пусть русские водворятся у самых дверей наших... Соседи так соседи! Нам даже следует радоваться, что соседом будет одно прочное государство, уважающее договоры, вместо целой дюжины варварских и вероломных племен, разоряющих нас на ежегодные экспедиции». Другими словами: нет худа без добра... Наиболее откровенные прямо заявляют, что «подвигаясь в Среднюю Азию, *Российская империя старается для Англии*. Иначе сказать: Российская империя простодушно за-

²²⁷ Russia and England in Central Asia. M. A. Terentyef. St. Petersburg: 1875. Translated from the Russian by F. C. Daukes, B.C.S. Attache to the Foreign Dept. of the Govt. of India. Calcutta: Printed at the Foreign Department press. V. 1-2. 1876.

²²⁸ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 225.

гребают жар голыми руками для удовольствия Англии!»²²⁹. В данном случае М.А. Терентьев развивает свою идею об имперской политике России как абсолютном благе. Но если раньше это было благо для Российской империи и для ее территорий, то теперь это становится благом даже для главных геополитических конкурентов.

При этом существовали и другие мнения в отношении происходивших событий. Ряд научных географических экспедиций, направляемых в ханства, показывал важность в приобретении новых рынков сбыта, возможность обустроить экономическую жизнь местного населения с некоторой выгодой для России. Экономическое обоснование было самым популярным в общественно-политической среде. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Начало рассматриваемого периода было для России эпохой ее возрождения после Крымской кампании. Русское общество стремилось к оживлению наших торговых сношений с Передней Азией и очень заботилось о распространении с этой стороны сферы нашего влияния. В то самое время, как наше влияние так успешно проникало на северо-западную окраину Нагорной Азии — в Джунгарию и Северный Туркестан, весьма естественно было заботиться о распространении наших географических сведений, а также об оживлении наших торговых сношений и со стороны Каспийского бассейна»²³⁰.

В российской общественной среде складывалось единое мнение о важности среднеазиатского рынка, о развитии там текстильной промышленности, в которой видели будущий потенциал. Генерал-майор генерального штаба И.Ф. Бларамберг в 1856 году писал: «Не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры. Блистательное развитие (особенно в последние 30 лет) и постоянное с году на год увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения, требуют новых путей сбыту; а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств этой части света,

²²⁹ Там же. С. 243.

²³⁰ Цит. по: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы. 1960. С.78.

то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»²³¹. Здесь поднимается проблема вынужденной политики России, которая будет полезна и империи, и туземному населению, так как вмешательство во внутреннюю жизнь Средней Азии положит конец междоусобицам и отсталости этого региона.

Продолжая рассуждения о «синтезе» противоборства и сотрудничества России и Великобритании в Средней Азии, Терентьев обозначает мотивы соперницы России: «Стремление к политическому преобладанию, забота об охране своей дорогой колонии — вот истинные причины всех возгласов Англии о притеснении нами ее торговли, о наших завоевательных целях, об опасности, какой подвергается Ост-Индия от нашего соседства и проч. Возгласы эти своею настойчивостью и частым повторением сделали то, что мы и сами стали верить, будто Англия нас опасается»²³². М.А. Терентьев вновь возвращается к вопросу об истинных причинах геополитического конфликта, главной из которых стал страх Британской империи перед Россией: «...ей [Англии] просто не по силам даже одно *соседство* Российской империи с ее индийскими владениями, где еще таится много враждебных ей элементов. Соседство сильной державы естественно ослабляет могущество Англии, но это и служит явным признаком, что у британского колосса глиняные ноги!»²³³.

При этом М.А. Терентьев понимает необходимость взаимодействия Российской империи и Великобритании в Европе для решения различных вопросов. Более того, он призывает к налаживанию сотрудничества и полагает, что соседство может поспособствовать простоте достижения согласия: «На материке Европы еще столько нерешенных вопросов и столько требующих перерешения, что в видах нашего правительства должно быть неизбежно стремление расположить к себе Англию и заручиться ее голосом на европейских конгрессах. Опыт указал, что достичь этого мы можем только при усло-

²³¹ Цит. по: там же. С.84.

²³² Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 252.

²³³ Там же. С. 259.

вии ближайшего соседства: чем дальше мы от английских владений, тем труднее для нас соглашение»²³⁴.

Большой интерес представляют размышления М.А. Терентьева о причинах, по которым Российская империя начала процесс присоединения Средней Азии к Российской империи. Таковыми причинами, по М.А. Терентьеву, являются необходимость защиты границ России от набегов, а также провал предыдущих мер (возведения укреплений и создания оборонительных линий): «Отбросим же всякие увертки и взглянем на вопрос посмелее. Зачем мы забрались в Азию? Ответ мы извлечем из предлежащего труда: наше движение на восток не зависело от далеких планов — мы преследовали только ближайши́е цели: дикие номады, не признающие никаких прав, кроме права силы, нападают на наши границы, захватывают «полон» и продают русских тысячами на рынках Средней Азии. Ответные набеги наших отрядов только запутывали счета и разжигали взаимную ненависть. Испробовали другой способ: степные укрепления. — Дело пошло лучше, но форты надобно было связать друг с другом. Образовались линии. Стремление связать линии оренбургскую с сибирской — повело к занятию позиций на реках Сыр-Дарье и Чу, а это вызвало вражду со стороны Кокана, Бухары и Хивы. Ряд войн с этими ханствами — привел нас на теперешние стоянки.

Смело утверждаем, что при всем этом об Индии и не помышляли: «наших бьют, значить, надо выручать» — вот самая короткая формула, непонятная только дипломату»²³⁵.

Здесь М.А. Терентьев отрицает любые ресурсные и экономические амбиции Российской империи в Средней Азии, вновь представляя Россию как благодетеля ее народов. При этом Терентьев указывает и на российские национальные интересы. Во-первых, весь процесс присоединения Средней Азии к Российской империи интерпретируется им как деятельность по обеспечению безопасности границ страны от набегов, как акт самообороны. Дру-

²³⁴ Там же. С. 264.

²³⁵ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 271–272.

гие средства, исключавшие военные решения, не смогли решить существовавшую проблему и были недостаточными. Во-вторых, Терентьев осознает, что процесс освоения Средней Азии повлек за собой экономическую выгоду России за счет упрощения торговли и налаживания торговых путей с восточными странами. В-третьих, он отмечает и возросшую экспансивную силу России: «Третья выгода, достигнутая нами, состоит в том, что с теперешних позиций мы можем не только в проектах, но и в действительности — угрожать Британской Индии. В этом отношении среднеазиатские владения наши служат нам только этапом для дальнейшего движения, станцией, где мы можем отдохнуть и собираться с силами»²³⁶.

Схожие идеи высказывались М.Н. Катковым, издателем журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В своей статье «В чем состоит национальная политика России» 1867 г. М.Н. Катков писал: «Свойство национальности определяет характер ее (России) политики, и нет страны, интересы которой, правильно понятые, были бы так безопасны для сохранения мира, так мало соединялись бы с ущербом чьих-либо иных уважительных интересов, так мало требовали бы насилия и нарушения справедливости, как Россия. Ее естественное положение есть чисто оборонительное, и никогда по собственному побуждению, в чувстве своих действительных интересов не может она перейти в положение наступательное. Каждая из остальных великих держав Европы имеет какие-либо виды далее своих пределов или нуждается в каком-нибудь стеснении чужих интересов»²³⁷. Тем самым, Катковым обосновывается тезис о естественном «здоровом» положении дел в империи, ее справедливой политике.

В свою очередь, военный министр Российской империи в 1861–1881 гг. Д.А. Милютин указывал на разногласия военного министерства с Министерством иностранных дел в азиатской политике: «Министерство иностранных

²³⁶ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 272.

²³⁷ Катков М.Н. В чем состоит национальная политика России /Московские ведомости/ № 105, 1867, [Электронный ресурс] URL http://dugward.ru/library/katkov/katkov_v_chem_sostoit.html (дата обращения 01.04.2022 г.)

дел с давних времен держалось в азиатской политике системы полного консерватизма», тормозило наступательные действия России, «дабы не возбуждать дипломатических запросов лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях». А министр иностранных дел Российской империи Горчаков «не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждавшие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предприятие своеволию местных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам. Хотя в этом обвинении и была, может быть, некоторая доля правды, однако же не одно мелкое честолюбие второстепенных личностей заставляло прибегать к оружию против полудиких азиатских соседей...»²³⁸.

Очевидно, что, рассуждая о Российской империи как благодетельнице среднеазиатских народов и одновременно подчеркивая экспансивные устремления России, М.А. Терентьев противоречит сам себе. «Из-за Азии мы, конечно, с Англией не поссоримся; если это случится, то скорее по поводу какого-нибудь европейского вопроса. Понятное дело, что мы должны будем воспользоваться выгодами нашего положения в Азии и близостью в Индии. Поступать иначе было бы весьма неблагоприятно»²³⁹. При этом М.А. Терентьев однозначно утверждает, что мир может быть достигнут только завоеванием: «В самом деле: из-за чего мы бьемся?»

И в Европе, и в Азии, мы бьемся из-за того, чтобы соседи дали нам возможность жить в мире и спокойствии, дали нам возможность устраивать свои внутренние дела, развивать свои естественные средства, свою промышленность и торговлю, — без всего этого невозможно достигнуть нравственного и материального благосостояния, единственной цели всякого государства.

²³⁸ Цит. по: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С.87.

²³⁹ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 272–273.

Итак, мы бьемся из-за мира, но мир не приобретается сложа руки, а завоевывается.

Международное право, возникшее из права силы, из права войны и, наконец, из права победы, держится только страхом наказания — страхом возбудить против себя сильное большинство. Если этого страха нет, то все законы этого права попираются без дальних околичностей»²⁴⁰.

Завершающая часть цитаты заслуживает отдельного комментария, так как в ней М.А. Терентьев предвосхитил существующие вызовы современного международного права, а именно отсутствие реальных механизмов привлечения нарушителей международных договоров к ответственности. Это, с точки зрения М.А. Терентьева, позволяет оправдать любые военные действия Российской империи ее стремлением к миру, спокойствию и процветанию. Прагматичный подход М.А. Терентьева выражается в следующих словах: «...мы остережемся сказать, что Англия лучше относится к международному праву, чем Хива, Бухара и Кокан, мы не спешим выразить уверенность, что нам выгоднее иметь соседкою Англию, чем Хиву. Мы, напротив, убеждены, что нам пришлось бы тогда и самим принять английскую систему: считать священными только те трактаты, которые невыгодны противнику и считать ни во что такие, которые невыгодны нам самим»²⁴¹. Здесь он отмечает еще одну, актуальную даже сейчас, проблему международного права — договоренности соблюдаются только тогда, когда они выгодны сторонам. В иных случаях отсутствие эффективной системы наказания за нарушение международных договоренностей делает всю систему международного права непрочной.

В работе «Россия и Англия в Средней Азии» М.А. Терентьев затрагивает еще один важный вопрос, сформулированный им в последней главе «Отношения православия к мусульманству». Большая часть этой главы посвящена определению различий между политикой веротерпимости, которую М.А.

²⁴⁰ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 276.

²⁴¹ Там же. С. 277.

Терентьев считает благом, и политикой покровительства, об опасности которой он предупреждает, предостерегая как против религиозного догматизма, так и чрезмерного покровительства религиям: «Такое поведение киргиз весьма понятно: они, в сущности, вовсе не мусульмане – скажу больше: они не держатся никакой религии.

Понятное дело, что для нас выгоднее сохранить первобытного человека в его первобытном виде, чем отдать его в жертву растлевающему и мертвящему исламизму»²⁴². Но, при этом он также заявляет: «Честный мусульманин, не преступающий ни одной йоты наших гражданских законов – на наш взгляд – лучше плута христианина, хотя бы тот и соблюдал все точки и запятые религиозных установлений»²⁴³, выражая, таким образом, мысль о большей важности социальных институтов по сравнению с религиозными.

Преобладание нерелигиозных факторов над религиозными вновь подчеркивается М.А. Терентьевым в следующем наблюдении: «Мусульмане полагают, что между фиренгами т.е. европейцами есть тоже свои шия и свои сунни и, что отсюда вытекает ненависть, ничем не насыщаемая. Нам не раз приходилось разъяснять любознательным азиатам, что англиканская церковь еще ближе других подходит к русской, а между тем англичане больше всех враждуют с нами. Тут дело не в религии, а в барышах. Если бы мы были даже одной с ними веры, то и тогда, конечно, англичане не задумались бы поднять против нас и мусульман, во имя поддержки мусульманства, и язычников во имя какого-нибудь Ламы, Браммы и т. п.»²⁴⁴.

От рассуждений о религии М.А. Терентьев постепенно переходит к обсуждению образовательных систем и обосновывает роль школ в распространении влияния Российской империи на Среднюю Азию: «Не подлежит, конечно, ни спору, ни сомнению, что христианство смягчает нравы, облагораживает человечество, дает больший простор исследованию и проч., но для

²⁴² Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 350.

²⁴³ Там же. С. 353.

²⁴⁴ Там же. С. 217.

пропаганды еще не настало время. Прежде надобно приготовить почву – иначе всякий прохожий растопчет посеянное, птицы поклюют, солнце иссушит, терний заглушит!

Почва подготавливается школой. Прежде всего, значит, мы должны позаботиться о школах для туземцев. Мы должны ввести в них обучение русскому языку. Мало того – мы должны ввести в употребление и наш алфавит.

Образование туземцев ведется, с искони, самым несложным и самым притупляющим способом: ученик зубрит в долбежку непонятный ему текст Корана и завершает эту долбню несколькими стихотворениями Гафиза, Саади и Фирдоуси. Последнее, впрочем, далеко не во всех школах. Такое обучение требует 8–9 лет. Понятно, что никакой прогресс тут невозможен. Степень успешности занятий того или другого ученика выразится разве только в меньшем или большем числе лет, просиженных в школе, над зубрением Корана. Очевидно, что поддерживать такой ненормальный порядок народного образования не может быть в видах русской цивилизации, тем более что и сами туземцы сознают бесплодность своей школьной науки»²⁴⁵.

М.А. Терентьев рассматривает христианство в качестве инструмента, с помощью которого возможно достижение большего порядка и гармонии в обществе. При этом он отмечает, что в Средней Азии и силовое насаждение христианства без предварительной подготовки, и даже более мягкие методы внедрения христианской веры закончились бы провалом. Христианизация туземного населения невозможна без русификации с помощью русского языка, поэтому М.А. Терентьев предлагает строительство школ для местного населения, а также обучение населения русскому алфавиту. Он негативно оценивает качество местных образовательных систем в Средней Азии, основанных на повторении и заучивании, и считает российскую систему намного сильнее.

²⁴⁵ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 355–356.

Наконец, М.А. Терентьев размышляет об эффективности политики Российской империи. Такая эффективность обуславливается действенностью политики равноправности и веротерпимости: «Во всяком случае все мероприятия наши по вопросу об ассимиляции народностей Туркестанского края принадлежат будущему. Но есть одно мощное средство, которое всегда применялось в Российской империи немедленно ко всем присоединяемым к ней народам — это мощное средство: равноправность.

Перед таким, искони усвоенным нами, христианским космополитизмом не существуют: «ни раб, ни свобода, ни грек, ни варвар, ни скиф, ни иудей».

Наша политика, по отношению к покоренным народам, есть политика гражданского равноправия. Житель, только что занятой Кульджи, только что взятых Ташкента, Самарканда и т. д. делается сразу таким же русским гражданином, каков, например житель Москвы, да еще, пожалуй, и с большими льготами...

Если такой путь ведет к укоренению наших начал, ведет к тому, что теперь истый мусульманин начинает держаться, относительно своего ближнего, как повелевает русский закон, а следовательно, как подобает доброму христианину — то значит путь этот хорош и наша миссия не бесплодна.

Политика наша, по отношению к завоеванным странам, отличалась всегда особенным великодушием и, так сказать, самопожертвованием. Такая политика проведена по всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий.

В этой-то политике, в этом христианском космополитизме и заключается наша сила.

В этом и наша будущность»²⁴⁶.

Здесь, как видим, М.А. Терентьев отмечает, что жители интегрируемых в империю территорий получают больше преимуществ и льгот, чем, напри-

²⁴⁶ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 360–361.

мер, жители Москвы, а политика «великодушия и самопожертвования» является «блистательным отличием» политики Российской империи.

Подводя некоторые итоги, отметим, что М.А. Терентьев рассматривал Россию и Великобританию как конкурентов в рамках «Большой игры» в Средней Азии. Он характеризовал это противостояние как геополитический конфликт, отмечал провалы британской стороны и успехи русской политики, однако указывал и на то, что русские и британцы зачастую оказывали друг другу помощь в регионе. Для успеха в этом противостоянии М.А. Терентьев считал необходимым воздействовать на общественное мнение Британской империи. Возможно, книга «Россия и Англия в Средней Азии» была попыткой оказания такого воздействия. Оценочные суждения М.А. Терентьева в разных главах этого произведения, однако, не последовательны. Он отмечает желательность поддержания добрососедских отношений с Великобританией, но при этом говорит о том, что Российская империя должна воспользоваться возможностью по захвату британских колоний в Индии. По его мнению, присоединение Средней Азии носило оборонительный характер, но при этом М.А. Терентьев признает, что мир может быть достигнут только завоеванием. Великобритания — более желательный сосед, чем среднеазиатские ханства, но одновременно с этим, он указывает на то, что Британская империя не всегда исполняет свои договорные обязательства.

Рассматривая социокультурные аспекты присоединения Средней Азии к Российской империи, М.А. Терентьев утверждает, что политика веротерпимости дает Российской империи большое преимущество, но если она переходит в политику покровительства, то чужая религия начинает наносить вред империи. Также он вновь подчеркивает важность использования школ и обучения русскому языку как важного средства воздействия на народы покоряемых территорий.

Все это позволяет утверждать, что взгляды и в целом позиция М.А. Терентьева отличаются высоким уровнем прагматизма. Можно предположить, что М.А. Терентьев, высказывая свои соображения, руководствовался в раз-

ных случаях разными мотивами. В части его трудов излагается позитивный, отчасти идеализированный взгляд на Российскую империю, политика которой в Средней Азии описывается как всемирное благо. Более того, М.А. Терентьев считает, что Россия – безусловно часть Европы, а миссия России в Азии – распространение европейской культуры. В других трудах он не уделяет большого внимания идеологии и сосредотачивается на анализе практических аспектов расширения империи, таких как экономика, культурная политика, военное дело, геодезия и др.

Выводы главы. В главе «Средняя Азия как объект политики Российской империи в творчестве М.А. Терентьева» представлена характеристика национально-территориальной специфики Средней Азии в трудах М.А. Терентьева, его идей об особенностях культурной политики России в Средней Азии, а также позиции по поводу геополитического противоборства Российской и Британской империй в Средней Азии.

Национально-территориальная специфика Средней Азии, как считал М.А. Терентьев, сводилась к следующему: во-первых, это кочевой образ жизни местных народов и обширные степные территории, которые было трудно контролировать; во-вторых, сложные взаимоотношения между различными кланами, народами и государствами в регионе; в-третьих, сложности в поддержании дипломатических отношений в связи с невыполнением договоров; в-четвертых, практика «баранта», затрудняющая установление правопорядка в регионе; работорговля в отдельных регионах (в основном в Хиве). Эти особенности имели ряд реальных политических следствий. Недостаточное их знание часто приводило к тому, что российские усилия по интеграции региона оказывались малоэффективными. Российское руководство ошибочно присваивало титулы ненадежным местным лидерам, российская дипломатия не функционировала в связи с ненадежностью местных властей в регионе, противодействие набегам и установление правопорядка затруднялось логистическими сложностями. Именно по этой причине конечной целью российской политики в регионе со временем стал проект объединения линий

укреплений. М.А. Терентьев хорошо понимал национально-территориальную специфику Средней Азии, которая сводилась не только к религиозным и культурным различиям народов России и среднеазиатского региона, но усугублялась коварством местных элит, использовавших Российскую империю как источник собственного обогащения и нарушавших соглашения с ней. Поэтому наиболее эффективным средством присоединения новых территорий и стабилизации ситуации в регионе М.А. Терентьев считал прежде всего увеличение постоянного контингента российских военных и создание логистической инфраструктуры между точками концентрации военного присутствия.

Систематизация идей М.А. Терентьева об особенностях культурной политики России в Средней Азии показывает, что эти особенности проявлялись двояко. С одной стороны, в веротерпимости, с другой, – в продвижении русского языка. Эти особенности культурной политики оказались эффективными и сыграли важную роль в интеграционных процессах в регионе. В рассматриваемый М.А. Терентьевым период в России сложилось два представления о русификации окраин. Первое основывалось на попытках осуществить русификацию через религию, то есть, путем строительства церквей и обращения местного населения в православие. В основе второго подхода лежало строительство школ и обучение местного населения русскому языку. М.А. Терентьев был сторонником второго подхода, рассматривая русский язык как главное средство коммуникации и инструмент консолидации центра и окраин. М.А. Терентьев считал продвижение русского языка эффективным механизмом оказания культурного воздействия, итогом которого является получение необходимых политических и экономических результатов от коренного населения, освоившего язык империи.

Иначе говоря, Российская империя в процессе консолидации присоединенных территорий сталкивалась с необходимостью культурной интеграции населявших их народов. Ключевой особенностью российской политики периода присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи было невмешательство в религиозную жизнь местного населения при высо-

кой активности процессов культурной экспансии, которые были основаны на распространении русского языка в школах региона, что создает контраст с политикой Британской империи, безуспешно пытавшейся получить влияние в регионе через отдельных агентов, которые выполняли роли торговцев, путешественников и представителей духовенства. М.А. Терентьев рассматривал языковую политику в качестве важнейшего средства культурной интеграции новых регионов, присоединяемых к Российской империи, принимал непосредственное участие в ее реализации, подготовил и опубликовал ряд работ, посвященных обучению иностранным языкам, помогающих русским военным успешно коммуницировать с местным населением и военнопленными, а также учебные пособия по обучению русскому языку туземцев Средней Азии.

Во второй половине XIX века Россия стала более активно использовать центральноазиатский регион для восстановления баланса сил в Европе. Одним из важных аспектов, усложнявших продвижение Российской империи в Средней Азии, стало соперничество с Британской империей, получившее позже название «Большая игра». Анализ того, как М.А. Терентьев интерпретировал и объяснял в своих работах особенности среднеазиатской политики Российской империи в контексте противоборства с Великобританией, показал, что взгляды и в целом позиция М.А. Терентьева по поводу борьбы Российской и Британской империи в Средней Азии отличаются высоким уровнем прагматизма. М.А. Терентьев рассматривал Россию и Великобританию как конкурентов в Средней Азии, характеризовал это противостояние как геополитический конфликт, отмечал провалы британской стороны и успехи русской политики, однако указывал и на то, что русские и британцы зачастую оказывали друг другу помощь в регионе. М.А. Терентьев исходил из того, что Россия – безусловно часть Европы, а миссия России в Азии – распространение европейской культуры, поэтому взаимоотношения Российской и Британской империи должны быть «синтезом» противоборства и сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводимая Российской империей политика в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. в значительной степени была предопределена исторически. Такая форма государственного устройства как империя требует постоянного присоединения новых территорий. В случае Средней Азии местное население во многом негативно воспринимало распространение влияния Российской империи. Серьезной проблемой в деле осуществления политических задач в регионе было недостаточное количество информации о быте, культуре, истории и особенностях менталитета народов Средней Азии. Конфликты возникали не только в связи с культурными, но и с религиозными факторами.

Михаил Африканович Терентьев (1837-1909) был одним из тех, кому довелось на практике способствовать расширению влияния Российской империи в Средней Азии. Его труды, в которых он описывает геополитический конфликт Британской и Российской империй и историю присоединения Российской империей Средней Азии, особенно интересны по ряду причин, к которым относится не только то, что М.А. Терентьев лично присутствовал в регионе и помогал продвигать российскую политику, но и то, что его знания, опыт и аналитический склад ума позволяли ему достоверно описывать происходящее. М.А. Терентьев интересен также как представитель уникального сословия военных управленцев, служивших в Средней Азии – «туркестанских генералов».

На формирование политических взглядов Терентьева оказали влияние политическая среда (интеграция в Российскую империю государств Средней Азии), социальная и культурная среда (принадлежность к числу «туркестанских генералов», определенным образом интерпретировавших внутреннюю и внешнюю политику России), а также события из собственной биографии мыслителя, предопределившие его мировоззрение.

Анализ биографии М.А. Терентьева позволил создать авторскую классификацию этапов его жизни. На первом этапе (1837–1855) Терентьев полу-

чает образование и начинает карьеру военного, идя по стопам своего отца. Нами было рассмотрено его окружение, личности членов его семьи и сделаны выводы о том, как эти факторы повлияли на его становление и дальнейшую карьеру. На втором этапе (1860–1867) Терентьев изучает языки, получает высшее образование и занимается изобретательской деятельностью. На данном этапе начинается его военная карьера. На третьем этапе (1867–1873) Терентьев работает в Туркестане и публикует свои первые труды, посвященные оптимизации процесса обучения российских военных иностранным языкам. Он оказывается приближенным ко многим военным управленцам и получает те знания и опыт, которые в будущем использует в своих главных трудах. На четвертом этапе (1873–1889) Терентьев возвращается в Санкт-Петербург, получает военно-юридическое образование и публикует целый ряд трудов, как посвященных геополитическому соперничеству Российской и Британской империй в среднеазиатском регионе, так и вопросам обучения иностранным языкам. Кроме того, он принимает участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., получает ряд наград и орденов. В пятый период (1880–1902) Терентьев начинает заниматься практической военно-юридической деятельностью, становится военным судьей. Последний этап жизни Терентьева (1902–1909) начинается его возвращением в Санкт-Петербург, продолжается публикацией фундаментальной «Истории завоевания Средней Азии», а также ряда небольших трудов и завершается скорострительной смертью в связи с болезнью.

М.А. Терентьев на протяжении восьми лет находился на военной службе в Средней Азии и еще пять лет работал в военно-судебной системе Туркестана. Это подтверждает тезис о том, что он является именно практиком, который в связи со своей непосредственной деятельностью мог точно и обоснованно выдвигать теоретические и идеологические положения, нашедшие отражение в его трудах. По уровню образования, военной подготовки и ходу карьеры он был типичным представителем страты «туркестанских генералов», что позволяет использовать его пример для построения

суждений о данной социально-профессиональной группе. При этом он был одним из немногих представителей этой страты, которые отличались аналитическим складом ума, писательским талантом и стремлением изложить свой опыт в книгах, поэтому его можно считать выразителем общественных настроений этой страты «туркестанских генералов», имевшей непосредственное отношение и оказывавшей влияние на процессы присоединения Российской империей территорий Средней Азии. В его работах отразились настроения этой группы, а также представлены характерные интерпретации политических процессов, связанных со среднеазиатской политикой Российской империи, трактуемой как присоединение среднеазиатских народов.

Суждения о М.А. Терентьеве и его трудах в зеркале оценок и мнений исследователей разнятся. Самые частые оценки, которые даются самому М.А. Терентьеву подчеркивают его лингвистические таланты, фундаментальный, почти научный или эксплицитно научный характер его исследований, большое внимание, уделяемое им местным традициям и быту, справедливость и непредвзятость его суждений. Критика же связана в основном с его неоднозначными оценочными суждениями по отношению к местным народам Средней Азии и тому, как последовательно он позиционировал себя в качестве сторонника имперского режима и миропорядка. Что касается его трудов, описывающих среднеазиатскую политику Российской империи, то одни считают их достоверными историческими источниками, другие идеологически ангажированными пропагандистскими работами. Такие оценки обусловлены прежде всего различием подходов авторов к самой политике Российской империи в Средней Азии, которую одни, как и М.А. Терентьев, трактуют как добровольное «присоединение» народов региона, другие как насильственную «колонизацию» его территорий. Однако несмотря на противоречивость оценок, можно говорить о востребованности работ М.А. Терентьева. Его научные труды используются исследователями не только в Российской империи, но и за рубежом, переиздаются, и даже становятся частью массовой культуры.

Двойственность оценок работ Терентьева в современном научном дискурсе объясняется различной интерпретацией исследователями фактической информации, сообщаемой мыслителем в своих работах, и тех оценок, которые Терентьев дает политике России в Средней Азии в целом. Исследователи безоговорочно признают ценность работ Терентьева как источника сведений о среднеазиатской политике России XIX в., но по-разному относятся к тезису мыслителя о добровольном вхождении среднеазиатских народов в состав империи и к сформулированному Терентьевым перечню средств сохранения Петербургом своей власти на новых территориях.

Труды М.А. Терентьева, описывающие среднеазиатскую политику Российской империи, свидетельствует что он хорошо понимал национально-территориальную специфику Средней Азии, которая сводилась не только к религиозным и культурным различиям народов России и среднеазиатского региона, но усугублялась коварством местных элит, использовавших Российскую империю как источник собственного обогащения и нарушавших соглашения с ней. Поэтому наиболее эффективным средством присоединения новых территорий и стабилизации ситуации в регионе М.А. Терентьев считал прежде всего увеличение постоянного контингента российских военных и создание логистической инфраструктуры между точками концентрации военного присутствия.

К этому нужно добавить, что Российская империя в процессе консолидации присоединенных территорий сталкивалась с необходимостью культурной интеграции населявших их народов. Ключевой особенностью российской политики периода присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи было невмешательство в религиозную жизнь местного населения при высокой активности процессов культурной экспансии, которые были основаны на распространении русского языка в школах региона, что создает контраст с политикой Британской империи, безуспешно пытавшейся получить влияние в регионе через отдельных агентов, которые выполняли роли торговцев, путешественников и представителей духовенства.

Анализ произведений Терентьева позволяет выделить его отношение к национально-территориальной специфике Средней Азии. По мнению мыслителя, она заключается в лояльности российскому императору местного населения, руководствующегося религиозными и традиционными ценностями и, одновременно, в потребительском отношении к России местных элит, использующих империю как источник собственного обогащения. Для предотвращения актов предательства со стороны среднеазиатской знати Терентьев разработал систему рекомендаций по управлению Средней Азией.

М.А. Терентьев рассматривал языковую политику в качестве важнейшего средства культурной интеграции новых регионов, присоединяемых к Российской империи, принимал непосредственное участие в ее реализации, подготовил и опубликовал ряд работ, посвященных обучению иностранным языкам, помогающих русским военным успешно коммуницировать с местным населением и военнопленными, а также учебные пособия по обучению русскому языку туземцев Средней Азии. М.А. Терентьев считал, что обучение туземного населения Средней Азии русскому языку, особенно в школах, может быть важным средством русификации и создания в будущем лояльных Российской империи местных элит.

Предложенные Терентьевым мероприятия по осуществлению Россией культурной политики в Средней Азии представляли резкий контраст с деятельностью в регионе Британской империи и предполагали создание системы образования местного населения на русском языке, а также обучение российских управленцев и военнослужащих местным языкам. По заключению Терентьева, успешная реализация языковой политики позволит интегрировать местное население в культурное пространство России.

Во второй половине XIX века Россия стала более активно использовать центральноазиатский регион для восстановления баланса сил в Европе. Одним из важных аспектов, усложнявших продвижение Российской империи в Средней Азии, стало соперничество с Британской империей, получившее позже название «Большая игра».

В ходе этого геополитического противостояния наряду с военно-политическими средствами активно использовалась антироссийская пропаганда западных средств массовой информации, в негативном свете освещавших успехи Российской империи в Средней Азии. В связи с этим М.А. Терентьев предложил противопоставить русофобской пропаганде российское влияние на Великобританию и другие европейские страны путем воздействия на их общественное мнение через прессу, а также публичную дипломатию.

Изучение работ Терентьева позволяет реконструировать его взгляды по поводу противоборства в Средней Азии Российской и Британской империй. Анализируя геополитическое столкновение двух держав (т.н. «Большую игру»), мыслитель рекомендовал сочетать в отношениях с Лондоном стратегии противоборства и сотрудничества. Возможность сотрудничества объяснялось общей цивилизационной миссией империй по распространению в Азии европейской культуры. Противоборство трактовались как неизбежность, обусловленная разными национальными интересами двух стран.

Таким образом, творческое наследие М.А. Терентьева, его труды «История завоевания Средней Азии», «Россия и Англия в Средней Азии», «Россия и Англия в борьбе за рынки», «Русская азбука для школ в Средней Азии», «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке», «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская», «Хрестоматия турецкая, персидская, киргизская и узбекская» и др. имеют непреходящее значение для изучения среднеазиатской политики Российской империи в XIX – начале XX вв.

Перспективы дальнейшего исследования темы заключаются в изучении опыта работы других «туркестанских генералов» в регионе и сравнении их оценок среднеазиатской политики с оценками М.А. Терентьева; в сравнительном анализе политики Российской империи в Средней Азии, среднеазиатской политики в эпоху СССР и в постсоветской России; интересным также представляется изучение отражения политики Российской империи в Средней Азии в российской и зарубежной прессе. К этому нужно добавить, что

продуктивным и полезным представляется перевод «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева на иностранные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1902. 309 с.
2. *Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К.* Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX первой половине XX вв. Ташкент: Фан, 1999. 161 с.
3. *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи, 1801-1914. М.: Европа, 2006. 904 с.
4. *Алексеева Н.Н., Иванова И.С.* Средняя или Центральная Азия? // География. № 28. 2003. [Электронный ресурс] URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804>
5. *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 26–30 мая 2016, г. Ялта (Республика Крым) / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». С. 5–21.
6. *Алёшин А.Н.* Михаил Африканович Терентьев генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед // История востоковедения: традиции и современность: (Материалы III всероссийской школы-конференции). М.: Институт Востоковедения РАН. С. 115–121.
7. *Андерсон К.М., и др.* Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91–127.
8. *Андерсон К.М., и др.* Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136.
9. *Андерсон, К.М., Тальская, О.Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета, № 2, 2019. С. 22-30.

10. *Анненков М.Н.* Ахалтекинский оазис и пути в Индию. СПб.: Штаб. Петербургского военного округа, 1881. 73 с.
11. *Аристов Н.А.* Усуни и киргизы, или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Ил им, 2001. 578 с.
12. *Асонов Н.В.* Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М.: Изд-во РАГС, 2009.
13. *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995. 217 с.
14. *Ачкасов В.А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 106–128.
15. *Бартольд В.В.* Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020. 240 с.
16. *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 года.: Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 293 с.
17. *Бекмаханов Е.Б.* Присоединения Казахстана к России. М.: Изд. АН СССР, 1957. 342 с.
18. *Белозёров В.К.* Афганские и иные уроки Андрея Евгеньевича Снесарева // Безопасность Евразии. 2004. № 4. С. 611–613.
19. *Белозеров В.К.* Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1. С. 190–200.
20. *Белозеров В.К.* Иранский фактор государственной стратегии России // Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября

2016 г. / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 69–71.

21. *Белозёров В.К.* Образование и интеллектуализация военной элиты России как императив обеспечения обороны страны // Элитология и стратегии развития современной России. материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2016. С. 473–483.

22. *Белозеров В.К.* Политическая аксиология государственной границы России // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 15–20.

23. *Белозёров В.К.* Политическая коммуникация в международных отношениях как явление и понятие // Новая реальность и современные коммуникативные технологии. сборник материалов Международной научно-практической конференции. под ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. Москва, 2020. С. 26–30.

24. *Белозёров В.К.* Политология войны в системе научного знания // Философские науки. 2020. № 11. С. 74–90.

25. *Белозёров В.К.* Пространство и граница России в условиях глобальной политической динамики // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова). М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 293–306.

26. *Белозеров В.К.* Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. №2. С. 190–195.

27. *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. 509 с.

28. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Изд-во В.Шевчук, 2000. 258 с.

29. *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1968. 541 с.
30. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 264 с.
31. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М.: ГРВЛ, 1974. 299 с.
32. *Биддульф. А.* Русская Средняя Азия // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военно-ученый ком. Главного штаба, 1892. 211 с.
33. *Бокиев О.* Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе: Ирфон, 1994. 269 с.
34. *Бондаревская Л.Г.* Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // Российская империя на рубеже XIX–XX вв. / ред. А.Г. Голиков, А.П. Карелин. М.: Росспэн, 1999. С. 325–335.
35. *Боотаева Б.Л.* Завоевание Кокандского ханства и присоединение Кыргызстана в Российской империи // Проблемы истории государства и культуры. По материалам международной научно-практической конференции к 10-летию КРСУ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2004. С. 138–146.
36. *Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 21–40.
37. *Брежнева С.Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: Вторая половина XIX в.-начало XXI в. Дисс. ... д-р. истор. наук: 07.00.09. Москва, 2005. 621 с.
38. *Бучастая С.И.* История Чугуевского полка: [2-я половина XVII ст. 1918 г.] // П'яті Сумцовські читання: зб. матеріалів наук. конф. "Музей: історія і проблеми сього дня", 14 трав. 1999 р. / Упр. культури і мистецтв Харк. облдержадмін., Харк. іст. музей. Х., 1999. С. 66–68.
39. *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М.: Тип. Мамонтова, 1868. 361 с.

40. *Вартенбург Макс*. Рост России в Азии. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1900. 123 с.
41. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2(42). С. 140–154.
42. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт второй: Посольство Н. Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3(43). С. 69–85.
43. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878–1879. Акт третий: Война эмира Шир-Али // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4(44). С. 183–201.
44. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2018. 638 с.
45. Васильев Д.В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865-1884 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 3. С. 48–62.
46. Васильев Д. В. Российская империя в Центральной Азии: опыт управления окраиной // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 8(82). [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/>
47. *Васильев Д.В.* Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место // Журнал фронтальных исследований. 2022. №1. С. 58-73.
48. *Васильев Д.В.* Россия в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: влияние целей и характера присоединения на систему управления // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России. – Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 600-614.

49. *Васильев Д.В.* Устроитель Туркестанского края (к биографии К.П. фон-Кауфмана) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. М.: РИО, 2002. С. 45–57.
50. *Васильев Д.В.* Центрально-Азиатский регион Российской Империи: общность внутренней политики через идентичность законодательной практики // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 147-156.
51. *Васильев Д.В., Васильев С.Д.* К вопросу о российском культурном влиянии на повседневность народов Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 10–1. С. 47–58.
52. *Васильев Д. В., Любичанковский С. В.* Народное просвещение в центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1, № 1. С. 5–13.
53. *Васильев Д.В., Почекаев Р.Ю., Асанова С.А.* Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. / под общ. ред Д.В. Васильева. СПб.: Нестор-История, 2021. 240 с.
54. *Вельяминов-Зернов В.В.* Сведения о Кокандском ханстве // Вестник Императорского Русского географического общества, 1856. Кн. 5. Ч. 18. Отд. II. С. 107–152.
55. *Вендт А.* Четыре социологии международной политики. М.: Гардарика, 1998. 262 с.
56. *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1876. 182 с.
57. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. М.: Наука, 1922. 152 с.
58. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. 315 с.
59. *Волков И.В.* Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. [МГОУ]. Мытищи, 2020. 38 с.

60. *Волков И.В.* Организация и деятельность «туземной» милиции в Русском Туркестане // *Власть*. 2018. № 6. С. 146-151.
61. *Волков И.В.* Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). М.: Авторская Академия, 2018. 584 с.
62. *Волков И.В.* Социальная политика царской власти в Русском Туркестане: сфера здравоохранения // *Власть*. 2019. № 1. С. 237-244.
63. *Волков С. В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II. Л—Я. М.: Центрполиграф, 2009. 832 с.
64. *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр, 1882. 711 с.
65. *Горохов А.А.* Идея единства мировой культуры в русской консервативной социально-политической мысли XIX века // *Вестник российской нации*. 2012. №1. С. 100–101.
66. ГОСТ 21830-76 Приборы Геодезические. Термины и определения. М.: Издательство стандартов. 1986. 26 с.
67. *Григорьев В.В.* Россия и Азия. М.: Вече, 2020. 320 с.
68. *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб.: КИТ, 1909. 380 с.
69. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Та-наис, 1992. 560 с.
70. *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII - перв. пол. XIX вв. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 309 с.
71. *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Изд. 2-е. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963. 436 с.
72. *Достян И.С.* Российская политика в восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // *Балканские исследования*. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М.: Институт славяноведения РАН, 1992. С. 6–15.

73. *Дубовиков А.М.* Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, № 1 (21), 2017. С. 74–94.
74. *Дубовицкий В.В.* Россия и Бухарское ханство: история стратегического партнерства // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе: Шарки Озод. 1998. С. 89–96.
75. *Звавич А.И.* Русско-английские отношения, 1909–1914 // Московский областной педагогический институт, Ученые записки. 1961. Т. 105. Вып. 6. С. 73–103.
76. *Зияев Х.З.* Завоевание Бухарского и Хивинского ханств царизмом // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 8. С. 30–39.
77. *Зорин В.Ю.* Мусульмане Российской империи: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире. 2016. Том 12, № 2. С. 117–126.
78. *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI середина XIX вв.). М.: Издательство восточной литературы, 1958. 247 с.
79. *Иванова, М.И., Аристова, К.Г.* Веротерпимость в Российской империи: точка отсчета становления и развития // Религия и Общество 13. Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 31–34.
80. Имперская политика аккультурации и колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): коллективная монография / науч. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с.
81. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 368 с.
82. История Узбекской ССР в четырех томах, Т.2. От присоединения узбекских ханств к Российской империи до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент: ФАН, 1968. 662 с.

83. *Карнишина Н.Г.* Национальные окраины Российской империи в середине XIX начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2(18). С. 22–28.
84. *Касымбаев Ж.* Последний поход хана Кенесары и его гибель (декабрь 1846 апрель 1847). Алматы: Аннатш, 2002. 200 с.
85. *Кинятина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (втор. пол. XVIII-80-е гг. XIX вв.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 328 с.
86. *Кожекина М.Т, Федорова И.Е.* Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М.: Наука, 1989. 174 с.
87. *Козиков И.А.* Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский о цивилизационных особенностях Российской империи // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. М.: 2016, №6. С. 123–131.
88. *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской государственности. СПб: Изд-во А.Ф. Бабунова, 1871. 358 с.
89. *Котюкова Т. В.* «Другой» мир глазами «Своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. С.25-30.
90. *Котюкова Т.В.* Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. С. 78–98.
91. Краткая записка о невыгодном для России положении торговли ее в Средней Азии (где-то в 1857 г.), исправлена В.В. Григорьевым // Русский вестник. 1871. № 2. С. 452–457.
92. *Кундакбаева Ж. М.А.* Терентьев. История завоевания средней Азии // Вопросы истории, № 4, 2019. С. 159–163.

93. *Кюстин А. де.* Российская империя в 1839 году: В 2 т. Т.2 / Пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной, С. Зенкина; под общ. ред. В. Мильчиной; Комментар. В. Мильчиной, А. Осповата. М.: ТЕРРА. 2000. 1056 с.
94. *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. Ташкент: ФАН, 1986. 142 с.
95. *Ленин В.И.* К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч.; 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 25. С.64-76.
96. *Летняков Д.Е.* Историческая память российского общества: к построению агонистической модели // Мир России. 2023. Т. 32. №1. С.109-129.
97. *Летняков Д.Е.* К вопросу о генеалогии имперского сознания в России // Философский журнал. 2015. Т. 8, №2. С. 112-127.
98. *Летняков Д.Е.* Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Дискурс-Пи. 2021. №2(18). С. 61-76.
99. *Летняков Д.Е.* Постколониальная теория для постсоветского пространства: возможные ограничения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №3(64). С. 110-118.
100. *Летняков Д.Е.* Россия и мир: роль экзогенных факторов в русской истории // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / Отв. ред. А.В. Смирнов М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С. 11-39
101. *Летняков Д.Е.* Россия и постколониальная теория: некоторые размышления о концепте «империя-субалтерн» // Полилог/Polylogos. 2019. Т. 3. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110005007-9-1/>.
102. *Летняков Д.Е.* Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций // Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты / Под ред. Р.В. Евстифеева. Владимир: Владимирский фил. РАНХиГС, 2014. С. 27-61.

103. *Летняков Д.Э.* Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // *Личность. Культура. Общество*, т. 23, № 3(111), 2021. С. 57–69.
104. *Летняков Д.Е., Малахов В.С.* Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. №2. С. 248–271.
105. *Летняков Д.Е., Малахов В.С.* Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // *Мир России*. 2019. Т.28, №4. С. 49-67.
106. *Литвинов В.П.* Ислам в царской России: паломничество мусульман Средней Азии: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2022. 204 с.
107. *Литвинов В. П.* Исторический опыт Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман Средней Азии (1865–1917 гг.): автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2019. 42 с.
108. *Литвинов В.П.* Политика российских властей в отношении вакуфов «святых мест» в Средней Азии в дореволюционный период // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2021. №3. С. 69-77.
109. *Литвинов В.П.* Политико-правовые задачи управления Российской империи в Средней Азии: административно-правовая практика включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2023. № 1. С. 61-68.
110. *Литвинов В.П.* Проблемы полицейской службы в государствах мусульманского Востока: эпоха Средневековья и Новое время // *Исламоведение*. 2021. № 3. С. 102-113.
111. *Литвинов В.П.* Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865–1917 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. №4. С. 781-792.
112. *Логофет Д.Н.* Завоевание Средней Азии // *История русской армии и флота*. М.: Изд-во товарищества «Образование», 1913. 235 с.

113. *Лурье С.В.* Идеология и геополитическое действие. Вектор российской культурной экспансии: Балканы - Константинополь - Палестина - Эфиопия // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1991. С. 153–174.
114. *Лурье С.В.* Русские в Средней Азии и англичане в Индии: Доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры / Под ред. Б.С.Ерасова. Вып. II, М.: Мысль, 1995. С. 252–273.
115. *Львов И.* Завоевание Туркестана // Русский вестник. 1868. № 7 С. 152–174.
116. *Любимов А.П.* Политико-правовой анализ присоединения Средней Азии к Российской Империи // Международный правовой курьер. Электронное сетевое издание. URL: <http://inter-legal.ru/politiko-pravovoj-analiz-prisoedine> [дата доступа: 04.05.2021].
117. *Миллер А.И.* Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в. XX в. М.: ИВИ РАН. 2004. С. 142–155.
118. *Модестов С.А.* Актуальные вопросы целеполагания при планировании мероприятий денацификации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 38–46.
119. *Модестов С.А.* Военное дело англо-саксов // Вестник Академии военных наук. 2021. № 1 (74). С. 174–176.
120. *Модестов С.А.* Геополитика ислама. М.: Молодая Гвардия, 2003. 190 с.
121. *Модестов С.А.* Глубинное государство как угроза национальной государственности // Эко-потенциал. 2018. № 3. С. 180–185.
122. *Модестов С.А.* Терроризм как фактор, влияющий на военно-политическую и стратегическую обстановку в Каспийском регионе // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 26–34.
123. *Модестов С.А., Первалов В.Д., Шернаев В.И.* Государство, право и безопасность: аксиологические аспекты соотношения // Социальная ценность

права в современном обществе: Материалы шестого Всероссийского симпозиума, Екатеринбург, 03–04 июня 2021 года / Отв. редактор В.Д. Перевалов. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 117–139.

124. *Модестов С.А., Сунцова Е.А.* Правовое регулирование проведения военно-полицейских операций // *Эко-потенциал*. 2018. № 2. С. 193–200.

125. *Мухамедина Ш.* Центральная Азия и Казахстан: исторический «ренессанс» или социальный заказ? // *Диалог со временем*, № 53, 2015. С. 119–138.

126. *Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015. Т.11, № 1. С. 93–102.

127. *Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015. Т. 11. № 3. С. 35–48.

128. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. Ташкент: ФАН, 1973. 388 с.

129. *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968. 77 с.

130. *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.

131. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. имп. ун-та, 1886. 215 с.

132. Национальная политика в императорской России: Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Сред. Азия): [Документы] / Сост., ред. и авт. вступ. ст. Ю. И. Семенов. М.: Старый сад, 1997. 413 с.

133. Национальная политика России: история и современность. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. 679 с.
134. *Небольсин П. И.* Очерки торговли Российской империи с Средней Азией // Записки Русского географического общества. СПб: Типография императорской академии наук. кн. X. 378 с.
135. *Небренчин С.М.* Глобальное столкновение геокультур // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 32–41.
136. *Небренчин С.М.* Исторический опыт работы Русской армии с населением мусульманского востока в XIX–XX столетиях // Вестник Московского Государственного Лингвистического Ун-та. Сер. Общественные науки. 2016. Вып. 2(767). С.131-150.
137. *Небренчин С.М.* Мусульманский восток и русская армия // Военный академический журнал. 2015. №4 (8). С.55-65.
138. *Небренчин С.М.* Мягкая сила: теория и практика // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 1, Часть 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 142–150.
139. *Небренчин С.М.* Мягкая сила: теория и практика // Военный академический журнал. 2017. №2. С. 46–58.
140. *Небренчин С.М.* Русофобия в гибридной войне против России // Гуманитарные аспекты информационного противоборства в гибридных войнах: Материалы межвузовского круглого стола, Москва, 22 апреля 2021 года. М.: Военный университет, 2021. С. 8–15.
141. *Небренчин С.М., Небренчин А.С.* Роль русского языка в консолидации общества и укреплении государства: история и современность // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 20–21 декабря 2018 года /

Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 14, Часть 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 166–172.

142. *Новиков Е.* Политика Российской империи в Центральной Азии // Радио Свобода. [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/24203487.html>.

143. *Олейник В.В.* «Кое-что сделавший на поприще литературы» (избранные персоналии военной юстиции Виленского военного округа конца XIX начала XX века) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: Исследования по новой и новейшей истории, № 4, 2020. С. 87-98.

144. *Панарин А.С.* Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Россия и Восток: цивилизационные отношения. Вып. 2. М.: Мысль, 1995. 266 с.

145. *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М.: Русский мир. 2007. 220 с.

146. *Пирумшоев Х.* Российско-среднеазиатские отношения XVI — середины XIX веков в русской историографии. Душанбе: Маориф, 2000. 334 с.

147. *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 198–242.

148. Послужной список Военного Судьи Виленского Военно-Окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // Российский государственный военно-исторический архив, Фонд 409, опись 1, дело 4/9/15, заголовок дела п/с 67-803.

149. *Потемкин В.П.* История дипломатии. Том 1. С древнейших времен до нового времени. М.: Директ–Медиа, 2015. 543 с.

150. Проекты устройства духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив, 2005, № 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Proekt_duch_del_mus/frametext.htm

151. *Репников А.В.* Данилевский Н.Я. // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / сост. О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, А.В. Репников, В.В. Шелохаев.* М.: РОССПЭН, 2005. С. 133–135.
152. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.
153. *Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М.: Издательство Прометей, 2011. 224 с.
154. *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40-60 гг. XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1963. 238 с.
155. *Розанов В.В.* Национальное назначение // *Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост., вступ. ст. и примеч. С. М. Сергеева.* М.: Издат. группа Скимень: Издат. дом Пренса, 2004. С. 104–107.
156. *Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века / [Ф. М. Мухаметшин и др.].* М.: Издательство Московского университета, 2013. 475 с.
157. *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.* 2010. №10. С. 173–192.
158. *Савицкий П.Н.* Евразийство // *Мир России – Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская.* М.: Высшая школа, 1995. С. 83–96.
159. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // *Мир России – Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская.* М.: Высшая школа, 1995. С. 58–66.
160. *Свод законов Российской империи.* Изд. 3-е. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857. 266 с.
161. *Семенов А.А.* Средняя Азия. М.: Типография О. Л. Сомовой, 1899. 104 с.
162. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856 -1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 466 с.

163. *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка Российской империи в борьбе с Японией, 1904–1905 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92.
164. *Сергеев Е.Ю.* Имперские военные элиты Российской империи и Великобритании в конце XIX — начале XX вв.: опыт сравнительного анализа // Российская империя и Британия. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. Вып. 4. / ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2006. С. 228–247.
165. *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX — начале XX вв. // Российская империя и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: ПРИ РАН, 1996. С. 166–174.
166. *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998. 229 с.
167. *Серебрянников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент: Изд-во штаба Туркестанского военного округа, 1914–1915. Т. 20. 262 с.
168. *Соболевский, В. А.* Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1882. 627 с.
169. *Сонгвунг К., Сечжин Ч.* Поход Бековича-Черкасского на Хиву и продвижение Российской империи в Среднюю Азию в XVIII в. // Вопросы истории, № 7, 2020. С. 165–170.
170. *Тальская О.Д.* «Россия и Англия в Средней Азии» М. А. Терентьева: политико-текстологический анализ // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета. 2019. С. 303–305.
171. *Тальская О.Д.* Вопросы национализма и борьба с «пережитками прошлого» в первых советских газетах Средней Азии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

172. *Тальская О.Д.* Дореволюционные периодические издания Туркестанского края как источник формирования политических настроений // Вестник российской нации. 2015. №4. С.54-63. (на момент публикации журнал входил в перечень АК МГУ).
173. *Тальская О.Д.* Идея освободительного движения в программах национальных политических партий России в начале XX века // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
174. *Тальская О.Д.* Исторические стратегии стабилизации социально-политической обстановки в Средней Азии // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2021. №4. С. 136–145. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-4-1095>
175. *Тальская О.Д.* К вопросу об идеологическом обосновании колониальной политики // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2011». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 14–17.
176. *Тальская О.Д.* Национальное размежевание республик Средней Азии в деятельности Средазбюро // Власть. 2015. № 9. С. 134–137.
177. *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник российской нации. 2017. №6. С. 63–75.
178. *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в Средней Азии. Конец XIX – начало XX вв. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2012». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 232–234.
179. *Тальская О.Д.* Обоснование устойчивости российского государственно-

го устройства на материале трудов М.А. Терентьева // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 308-316.

180. *Тальская О.Д.* Особенности национального характера жителей Центральной Азии в трудах М. А. Терентьева // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014». М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 415–417.

181. *Тальская О.Д.* Особенности политики русификации в западных губерниях Российской империи // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

182. *Тальская О.Д.* Патриотическое воспитание в Российской империи во второй половине XIX века в трудах членов генерального штаба: историко-политологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. 2022. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>

183. *Тальская О.Д.* Первая газета Туркестана и ее влияние на общественно-политическую мысль Средней Азии // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2017». М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 467–471.

184. *Тальская О.Д.* Периодические издания Туркестанского края начала XX века как источник формирования политических настроений // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2015». М.: Политическая энциклопедия. 2015. С. 372–376.

185. *Тальская О.Д.* Политика управления духовными делами мусульман на окраинах Российской империи во второй половине XIX века // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2014. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
186. *Тальская О.Д.* Проблемы управления административными единицами Российской империи на примере Польши // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016». М.: Политическая энциклопедия. 2016. С. 549–553.
187. *Тальская О.Д.* Религиозный вопрос как фактор формирования национальных политических партий России в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2013». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 437–441.
188. *Тальская О.Д.* Россия в Средней Азии: идеология и политика (конец XIX — начало XX века) / под общей редакцией К. М. Андерсона. М.: Аквилон, 2018. 317 с.
189. *Тальская О.Д.* Русскоязычные газеты Туркестанского края XIX века как источник по истории общественной мысли // SCHOLA-2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Издательство Московского университета, 2013. С.270 – 272.
190. *Тальская О.Д.* Средазбюро как орган формирования общественно-политических настроений // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 109–112.
191. *Тальская О.Д.* Среднеазиатская периодика начала XX века // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» /

Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

192. *Тальская О.Д.* Феномен национально-территориального размежевания республик Средней Азии: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. №6. С. 42–49.

193. *Тальская О.Д.* Среднеазиатская политика России 1920–1930-х годов в истории социально-политических учений // SCHOLA-2015, Материалы Третьей международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Политическая энциклопедия. 2015. С. 391–393.

194. *Тальская О.Д.* Среднеазиатская политика России в освещении центральной прессы // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 353–357.

195. *Тальская О.Д.* Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания. 2017. №2. С. 341–348.

196. *Тальская О.Д.* Философия российского империализма на рубеже XIX–XX вв. в трудах М.А. Терентьева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. №3. С. 59–67.

197. *Тальская О.Д.* Эволюция идеологического прикрытия колониальной политики // SCHOLA-2011. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.287 – 289.

198. *Тальская, О. Д.* Идеологическое обоснование имперской политики России в трудах М.А. Терентьева // SCHOLA-2021: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 228–232.

199. *Терентьев М. А.* Россия и Англия в Средней Азии., СПб.: П. Меркурьев, 1875. 243 с.
200. *Терентьев М.* Взятие Карса 6 ноября // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к «Всемирной иллюстрации»: журнал. 1878. № 67. С. 135–136.
201. *Терентьев М.* Взятие Карса 6 ноября (продолжение) // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к «Всемирной иллюстрации»: журнал. 1878. № 68. С. 138–143.
202. *Терентьев М.* Взятие Карса 6 ноября (окончание) // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к «Всемирной иллюстрации»: журнал. 1878. № 70. С. 155.
203. *Терентьев М.А.* Военный переводчик (русско-турецко-румынско-болгарский). СПб.: Военно-учебный комитет Генерального штаба, 1877. 363 с.
204. *Терентьев М.А.* Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1875. 211 с.
205. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. М.: АИРО-XXI, 2018.
206. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3-х тт. СПб.: В. Комаров, 1906.
207. *Терентьев М.А.* Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавказа, 1912. 99 с.
208. *Терентьев М.А.* На прощанье с Средней Азией. Новые военные песни. Ташкент: Типография военно-народного управления, 1873. 27 с.
209. *Терентьев М.А.* Начало революции в Российской империи 9-го января 1905 года. СПб.: В.В. Комаров, 1906. 28 с.
210. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб.: П. Меркурьев, 1876. 264 с.
211. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. 361 с.

212. *Терентьев М.А.* Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке. СПб.: П. Меркурьев, 1875. 68 с.
213. *Терентьев М.А.* Русская азбука для школ в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. 30 с.
214. *Терентьев М.А.* Статистические очерки Средне-Азиатской Российской империи. СПб.: Типография императорской академии наук, 1874. 129 с.
215. *Терентьев М.А.* Толмач спутник русских воинов для неизбежных распросов и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом. СПб.: В. Головин, 1867. 111 с.
216. *Терентьев М.А.* Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1876. 108 с.
217. Терентьев, Михаил Африканович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
218. *Торнау Н.* К истории приобретений России в Азии // Журнал Министерства народного просвещения. Новая сер. 1914. Апрель. С. 257–271.
219. *Троицкая А.И.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века // Восточный сборник. Вып. 3. М.: Наука, 1972. С. 138–148.
220. *Улунян А.А.* Новая политическая география. М.: ИВИ РАН, 2009. 127 с.
221. *Усенбаев К.У.* Народные движения Средней Азии в XIX веке (по материалам Южного Кыргызстана). Бишкек — Ош: Фонд гражданского развития, 1998. 154 с.
222. *Фаресов А.И.* Наша оборона на Востоке // Исторический вестник. 1899. №6. С. 954–960.
223. *Федорова М.М.* Традиция в контексте политико-философских дискуссий // Философский журнал. 2017. Т.10. №3. С. 74–92.
224. *Федченко А.П.* В Кокандском ханстве // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. II. Вып. 7. 1875. С. 32–54.

225. *Фурсов А.И.* Срединность Срединной Азии: об историческом месте Центральной Азии в региональной системе мира // *Афро-азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм.* М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 89–144.
226. *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: САГУ, 1957. 251 с.
227. *Халфин Н.А.* Дж. Н. Керзон в российской Средней Азии // *Вопросы истории.* 1988. № 3. С. 106–115.
228. *Халфин Н.А.* Лорд Керзон — идеолог и политик британского империализма // *Новая и новейшая история.* 1983. № 1. С. 20–40.
229. *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы, 1960. 272 с.
230. *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к Российской империи (60-90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
231. *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начале XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959. 96 с.
232. *Халфин Н.А.* Российская империя и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.). М.: Восточная литература, 1975. 128 с.
233. *Халфин Н.А.* Российская империя и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 408 с.
234. *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-е-70-е гг.). Ташкент: Фан, 1969. 456 с.
235. *Хидоятов Г.А.* Россия и Средняя Азия во второй половине XIX века // *Научн. тр. ТашГУ. Вып. 343. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России.* Ч. 1. С. 11–30.
236. *Цыганков П.В.* М.А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики Российской империи (вторая половина XIX в.) // *Омский научный вестник. Исторические науки,* № 4 (89), 2010. С. 28–31.

237. *Черняев М. Г.* Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А. А. Ширинянца, А. И. Волошина, авт. - сост. Ю. А. Курдин, А. Р. Панов, А. В. Пряников, О. Д. Тальская, А. А. Ширинянц. М.: Издательство Московского университета, 2018. 484 с.
238. *Чихачев П.А.* Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. 224 с.
239. *Якунин А.* О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 83–86.
240. *Янжул И.В.* Исторический очерк русской торговли с Средней Азией. М.: Университетская типография, 1869. 44 с.
241. *Abdildabekova A.M.* Joining of the Kazakh lands to the Russian empire: historiographical review XIX early XX century // Хабаршы. Тарихсериясы, № 4 (91), 2018. Pp. 59–66.
242. *Allen N.B.* Asia. Boston; New York: Johnson Publishing House, 1916. 449 p.
243. *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva, 1865-1924. London: Routledge Curzon, 2005. 370 p.
244. *Gorkowski J.* The Great Game. Rival Empires in Central Asia. Rules of Play. 2017 [Электронный ресурс] URL: https://khybergames.com/legionwargames/docs/TGG_rules_final_print.pdf.
245. *Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu.* Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // Baltic Region. 2018. Т. 10. № 4. P. 132-141.
246. *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. London: John Murray, 2006. 581 p.
247. *Seton-Watson H.* The Russian Empire: 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 1967. 813 p.
248. *Hutton J.* Central Asia: from the Aryan to the Cossack, London: Tinsley brothers, 1875. 472 p.

249. *Kaufman H.* The Collapse of Ancient States and Civilizations as an Organizational Problem // *The Collapse of Ancient States and Civilizations*. Tucson: University of Arizona Press, 1988. Pp. 219-235.
250. *Letnyakov D.* Critical Commentary on the Concept of «Soviet Empire» // *Russian Studies in Philosophy*. 2017. Vol. 55, No. 3-4. Pp. 293-304
251. *Letnyakov D.E., Yakovleva A.F.* Topical discussions in contemporary Russian social and political theory // *Studies in East European Thought*. 2014. Vol. 66. No. 3–4. Pp. 245-261.
252. *Rawlinson H.* England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. 2nd edition, with additional notes. L.: John Murrey, 1875. 393 p.
253. *Russia and England in Central Asia*. M. A. Terentyef. St. Petersburg: 1875. Translated from the Russian by F. C. Daukes, B.C.S. Attache to the Foreign Dept. of the Govt. of India. Calcutta: Printed at the Foreign Department press. V. 1-2. 1876.
254. *Shaukenov A.* Changes in the Political and Legal System of Kazakhstan in the Process of its Incorporation into the Russian Empire from the Second Half of the 18th Century to the End of the 19th Century // *Asian and African Studies*, V. 22, № 2, 2013. Pp. 279-301.
255. *Szirinianc A.* «Eurazjata przed eurazjatyzmem» – akademik wladimir iwanowicz Łamański // *Quo vadis Eurazjo? W poszukiwaniu nowych dróg partnerstwa*. Poznan: Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 2020. C. 41-50.
256. *Tealakh G.O.* The Russian Advance in Central Asia and the British Response 1834-1885. A Thesis Submitted in Fulfilment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy. Durham: University of Durham, 1991. 372 p.
257. *Urquhart D.* England, France, Russia and Turkey. London: J. Ridgway and Sons, 1834. 119 p.
258. *Urquhart D.* Progress of Russia in the West, North, and South, by opening the sources of opinion and appropriating the channels of wealth and power. London: Paula Press, 2016. 524 p.

259. *Urquhart D.* The portfolio; or a collection of state papers. London: J. Ridgway and Sons, 2019. 644 p.
260. *Urquhart D.* The portfolio; or a collection of state papers. Volume 2. London: Arkose Press, 2015. 560 p.
261. *Yetisgin M.* The Anglo-Russian Rivalry, Russia's Annexation of Merv and the Consequences of the Annexation on Turkmens // *Bilig*, № 40, 2007. Pp. 141-165.